

Пол Уильям Андерсон

Война крылатых людей

Глава 1

Великий Адмирал Сиранакс хир Урнан, Наследник Верховной Власти, Вождь Дракхонского Флота, Рыбак Западных Морей, Первый Жрец и Оракул Путеводной Звезды распростер крылья и снова сложил их с шумом, выражающим предельное изумление. Лавина бумаг, сметенных со стола порывом воздуха, некоторое время опускалась на пол.

— Нет! — крикнул он. — Невозможно! Это какая-то ошибка!

— Как адмирал пожелает... — Главный Командор Дельп хир Орикан иронически поклонился. — Разведчики ничего не видели...

Гнев исказил лицо капитана Теонакса хир Урнана, сына Великого Адмирала и его законного наследника. Он оскалил клыки, сверкнувшие белизной на фоне темной пасти.

— Нет времени, чтобы тратить его на твою дерзость, командор Дельп, холодно произнес он. — Было бы хорошо, если бы мой отец, наконец, решил избавиться от солдата, не питающего к нему уважения.

Большая фигура Главного Командора напряглась под перекрещенными ремнями с шитьем — знаками его положения. Капитан Теонакс сделал шаг вперед. Их хвосты распрямились, а крылья распростерлись в яростной готовности к битве, так что вся комната, казалось, была заполнена их телами и ненавистью, которую они питали друг к другу. Словно случайно рука Теонакса опустилась на обсидиановый трезубец. Желтые глаза Дельпа засверкали, а пальцы сжались на рукоятке боевого топора.

Адмирал Сиранакс ударил хвостом об пол, и это прозвучало словно грохот взрыва. Оба противника вздрогнули, вспомнив, где они находятся, и медленно расслабляя мышцу за мышцей под блестящей коричневой шерстью, постепенно успокоились.

— Довольно! — рявкнул Сиранакс. — Дельп! Твой необузданный язык когда-нибудь обязательно тебя погубит. Теонакс, мне уже надоели твои фокусы! Тебе представится возможность заняться своими врагами, когда меня уже не будет на этом свете! А пока что побереги тех немногих способных офицеров, которые еще остались в нашем Флоте!

Уже давно никто не слышал от Адмирала таких решительных слов. Его сын и подчиненные осознали, что этот поседевший, ревматический старик с помутневшими глазами — это именно тот, кто был когда-то покорителем Майонского Флота! Тысяча отрубленных крыльев вражеских вождей повисла тогда на мачтах дракхонов. Это был все еще их вождь в войне со Стадом ланнахов. И они приняли позу почтения и стали ждать, что он скажет дальше.

— Ты понял меня слишком дословно, Дельп, — начал Адмирал, но уже более мягким тоном. Потянувшись к полке, размещенной над столом, он взял длинную трубку и начал набивать ее лепестками высушенного држа, которые доставал из кисета, висящего на поясе. Одновременно Адмирал удобно уложил свое плохо гнущееся старческое тело в кресле из дерева и кожи. — Конечно, я удивился, однако могу поспорить, что наши разведчики еще не разучились пользоваться подзорными трубами. Еще раз точно опиши мне, что произошло.

— Наш патруль отправился на обычную разведку в место, находящееся на расстоянии тридцати обдиенан отсюда на северо-северо-запад... — Дельп осторожно подбирая слова. — Это рядом с островом, который называют... Не могу выговорить варварского названия, данного ему тамошними обитателями, но оно звучит в переводе, как «Шелест Знамен».

— Да, да, — кивнул Сиранакс. — Знаю. — Он улыбнулся. — Знаешь ли, мой друг, мне еще случается временами рассматривать карты.

Теонакс улыбнулся. Дельп не умел быть льстивым, и это было его слабым местом. Дед Командора был обыкновенным парусным мастером, а отец смог дослужиться только до капитана Флота. Это, конечно, могло случиться уже после того, как их род получил дворянство за героизм в битве за Ксариду но все равно это было мелкое дворянство, немногим выше обычных моряков, и на их руках еще были видны следы тяжелой работы.

Сиранакс — воплощенный ответ Флота на те дни голода и опустошения выбирал офицеров по их способностям — и ничего кроме этого! Именно таким образом простой Дельп хир Орикан в течение нескольких лет поднялся на второе по важности место среди дракхонов. Однако это не сгладило шероховатости его воспитания и не научило его, как следует себя вести с истинно благороднорожденными.

Насколько Дельп пользовался популярностью среди простых моряков, настолько большинство аристократов ненавидело его — выскочку, простака, который посмел жениться на дочери рода Аксоллон! Пусть только хранящие его крылья старого адмирала сомкнутся в смертельном объятии...

Теонакс уже сейчас смаковал подробности того, что ожидает Дельпа хир Орикана. Найти какую-нибудь причину для обвинения будет нетрудно...

Командор сглотнул слюну.

— Прости, господин... — буркнул он. — Я не хотел... В конце концов мы недавно находимся в этом море... Разведчики увидели этот плывущий предмет, не похожий ни на что, известное нам. Двое из них прилетели, чтобы доложить нам об этом, и ждут приказа. Я не летал, чтобы проверить их донесение. Но уверен, господин, что это чистая правда!

— Плавающий предмет в шесть раз длиннее, чем самые длинные наши лодки. Предмет, который похож на лед, но не из льда. — Адмирал потряс длинной седой гривой.

— Хорошо отполированный горный хрусталь похож на это вещество, заявил Дельп. — Но он не такой светлый. И у него нет такого сияния.

— И ты говоришь, что по нему бегают животные?

— Три, господин. Примерно такого же роста, как и мы, или даже немного больше, но без крыльев и хвостов. Но это не животные... Я думаю... Дело в том... что они носят одежду и, по-моему, то, на чем они находятся, не должно было служить в качестве лодки. На этом предмете тяжело удерживать равновесие и, кроме того, он тонет.

— Если это не лодка и не кусок дерева, смытый с берега, — удивился Теонакс, — то скажи, откуда он взялся? Из далеких морей?

— Не думаю, капитан, — бросил с раздражением Дельп. — Если бы это было так, то существа, находящиеся на этом предмете, были бы рыбами или морскими

млекопитающими... Во всяком случае, они были бы приспособлены к жизни на воде. А эти не приспособлены. Они выглядят типичными сухопутными существами, хотя у них только четыре конечности.

— Итак, по всей вероятности, они упали с неба, — язвительно засмеялся Теонакс.

— Я не был бы сильно этим удивлен, — очень тихо сказал Дельп. Никакое другое объяснение тут не подходит.

Теонакс от изумления раскрыл пасть. Но старый адмирал только кивнул головой.

— Очень хорошо, — буркнул он. — Мне приятно, что у кого-то из моих подчиненных еще осталось немного воображения.

— Но откуда они могли прилететь? — взорвался Теонакс.

— Быть может, наши враги, ланнахи, могут что-то знать об этом, сказал адмирал. — Каждый год они облетают большие пространства, чем мы видим за целые поколения. Они встречаются с варварскими стадами в тропических районах и обмениваются новостями.

— А также самками, — вырвалось у Теонакса. В его голосе прозвучало наивысшее неодобрение, однако оно было скрашено сладострастием, что было характерно для отношения всего Флота к обычаям перелетных рас.

— Неважно! — рявкнул Дельп.

Теонакс ощетинился.

— Ты, помет мойщика палуб, как ты смеешь...

— Замолкни! — взревел Сиранакс, и оба притихли.

— Я прикажу допросить наших пленных, — через мгновение продолжал адмирал, но уже более спокойным тоном. — Тем временем нужно будет послать быструю лодку, чтобы они забрали тех троих, пока не утонул предмет, на котором они находятся.

— Они могут быть опасными, — предостерег Теонакс.

— Вот именно, — кивнул его отец. — Если это так, то будет лучше, если они окажутся в наших руках. Ведь их могут спасти ланнахи и заключить с ними союз. Дельп, возьми «Герунис» с верной командой и поставь паруса.

Возьми с собой ланнаха, которого мы поймали: как его там зовут... ну, того, который владеет языками...

— Толк? — У командора были трудности с чужим произношением.

— Вот именно, может быть, он сможет с ними поговорить. Пошли назад разведчиков, как только прибудете на место и захватите неизвестных, чтобы они представили мне отчет. Но держись подальше от главных сил Флота, пока у тебя не будет уверенности, что они для нас не опасны. А также, пока мне не удастся уменьшить суеверный страх черни перед морскими дьяволами. Будь вежлив, насколько это возможно, но и резок, если это будет необходимо. Мы всегда сможем попросить прощения или выбросить тела за борт. А теперь лети!

Глава 2

Его угнетала пустота.

Даже с такой маленькой высоты, с колышущегося и неустойчивого корпуса разбитого планетолета, Эрик Вейс ощущал беспомощность человека перед природой. Ему казалось, что сама беспредельность горизонта, в котором смыкались морозная бледность неба и серость туч, бури и волн, движущихся вперед — всего этого хватит, чтобы испугать любого. Его предки смотрели в лицо смерти на Земле, но земной горизонт не был таким бескрайним.

Что с того, что его отделяли от Солнца более сотни световых лет? Эти расстояния были слишком велики, чтобы их можно было представить: они становились только числами и не ужасали того, кто измерял скорость космического корабля с двигателями второго класса в парсеках за неделю.

Даже эти десять тысяч километров открытого океана, отделяющие его от торгового поселения — единственной человеческой колонии в этом мире — были не более чем еще

одним числом. Позже, если бы ему удалось выжить, Эрик мучил бы себя размышлениями о том, как переслать через эту пустоту известие о себе. Однако пока он был занят лишь тем, как сохранить себе жизнь.

Тем не менее он только сейчас оценил величину этой планеты. Ранее, во время полугодовой службы, она не очень-то его поразила — но тогда он был изолирован психологически и физически безотказностью могучей техники.

Теперь же он был на тонущем корабле и видел за холодными волнами только горизонт, в два раза более отдаленный, чем на Земле.

Планетолет затрясся от резкого удара. Вейс потерял равновесие и соскользнул с изогнутых плит брони. Он лихорадочно пытался ухватиться за тонкий трос, которым были привязаны к навигационной башне контейнеры с едой. Если он упадет в воду, то сапоги и мокрая одежда потянут его в глубину, как камень. Каким-то образом он все же сумел изловчиться и схватить трос, остановив свое падение. Разочарованная волна хлестнула его по лицу, словно влажная соленая рука.

Трясаясь от холода, Эрик Вейс прикрепил на место последний контейнер и на четвереньках пополз к люку. Это был маленький аварийный люк: волны уже залили роскошную прогулочную палубу, по которой любили прохаживаться пассажиры, когда гравитаторы корабля несли его по воздуху. Нарядный бронзовый выход на палубу уже полностью находился под водой.

Когда они упали в море, вода залила разбитое машинное отделение. Она просачивалась через погнутые перегородки и лопающиеся плиты обшивки, и теперь уже корабль был почти готов к своему последнему путешествию — на дно моря.

Ветер своими худыми пальцами перебирал мокрые волосы Эрика и старался помешать ему закрыть люк. Эрик боролся с ураганом... С ураганом? Нет, черт возьми! Ветер дул едва со скоростью неповоротливого бриза, но при атмосферном давлении, шестикратно превышающем земное, этот ветерок был посильнее земного шторма. Пусть поглотит ад Планетолет Политехнической Лиги номер 2987165/11! Пропади пропадом сама Лига, Николас ван Рийн и особенно Эрик Вейс, раз он оказался таким глупцом, что решился работать в Компании!

Борясь с люком, он вскользь посмотрел вверх него, словно ожидал откуда-то спасения. Он увидел красноватое солнце и огромные массы туч, грозящие бурей с севера, и на их фоне несколько точек — наверное, это были обитатели планеты.

Пусть дьявол их поджарит на медленном огне за то, что они не догадались прийти на помощь! Или пусть незаметно удалятся отсюда, когда люди пойдут на дно, пусть не висят здесь над нами, упиваясь этим зрелищем!

Вейс наконец закрыл люк, быстро повернул задвижку и спустился вниз по лестнице. У самого ее конца он был вынужден остановиться, чтобы не упасть от сильного толчка. Он еще слышал биение волн о корпус корабля и вой вихря.

— Все в порядке?

— Да, госпожа, — ответил он. — Насколько это возможно...

— А возможно немного, не так ли? — Княгиня Сандра Тамарин осветила его фонариком. В тусклом свете она казалась еще одной тенью в глубине мертвой машины.

— Ты выглядишь как вымокшая крыса, приятель. Иди сюда, здесь для тебя есть сухая одежда.

Эрик кивнул. Он снял мокрую куртку и пинком сбросил сапоги, в которых хлюпала вода. Без них он промерз бы там, наверху, где не могло быть больше пяти градусов выше нуля, но ему казалось, что в них плещется половина океана. Когда Эрик шел вглубь коридора, его зубы стучали от озноба.

Эрик Вейс был молодым человеком, родом из Северной Америки. У него были рыжие волосы, голубые глаза и слегка квадратное лицо. Он вполне мог похвастать своей атлетически стройной фигурой. Работать он начал в возрасте двенадцати лет, как практикант коммерческого училища на складах Земли, а сейчас уже был представителем Галактической

Компании Специй и Спиртных напитков на всей планете Диомед. Нельзя сказать, что это была ослепительная карьера, поскольку Ван Рийн был сторонником продвижения по службе согласно заслугам, и наибольшие шансы имели те, кто мог быстро соображать, метко стрелять и быть в ладах с фортуной. Карьера же Эрика Вейса продвигалась вперед спокойно, в перспективе у него были торговые точки на более близких и приятных планетах и, в конце концов, руководящая должность где-нибудь на Земле... Впрочем, зачем об этом думать, коль скоро воды чужой планеты должны были поглотить его через несколько часов.

В конце коридора находилась навигационная башня, выступая из корпуса корабля. Сквозь прозрачную броню внутрь проникал дневной медный свет местного солнца, низко стоявшего на бледном небе, затянутом тучами на юго-западе. Княгиня Сандра выключила фонарик и указала на лежащий на столе комбинезон. Рядом находилась утепленная куртка с капюшоном и перчатками, которая ему понадобится, когда он снова выйдет наружу на предвесенний воздух.

— Одень это, — сказала княгиня. — Когда корабль пойдет на дно, отсюда нужно будет быстро убираться.

— А где Ван Рийн? — спросил он.

— Он заканчивает работу над плотом. Ван Рийн знает, как обращаться с инструментами, правда? Когда-то он же был простым членом экипажа космического корабля.

Вейс пожал плечами и ждал, когда Сандра выйдет.

— Переодевайся же скорее! — прикрикнула она.

— Но...

— Ах... — По ее лицу промелькнула слабая улыбка. — Не думала, что на Земле все еще стыдятся наготы.

— Вообще-то нет, госпожа... но ведь ты благороднорожденная княгиня, а я только простой торговец...

— Самые большие снобы происходят с республиканских планет, таких, например, как Земля, — сказала княгиня. — Здесь, на этом тонущем корабле мы все равны. Быстро переодевайся! Я отвернусь, если ты стесняешься.

Вейс втиснулся в комбинезон так быстро, как только мог. Ее веселость принесла ему неожиданное утешение. И почему этому старому, толстому, льстивому козлу Ван Рийну всегда так везет?

Колонисты на планете Гермес в большинстве своем происходили из дворянских родов, а их потомки свято чтит чистоту крови, особенно это вошло в моду после того, как Гермес объявил себя Автономным Великим Княжеством. Княгиня Сандра Тамарин была почти такого же роста, что и Эрик, а просторная полярная одежда не могла скрыть ее стройных женственных форм.

Она не была красивой, ее лицо имело слишком выразительные черты: широкий рот, курносый нос, выдающиеся скулы. Однако ее большие зеленые глаза, оправленные в длинные черные ресницы, и тяжелые черные брови были такими красивыми, каких он в своей жизни не видел. Волосы у нее были прямые, длинные, пепельного цвета — сейчас они были собраны в узел, но Эрик видел их когда-то при свете свечи свободно падающими на плечи...

— Ты уже закончил, Эрик Вейс?

— Ох... Простите, госпожа. Я задумался. Еще минутку. — Он натянул утепленную куртку, но не стал ее застегивать. Внутри корпуса еще сохранялись остатки тепла. — Уже! Прошу прощения, госпожа.

— Ничего. — Она обернулась и, не взглянув на него, посмотрела вверх.

— Эти туземцы... они еще там?

— Я думаю, да, госпожа. Но они слишком высоко летают, чтобы я мог знать это наверняка. Насколько мне известно, обычная высота их полета пять-шесть километров.

— Я тут думала кое о чем, Эрик, но у меня не было случая задать вопрос. Мне кажется,

что существа величиной с человека вообще не могут летать! Они просто не могут существовать, так как должны обладать очень интенсивным обменом веществ.

— Госпожа, и ты задаешь такие вопросы сейчас?

Она улыбнулась.

— Конечно. Мы ведь ничем не заняты. Мы просто ждем Николаса Ван Рийна. Что же нам еще остается делать, кроме как разговаривать об особенностях расы диомеданцев?

— Мы можем ему помочь... Помочь побыстрее закончить этот плот. Иначе мы все утонем!

— Ван Рийн сказал мне, что аккумуляторов хватает только на один сварочный аппарат, так что любая помощь будет ему только помехой. И не будем говорить о том, что ожидает нас. У высокорожденных жителей Гермеса есть свои обычаи и предписания, в том числе и относительно поведения перед лицом смерти. А из чего же состоит человек, как не из обычаев и предписаний? — Она говорила свободным, глухим голосом, слегка улыбаясь, но Эрик задумывался, какая часть этой свободы была притворством?

Он хотел сказать ей: «Мы находимся в водах океана на планете, которые принесут нам смерть. В нескольких десятках километров отсюда есть остров, но в какую сторону — точно неизвестно. Что ожидает нас в лучшем случае?

Может быть, нам удастся закончить вовремя плот, состоящий из пустых бочек из-под топлива; нам удастся погрузить на него пищу, пригодную для употребления людям; может быть, шторм, просыпающийся на севере, уляжется... Туземцы пролетели над нами еще несколько часов назад, но с того времени они не обращают на нас внимания, совершенно игнорируя — во всяком случае, помощи они нам не оказали!..

Кто-то ненавидит тебя или Ван Рийна, — продолжал бы он. — Не меня, а вас! Я слишком маленькая фигура, чтобы меня можно было ненавидеть. Но Ван Рийн владеет Галактической компанией Приправ и Спиртных Напитков, которая имеет большое влияние в исследованной части Галактики. А ты, госпожа княгиня Сандра Тамарин, наследница трона, владеющего целой планетой конечно, если ты переживешь нынешние события. Ты отвергла много предложений замужества, сделанных представителями обнищавшей большой аристократии своей планеты, и публично объявила, что поищешь отца своим детям в каком-нибудь другом месте. Ты громогласно объявила, что очередным великим князем Гермеса будет мужчина, а не хихикающий манекен. Так что многие дворяне опасаются твоего возвращения на трон.

О, да, можно еще сказать, что есть еще много таких, которые воспользуются тем, что Николас Ван Рийн или Сандра Тамарин не вернутся из этого путешествия. Со стороны моего хозяина, конечно, было галантно предложить вам, княгиня, путешествовать с Антареса, где вы познакомились, на Землю на собственном космическом корабле, с остановками в наиболее интересных местах в течение всего пути. Самое малое, на что мог рассчитывать Ван Рийн — это на торговые привилегии на территории Великого Княжества. Самое большое — нет, он не мог рассчитывать на официальную связь. Для этого в нем слишком много двуличия, да и ты, гордая, красивая и невинная, не допустила бы его к высокому трону своих предков.

Но я удаляюсь от темы, моя дорогая госпожа, — говорил бы он дальше. А самое главное — это то, что кого-то из нашей команды подкупили! Заговор был ловко подготовлен, и этот кто-то ждал только подходящего случая.

Случай подвернулся после посадки на Диомеде, когда ты захотела увидеть, как выглядит настоящая девственная планета, даже главные континенты которой не смогли нанести на карту в течение тех пяти лет, как основана здесь колония. Да, случай подвернулся, когда мне было приказано отвезти тебя и моего шефа к тем крутым горам на другой стороне планеты, которые привлекали своим волшебным видом. Бомба в главном генераторе... Команда погибла, техники и стюарды убиты взрывом, пилот разбил себе голову, когда нас резко бросило в воду... Радио разбито... и планетолет тонет. Он затонет гораздо быстрее, чем персонал базы начнет беспокоиться и будет организована спасательная

экспедиция. И даже если мы все еще к тому времени не утонем — есть ли хоть один шанс, что несколько воздушных платформ, кружащихся над почти совершенно неисследованным миром, в два раза большим, чем Земля, смогут заметить на воде три маленьких человеческих точки?

Таким образом, — хотел он еще сказать, — мы стоим перед лицом неминуемой гибели, и я предлагаю тебе, госпожа: забудь обо всем на то короткое время, которое нам еще осталось, и поцелуй меня!»

Но слова застряли у него в горле, и он ничего не сказал.

— Так что? — в ее голосе прозвучала нотка нетерпения. — Ты молчишь, Эрик Вейс?

— Прости, госпожа, — буркнул он. — Я боюсь, что не смогу вести светский разговор... в таких условиях.

— Я сожалею, что не обладаю достаточной квалификацией, чтобы отпустить твои грехи и дать духовное утешение, — с ранящей насмешливостью сказала она.

Большая гривастая волна поднялась над наружной палубой и достигла башенки. Они почувствовали, как конструкция из стали и пластика затряслась под ее ударом. Прежде, чем волна схлынула, они стояли в непроницаемой темноте.

Когда посветлело и Вейс увидел, как глубоко уже погрузился разбитый корабль, он задумался, сумеют ли они вообще перейти на плот Ван Рийна через залитый люк грузового трюма. Неожиданно его взгляд привлекла белизна, сверкнувшая вдали.

Он не поверил своим глазам, решив, что зрение решило в эти последние минуты сыграть с ним злую шутку.

— Княгиня Сандра, — очень осторожно произнес он, потому что не мог позволить себе криков, которые можно простить только низкорожденным землянам.

— Да? — Она, не повернув головы, все еще созерцала горизонт на севере, наполненный только тучами и молниями.

— Там, госпожа... примерно на юго-востоке... паруса, идущие под ветром...

— Что? — вырвался у нее крик.

Ни с того ни с сего Эрик громко рассмеялся.

— Какая-то лодка идет к нам, — показал он. — И притом быстро.

— Я не знала, что туземцы еще и моряки, — тихо сказала Сандра.

— Те, что обитают рядом с нашей торговой точкой, наверняка, нет, ответил Эрик. — Но нельзя забывать, что перед нами огромная планета.

Поверхность ее суши примерно в четыре раза превышает поверхность суши Земли, а мы до сих пор узнали только маленький клочок одного континента...

— Так ты не знаешь, кто эти моряки?

— Не имею представления, госпожа.

Глава 3

Привлеченный криками, Николас Ван Рийн, сопя, подходил к навигационной башенке.

— Ад и дьяволы! — рычал он. — Что там у вас? Да, это похоже на лодку, а может быть, ялик. Нет, постой-ка. На грот-мачте поставлен квадратный парус и... да, есть и противовес. Хм... он ведет себя так, словно у него есть приличный руль и... Все святые господни, позаботьтесь о нас! Эта чертова штуковина выдолблена из ствола гигантского дерева!

— А чего вы ожидаете на планете без металлов? — не выдержал Эрик. Его нервы были так напряжены, что он забыл о почтении. Почтении, которое он должен был выказывать аристократу торговой профессии — своему начальнику!

— Хм... могли бы быть сборные суда, какие-нибудь плоты, катамараны...

Сухую одежду, быстро! Слишком холодно для таких развлечений!

Вейс увидел, что Ван Рийн стоит в луже соленой морской воды, которая стекает по его ногам. Трюм, в котором он работал, наверняка был залит уже много часов.

— Я сейчас принесу, Николас. — Сандра побежала вниз по коридору, разбрызгивая воду. Коридор постоянно наклонялся по мере того, как все больше воды проникало внутрь корабля через разбитую корму.

Эрик помог своему шефу снять промокший комбинезон. Обнаженный Ван Рийн напоминал — как же называлась эта вымершая обезьяна? — двухметровую гориллу. Ван Рийн громко выражал свое недовольство холодом, влажностью и медлительностью движений своих помощников. На толстых его пальцах сверкали кольца, на запястьях — браслеты, на шее висел медальон с изображением святого Дизмы. Вейс всегда считал, что короткие волосы и хорошо выбритое лицо более практичны; Ван Рийн же завивал и помадил свои черные волосы согласно архаической моде, на лице он растил козлиную бородку, а так же ужасающе напомаженные усы под большим изогнутым носом.

Сопя, он рылся в навигационном ящике, пока не отыскал бутылку рома.

— Ага! Я знал, что она должна быть где-то здесь, родимая. — Он приложился к бутылке и одним глотком проглотил порцию, равную нескольким рюмкам. — Хорошо! Прекрасно! Может быть, мы снова теперь начнем жить, как уважающие себя люди, а?

Когда он услышал, что Сандра возвращается, он обернулся, величественный и круглый, как луна. Единственной подходящей ему одеждой была его собственная одежда: пышное одеяние, состоящее из рубашки, обшитой кружевами, вышитого жилета, шаровар и чулок из блестящего шелка, золотистых туфель, шляпы и лучемета в кобуре.

— Благодарю! — коротко сказал он. — Эрик, пока я буду одеваться, будь добр спуститься в холл и принести мне оттуда коробочку сигар и бутылочку кальвадоса. А потом мы отправимся наружу, чтобы поприветствовать наших спасителей.

— Святой Петр! — закричал Вейс. — Холл находится под водой!

— Жаль, — болезненно вздохнул Ван Рийн. — Ну, тогда принеси мне только кальвадос. Быстро! — щелкнул он пальцами.

— Нет времени, сэр, — поспешно сказал Вейс. — Я должен еще собрать кое-что из наших вещей. Надо прихватить немного боеприпасов, так как туземцы могут быть настроены враждебно.

— Да, такое возможно, если они уже слышали о нас, — согласился Ван Рийн. Он начал одевать шелковое белье. — Бр-р-р! Я поставлю пять тысяч свечей, если вдруг снова окажусь в моей конторе в Джакарте!

— Какому же святому ты принесешь столь щедрую жертву? — смеясь, поинтересовалась Сандра.

— Конечно, святому Николаю, моему тезке и покровителю путешественников...

— Святой Николай будет дураком, если сейчас же не возьмет с тебя письменного обязательства, — вновь засмеялась княгиня.

Ван Рийн побагровел, но не нашелся, что ответить законной наследнице трона планеты, которая могла предложить выгодные торговые сделки. Вместо этого он облегчил себе душу, выкрикивая оскорбления вслед удаляющемуся Эрику.

Прошло немного времени, прежде чем они выбрались наружу. Ван Рийн застрял в аварийном люке и его пришлось проталкивать. Проклятия, выкрикиваемые разгневанным басом, заглушали грохот надвигающейся бури.

Время обращения Диомеда вокруг своей оси составляло каких-то двенадцать часов, а на этой географической широте, в тридцати градусах на север, была еще зимняя пора, и солнце опускалось к морю с огромной скоростью. Они держались за тросы, не укрываясь от ветра и волн, которые перекачивались через них. Ничего более им уже не оставалось.

— Это не место для старого больного человека, — застонал Ван Рийн.

Вихрь вырвал слова у него изо рта и швырнул их в воду. Длинные, до плеч, локоны Ван Рийна трепетали, как обтрепанная хоругвь. — Мне нужно было остаться дома, на Яве, а не терять здесь свои жалкие последние годы жизни.

Вейс таращил глаза в темноту. Лодка подплывала все ближе. Даже такой сухопутной крысе, как Эрик, бросилась в глаза ловкость команды. Ван Рийн же свои похвалы выражал

во весь голос:

— Дьявол, я возьму их в Воскресный яхт-клуб, а потом запишу на ближайшую регату и поставлю на них!

Это была большая лодка длиной более чем в тридцать метров, с искусно сделанным форштевнем, но при смелом размахе парусов она казалась небольшой. Несмотря на противовес, Эрик в любую минуту ждал, что она перевернется. Конечно, летающим существам в этом случае грозило меньше, чем людям.

— Эти диомеданцы... — Голос Сандры едва донесся к нему сквозь свист ветра и гул моря. — Какие они? Ты был среди них полтора года, правда? Чего мы можем от них ожидать?

Вейс пожал плечами.

— А чего можно ожидать от любого человеческого племени из каменного века? Это могут быть и идолопоклонники, и людоеды, или и то и другое вместе! Я знаю только Тирланское стадо, в котором большинство составляют перелетные охотники. Они всегда придерживаются буквы своих законов, хотя и не слишком мелочны, если речь идет об их душе. Но в общем-то это приличные существа!

— Ты говоришь на их языке?

— Настолько, насколько мне позволяет строение органов речи и воспитание в земной технической культуре. Я не утверждаю, что усвоил все их понятия, но мне удалось с ними... — Корпус планетолета заметно погрузился в воду. Эрик услышал, как под напором поступающей внутрь воды лопается какая-то перегородка и в середину вливается очередная порция морской воды. Они стояли уже по щиколотку в воде. Сандра оперлась о него, и он отметил, что брызги воды замерзают на ее бровях.

— Это не значит, что я пойму местный язык, — закончил он свою мысль.

— Мы находимся от Тирлана дальше, чем Китай находится от Европы!

Лодка поравнялась с ними, и как раз вовремя — разбитый корабль мог утонуть в любой момент. Паруса опустились, был брошен якорь и мощные руки моряков опустили весла на воду. Один из диомеданцев прыгнул на корпус планетолета, держа в руке канат. Двое других находились поблизости, несомненно, как стража. Первый приблизился и присмотрелся к людям.

Тирлан находился севернее, и его обитатели еще не вернулись из тропиков, так что это был первый диомеданец, которого Сандра увидела собственными глазами. Она слишком промокла, замерзла и устала, чтобы любоваться неземным очарованием его движений, но все же заставила себя присмотреться к этому существу. Теперь наверняка придется общаться с представителями этой расы длительное время, если они только захотят оставить ее в живых.

По человеческим критериям диомеданец был низкого роста и, кроме того, у него был толстый хвост метровой длины и огромные перепончатые крылья, как у летучей мыши, которые сейчас были сложены на спине. Плечи находились чуть ниже крыльев, ближе к половине блестящего тюленьего тела.

Мускулистыми руками с пятью пальцами он очень напоминал человека. Его ноги отличались от человеческих тем, что сгибались назад над стопами с четырьмя когтями, напоминающими лапы земных хищных птиц. Голова, сидящая на шее, в два раза более длинной, чем у человека, была круглой, с высоким лбом и желтыми глазами с мигающими перепонками. Над глазами находились тяжелые надбровные дуги. Лицо оканчивалось тупой мордой, под черным носом топорщились короткие, словно кошачьи, усики, большой рот и медвежьи клыки выдавали плотоядное животное, недавно превратившееся во всеядное. Ушных раковин не было, а мясистый гребень, размещенный посередине головы, очевидно, помогал управлять полетом. Диомеданец был покрыт коротким мягким коричневым мехом, и несомненно, был млекопитающим мужского пола.

На его плечах перекрещивались два ремня, а середину туловища охватывал пояс, к которому были прикреплены две пузатые кожаные сумки. К поясу крепилось оружие: нож из обсидиана, небольшой топорик с кремневым наконечником, а также боло.

В наступающей темноте трудно было заметить, как были вооружены его товарищи, кружащиеся в воздухе. У них было какое-то длинное и тонкое оружие, но это наверняка были не ружья, — их не могло быть на этой планете, лишенной меди и железа.

Эрик Вейс наклонился и начал ломать свой голос хрипящими звуками тирланского языка.

— Мы друзья. Ты меня понимаешь?

На него обрушился град совершенно незнакомых ему слов. Он грустно пожал плечами и развел руки. Диомеданец направился вдоль корпуса — на двух ногах, несколько наклоняясь вперед, чтобы уравновесить тяжесть хвоста и крыльев — и нашел выступ, к которому земляне прикрепили свои страхующие тросы. Он быстро привязал свой канат к этому месту.

— Корабельный канат, — тихо заметил Ван Рийн. — Почти такой же, как у земных моряков.

Канат понадобился для того, чтобы подтянуть лодку поближе. Диомеданец обернулся к Эрику и показал на лодку. Эрик кивнул головой и только потом прикинул, что такой жест наверняка здесь означает что-то иное, если вообще что-то обозначает. Через мгновение он уже делал первый шаг в указанном направлении. Диомеданец схватил брошенный с лодки другой конец каната. Он показал на него, на людей и начал энергично жестикулировать.

— Я понимаю, — сказал Ван Рийн. — Они боятся подплыть поближе, потому что могут легко разбить лодку о корпус. Мы должны обвязаться канатом, и они нас перетянут. О, святой Христофор, чтобы вот так относиться к старым бедным костям!

— Еще наша еда, — напомнил Вейс.

Планетолет вздрогнул и погрузился глубже. Диомеданец нервно зашевелился.

— Нет, нет! — крикнул Ван Рийн.

Ему показалось, что если он будет орать достаточно громко, то, возможно, и преодолеет языковой барьер. Он замахал руками:

— Нет! Никогда! Вы что, не понимаете, вы, капустные головы! Нам лучше утонуть в вашем загаженном океане, чем пробовать вашу пищу! Смерть!

Зараза! Самоубийство! — Он прикоснулся руками ко рту, похлопал себя по животу, а потом махнул рукой в сторону запасов пищи.

Вейс мрачно подумал, что эволюция слишком эластична. Вот планета, обладающая кислородом, азотом, водородом, углеродом, серой... Биохимия, основанная на белке, образует гены, хромосомы, клетки, живую ткань...

Местная протоплазма соответствует всем земным определениям, но любого человека, который осмелится съесть диомеданский фрукт или бифштекс, ждет верная смерть, вызванная примерно пятьюдесятью аллергическими реакциями.

Их вызывали непригодные для человека белки. Только заблаговременно сделанные прививки оберегали людей от хронического насморка, астмы или крапивницы, вызванных воздухом, которым они дышали, либо водой, которую пили.

Эрик провел сегодня днем много времени, перетаскивая пищу на обшивку планетолета с тем, чтобы затем погрузить ее на плот. А уж если Ван Рийн путешествовал на планетолете, то без сомнения в рацион экипажа входили: хлеб, масло, сыр всевозможных сортов, копченый лосось, индейка, компот в жестяных банках, шоколад, сладкие ватрушки, пиво, вина и еще бог знает что на несколько месяцев.

Диомеданец распростер крылья, маневрируя ими, чтобы сохранить равновесие. В полумраке казалось, что когти на верхнем краю крыла промелькнули мимо лица Ван Рийна словно косилка, управляемая ангелом смерти. Торговец ждал неподвижно, время от времени указывая пальцами на груды ящиков. Наконец, диомеданец или понял, в чем дело, или попросту уступил. Осталось уже немного времени. Он свистнул сидящим в лодке, откуда подлетела туча его товарищей, которые развязали тросы, скреплявшие ящики, и начали переносить их в лодку. Эрик помог Сандре обвязаться шнуром.

— Боюсь, что мы можем слегка промокнуть, госпожа, — попробовал он улыбнуться.

— Итак, это и есть героические приключения межзвездных храбрецов? — насмешливо сказала она. — Что ж, мне придется сказать пару слов моим придворным поэтам, когда я вернусь... Если только вернусь...

Когда Сандра была уже на другой стороне и канат бросили обратно, Ван Рийн кивнул Эрику. Сам он что-то выпаривал у предводителя диомеданцев.

Как ему это удавалось без знания языка, Вейс не знал, но оба собеседника уже достигли стадии выкрикивания оскорблений в адрес друг друга. В тот момент, когда Эрик сжал зубы и прыгнул в воду, Ван Рийн взбунтовался и сел.

Когда молодой человек, мокрый как крыса, наконец, добрался до лодки, торговец явно выиграл этот словесный поединок.

Один диомеданец может подняться в воздух с грузом примерно в пятьдесят килограммов и перенести его на небольшое расстояние. Трое туземцев связали из канатов примитивную упряжь и начали переносить Ван Рийна над водой.

Прежде, чем они добрались до лодки, планетолет затонул.

Глава 4

В лодке сидело более сотни туземцев — все вооружены, некоторые в шлемах и нагрудниках из нескольких слоев твердой кожи. На носу стояла катапульта, едва видимая в темноте, на корме же находилась каюта, построенная из стволов молодых деревьев, связанных канатами. Она возвышалась над лодкой, словно корма средневекового галеона. На ее крыше двое рулевых боролись с мощным румпелем.

— Как видно, мы оказались на военном корабле, — буркнул Ван Рийн. Это не очень-то хорошо. С капитаном торгового судна я еще могу договориться. Если же речь идет о каком-то паршивом офицеришке, у которого в голове одни только нашивки, то на такого я могу только орать. — Он поднял маленькие, близко посаженные глазки к ночному небу, по которому промелькнула молния.

— Я жалкий грешник! — крикнул он. — Но этого я не заслужил! Ты меня слышишь?

Через мгновение землян протолкнули между гибкими телами диомеданцев по направлению к каюте. Лодка начала убегать от шторма на частично — кроме кливера — зарифленных парусах. Качка, шум волн, ветра и удары грома постепенно ушли на дно сознания Эрика. Он хотел только найти какое-то сухое место, снять одежду, скользнуть в постель и спать сто лет.

Каюта была маленькой. Когда трое людей и двое диомеданцев оказались в ней, то они едва смогли сесть. Однако в ней было тепло, и каменная лампа, подвешенная к потолку, давала приглушенный свет, вызывающий гротескно двигающиеся тени.

Одним из двух диомеданцев в каюте был туземец, который первым прыгнул на корпус планетолета. В одной руке он держал стилет из стекла вулканического происхождения. Он не сел, а только осторожно присел, и его внимание частично сосредоточилось на втором туземце. Тот был значительно старше и худее первого, в его шерсти просвечивали пучки седых волос. Он был привязан ремнем к столбику в углу каюты.

Глаза Сандры сузились. Лучемер Ван Рийна словно случайно оказался на ее коленях, когда она села. Диомеданец с ножом бросил взгляд на лучемер, и Ван Рийн выругался.

— Глупая соплячка! Какого черта ты показала ему, что это оружие?

Первый туземец что-то сказал узнику. Тот что-то буркнул в ответ и обратился к людям. Когда он заговорил, то это прозвучало как другой язык, отличный от того, на котором говорил спасший их диомеданец.

— Ага! Переводчик! — закричал Ван Рийн. — Ты говорить земной язык, нет? Моя, твоя... — Он хлопнул себя по бедру.

— Прошу прощения. Я думаю, мне стоит попробовать, — сказал Вейс и перешел на язык тирланцев:

— Ты меня понимаешь? Мы можем попытаться поговорить друг с другом только на

этом языке.

Узник нахохлил гребень и присел на четыре лапы. То, что он ответил, было почти знакомо Эрику.

— Говори немного медленнее, хорошо? — сказал Вейс и почувствовал, как проходит сонливость.

Он с трудом понимал, что говорит туземец.

— Ты употребляешь разновидность языка карное, которую я никогда не слышал, — разобрал он слова диомеданца.

— Карное... Сейчас, сейчас... да, один из тирланцев упоминал о группе племен далеко на юге, которые так называются. Я говорю на языке тирланцев...

— Я не знаю этой расы. Они не зимуют у нас. Карное тоже не делают этого регулярно, но время от времени, когда мы бываем в тропиках, мы встречаем одного или двух из них, так что... — Дальше Вейс перестал понимать.

Диомеданец с ножом что-то нетерпеливо сказал, и переводчик рывкнул ему в ответ. Затем он обратился к Эрику.

— Я Толк, мохра ланнахов...

— Что и кого? — удивился Эрик.

Даже двум людям трудно понять друг друга, когда они употребляют разные диалекты языка, который ни для одного из них не является родным.

Эти трудности дополнительно увеличивала специфика человеческого произношения, сдвинутая вниз шкала слуха диомеданцев, а также отличающаяся кривая реакции в стрессовой ситуации. За целый час Вейс получил такое количество информации, что ее можно было вместить в несколько коротких фраз.

Толк был специалистом по языкам из Великого Стада ланнахов. В его задание входило изучение всех языков, с какими сталкивалось его племя, а их было очень много. Наверняка его титул можно было перевести, как герольд, поскольку его обязанности заключались часто в официальном объявлении присутствующих и прибывающих. Стадо находилось в состоянии войны с дракхонами, а Толка поймали в недавней стычке. Второго из присутствующих диомеданцев звали Дельп, и был он старшим офицером дракхонов.

Вейс, как мог, медлил с разговором о себе, не столько от желания сохранить тайну, сколько из-за сознания, каким трудным будет этот разговор. Однако он не забыл попросить Толка, чтобы тот предупредил Дельпа, что пища, которую забрали с планетолета, съедобная для землян, была смертельной для диомеданцев.

— А почему я должен ему это говорить? — спросил Толк с не очень приятной улыбкой.

— Если ты этого не сделаешь, — кивнул Вейс, — то, думаю, тебе не поздоровится, когда он узнает, что я просил тебя поставить его в известность об этом.

— Верно, — вынужден был согласиться ланнах. Сказав несколько слов офицеру, он подождал ответа.

— Дельп говорит, что с вами ничего не случится, если вы сами чего-то не спровоцируете, — объяснил Толк. — Он говорит, что вы должны выучить его язык, чтобы он мог сам с вами разговаривать.

— Чего они хотят от нас? — прервал разговор Ван Рийн.

Вейс объяснил. Торговец взорвался:

— Что? Что он такое плетет? Мы должны тут сидеть до тех пор, пока...

А, чтоб тебя молния ударила! Скажи этой сдохшей жабе... — Он поднялся с пола. Дверь каюты тут же раскрылась и внутрь ввалились два стражника. Один из них держал в руке топорик, в руке другого был деревянный трезубец с отточенными кремневыми остриями.

Ван Рийн схватился за лучемер. Заскрипел голос Дельпа.

— Он требует, — начал переводить Толк, — чтобы вы сохраняли спокойствие.

После длительной беседы, с большим усилием отгадывая каждое слово, Эрик, наконец,

кое-что понял.

— Дельп не хочет сделать нам ничего плохого, но он должен заботиться о своих людях. Вы являетесь для него чем-то новым. Может быть, вы сможете ему помочь, а может — навредить, поэтому он не хочет пока вас освобождать.

Он должен иметь время, чтобы принять решение. Вы должны снять свою одежду и другие предметы и оставить у него. Вы получите другие одеяния, поскольку, как видно, у вас нет шерсти.

Когда Эрик перевел все это своему хозяину, Ван Рийн отреагировал на это с необычайным спокойствием.

— Пожалуй, у нас в этот момент нет выбора. Да, мы можем многих убить и даже занять всю лодку. Но ведь мы не можем сами доплыть до базы. Даже если бы с нами ничего не случилось по дороге, мы просто умерли бы от нехватки пищи. Если бы я был помоложе, то добрый святой Георгий мне свидетель, я сражался бы честно, согласно правилам. Я одной рукой разорвал бы его пополам, а второй играл бы на его ребрах, как на цимбалах. Я бы весь его народ заставил помогать мне. Но сейчас я уже слишком стар, толст и измучен. Тяжело быть старым, мой мальчик...

Он нахмурил покатый лоб и с хитрым выражением на лице кивнул:

— Но там, где есть две враждебные стороны, которые можно выставить друг против друга, именно там честный торговец имеет шанс кое-что заработать!

Глава 5

— Прежде всего, — сказал Вейс, — ты должен принять, что ваш мир шарообразный.

— Наши философы уже давно знают об этом, — ответил Дельп, довольный собой. — Даже такие варвары, как ланнахи, имеют об этом понятие. Во время перелетов они каждый раз преодолевают тысячи обдиенан. Мы так далеко не перемещаемся, но, прежде чем мы отправились в далекое плавание, мы должны были овладеть астрономией.

Вейс сомневался, могут ли дракхоны точно ориентироваться в пространстве. С изумлением осматривал он достижения их неолитической цивилизации в области обработки камня, стекла и керамики. Они даже производили некоторые синтетические смолы, изобрели телескоп, вид астробии, а также навигационные таблицы, основанные на движении солнца, звезд и двух маленьких лун этой планеты. Однако изобретение компаса и хронометра не состоялось, так как для этих приборов требовалось железо, а его на планете не было.

Вейс машинально подумал о том, что с дракхонами было бы выгодно торговать. Жители Тирлана буквально бросались на простые инструменты и оружие из металла, платя баснословные суммы в мехах, драгоценных камнях и фармакологически полезных соках растений — именно тем, что вызвало интерес к Диомеду со стороны Политехнической Лиги. Дракхоны нуждались в более сложных механизмах — от часов и логарифмических линеек до двигателей высокого давления — и были в состоянии платить соответственно более высокие цены.

Вейс вдруг осознал, где находится: на лодке «Герунис», представляющей собой ставку Главного Командования Флота дракхонов, а это милое существо, которое сидит на палубе и болтает с ним — это же стражник его тюрьмы!

Сколько времени прошло после катастрофы — пятнадцать диомеданских дней? Согласно земному отсчету времени — более недели! Земляне уже съели значительную часть захваченной с собой пищи...

Все это время Эрик старательно учил язык дракхонов с помощью своего товарища по заключению, ланнаха Толка. К счастью, Лига уже давно разработала систему усвоения как можно большей суммы знаний за короткое время. Тренированный мозг с первого раза запоминал любую информацию. Толк тоже применял подобную систему. Может быть, он никогда в жизни не видел металла, но в вопросах языкознания был специалистом.

— Ну так вот, — сказал Вейс все еще не слишком уверенно из-за пробелов в своем

убогом словарном запасе, которого, однако, ему в принципе хватало, — знаешь ли ты, что этот шар, этот мир вращается вокруг солнца?

— Многие наши философы верят в это, — сказал Дельп, — но сам я практик и мне всегда было безразлично, как там есть на самом деле.

— Движение вашей планеты необычно. Собственно, со многих точек зрения, это игра природы. Ваше солнце более холодное и красное, чем наше.

Поэтому на вашей планете холоднее, чем у нас. Ваше солнце обладает массой немногим меньшей, чем масса нашего солнца, и находится от планеты примерно на таком же расстоянии. Поэтому год на Диомеде — так мы называем вашу планету — ненамного длиннее земного, кажется, он составляет семьсот восемьдесят два диомеданских дня, верно? Диаметр вашей планеты в два раза больше, чем Земли, но здесь отсутствуют тяжелые металлы, находящиеся в изобилии на других планетах. Поэтому гравитация... О, дьявол! Снова неизвестный термин... Поэтому мой вес здесь только на одну десятую больше, чем на Земле.

— Ничего не понимаю, — сказал Дельп.

— А, неважно, — хмуро ответил Эрик Вейс.

Диомед не давал покоя планетографам. Его нельзя было отнести ни к одному из основных типов планет: он не был относительно маленьким шариком твердой материи, как Земля или Марс, он не был также газовым гигантом со сколлапсированным ядром, как Юпитер или 61С Лебеда. Он был средним телом, масса которого составляла 4.75 массы Земли, но абсолютная плотность была гораздо ниже. Это было вызвано почти полным отсутствием всех элементов, более тяжелых, чем кальций.

В планетной системе, к которой принадлежал Диомед, была еще одна похожая на него планета, остальные были более или менее нормальными газовыми гигантами, вращающимися вокруг центрального светила, карлика типа G8, принципиально не отличающегося от других звезд такой величины и температуры. Доказывали, что какое-то неправдоподобное космическое отклонение или же особенное магнитное поле, словно случайно созданный масс-спектрограф космического масштаба, привели к тому, что в этой части первичной газовой тучи не оказалось никаких тяжелых элементов. Почему же внутри Диомеда не произошел молекулярный коллапс? Сам напор массы должен был вызвать дегенерацию материи. Наиболее вероятный ответ на этот вопрос предполагал, что минералы, образующие массу планеты, были не типичными, поскольку возникли при отсутствии таких элементов, как хром, марганец, железо и никель. Их кристаллическая структура явно была более стабильной, чем, к примеру, структура оливина, самого важного из земных веществ, созданных при конденсации в результате давления...

— Оставим в покое эту тяжесть, — сказал Дельп. — Так что же необычного в движении Иктанис? — Так звучало местное название планеты, которое соответствовало земному понятию «Океания».

Вейсу нужно было время для размышления — технические детали еще выходили за пределы его небольшого словарного запаса. Дело было в том, что наклон оси Диомеда составлял почти девяносто градусов, так что оба полюса планеты находились в плоскости эклиптики. Этот факт в сочетании со светом холодного солнца, бедным ультрафиолетовым излучением, имел решающее влияние на формы жизни.

На полюсах почти полгода царила ночь, и ее влияние на процессы эволюции не мог ослабить день, продолжавшийся остальные полгода. В полярной зоне обитали некоторые виды животных, впадавшие в спячку на всю долгую ночь, но они не представляли интереса для людей. Даже на широте в 45 градусов длинная ночь продолжалась три месяца, а зима была более суровой, чем где-либо на Земле. Диомеданцы, наделенные разумом, обитали на территории, ограниченной 45 градусами северной и южной широты. Ближе к полюсам находиться они не могли. Ежегодные перелеты в более теплые районы и обратно отнимали слишком много времени и энергии, и обитатели планеты находились в состоянии постоянной борьбы за существование на уровне палеолита.

Здесь, на тридцатом градусе северной широты, Абсолютная Зима продолжалась одну шестую часть года и немного больше двух земных месяцев, а полет к экватору, где размножались туземцы, занимал несколько недель. По этой причине ланнахи были в значительной степени более цивилизованными.

Дракхоны же прибывали сюда из местностей, расположенных еще южнее.

Но без металлов достичь можно было немного. Конечно, магния, бериллия и алюминия на планете было достаточно, но что пользы в них без развитой технологии электролиза, для которой нужны были медь и серебро?

Дельп склонил голову.

— Ты говоришь, что на твоей земле день всегда равен ночи?

— Ну, не всегда. Но с вашей точки зрения, это почти так.

— Значит, поэтому у вас нет крыльев. Путеводная Звезда не дала вам их, потому что они вам не нужны.

— Может быть и так, — вынужден был согласиться Вейс. — Впрочем, они нам и негодились бы. Земной воздух слишком разрежен, чтобы существо твоих или моих размеров могло летать при помощи собственных сил.

— Как это понять — разрежен? Воздух — это... воздух!

— Это неважно. Ты должен поверить мне на слово.

Как можно пояснить понятие гравитационного потенциала представителю цивилизации, в которой математика находится на эвклидовом уровне? Можно было бы сказать так: «Слушай, если ты поднимешься на шесть тысяч триста километров над Землей, ее притяжение упадет до одной четвертой первоначального. Но чтобы уменьшить притяжение Диомеда до такой же величины, нужно подняться уже на тринадцать тысяч километров. Отсюда также следует, что Диомед может удерживать вокруг себя значительно больше воздуха.

К этому еще прибавляется более слабое излучение солнца, а также относительно меньшее ультрафиолетовое излучение. Но все же основное значение имеет гравитационная постоянная.

Здесь такой плотный воздух, что если бы пропорции содержания в нем кислорода и азота были такими же, как на Земле, то это вызвало бы у меня отравление. К счастью, диомеданская атмосфера содержит семьдесят процентов неона. Кислород и азот находятся в меньшинстве — их молекулярное давление немногим больше, чем на Земле. Похоже обстоит дело и с водяными парами и двуокисью углерода».

Но Эрик Вейс не стал пускаться в пространные объяснения.

— Поговорим о землянах, — сказал он только. — Понимаешь ли ты, что звезды — это тоже солнца, такие же, как и твое, но неизмеримо более далекие? А также то, что Земля вращается вокруг именно такой звезды?

— Да, это я могу понять. Я слышал похожие рассуждения философов и могу поверить твоим словам.

— Понимаешь ли ты, какие мы могущественные, если можем преодолевать межзвездные пространства? Понимаешь ли ты, как мы можем вознаградить тебя и твоих друзей за помощь при доставке нас на базу, и как наши друзья смогут вас покарать, если вы заточите нас здесь?

На короткое мгновение Дельп распростер крылья, шерсть на его хребте встала дыбом, а глаза пожелтели от гнева — ведь он был сыном гордого народа!

Потом он снова сгорбился. Несмотря на барьер, разделяющий обе расы, Эрик понял его душевный разлад.

— Ты сам сказал, землянин, что вы летели над Океаном с запада и на протяжении тысяч обдиенан не было видно ни одного островка! Это подтверждают наши наблюдения. Нет никакой возможности помочь вам. Мы не можем летать так далеко и при этом нести вас. Мы не можем даже принести весть о вас вашим друзьям, так как по дороге нам негде остановиться на отдых!

— Понимаю... — Вейс медленно кивнул головой, размышляя. — И нам не удастся доплыть до базы даже на самой быстрой лодке, так как раньше кончится наша пища...

— К сожалению, это так. Даже если бы ветер всю вашу дорогу был попутным, лодка значительно медленнее, чем крылья. Преодоление такого расстояния заняло бы у вас минимум полгода, если не больше.

— Но должен же быть какой-то способ!

— Может быть... Но помни, что мы ведем тяжелую войну. Мы не можем посвятить вам ни слишком больших усилий, ни дать слишком много воинов. Я думаю, что Адмирал не станет помогать вам.

Глава 6

На юге находился Ланнах, остров, размерами своими приближающийся к земной Британии. Начиная от Ланнаха, архипелаг Хольменах изгибался на расстояние в несколько сотен километров на север, к районам, еще скованным зимой. Острова представляли собой естественную границу, окружая море Ахан и предохраняя его от мощных холодных течений океана.

Здесь стоял Флот дракхонов.

Николас Ван Рийн стоял на главной палубе «Герунис», всматриваясь в видневшуюся на востоке главную группировку Флота.

Куртка и брюки, неумело сшитые из твердого полотна парусным мастером, раздражали кожу, привыкшую к более дорогим тканям. Ему уже надоело меню из мясных и фруктовых консервов — но если бы и этого не стало, он попросту бы голодал. У него вызывало ярость сознание того, что он сидит тут, как узник, с желаниями которого никто не хочет считаться. Такой же неприятной была мысль о том, сколько денег теряет его фирма из-за отсутствия его личного присмотра.

— Йа! — загудел он. — Если бы они действительно хотели посвятить себя проблеме, как доставить нас на базу, они, без сомнения, нашли бы решение!

Сандра бросила на него усталый взгляд.

— А ланнахи, очевидно, будут сидеть все это время тихо, пока дракхоны бросят все силы на то, чтобы доставить нас домой, не так ли? — иронически скривила она губы. — Победа в этой войне пока еще не пришла ни на ту, ни на эту сторону. Дракхоны еще могут ее запросто проиграть.

— Черт возьми! — потряс Ван Рийн в воздухе своим кулаком. — Эти дураки ссорятся из-за жалкого клочка земли, а тем временем Галактическая компания Специй и Спиртных напитков теряет миллионы кредитов в день!

— Но тем не менее, эта война — дело жизни или смерти каждой из сторон, — опять уколола толстяка девушка.

— И для нас тоже! — взревел он. — Разве не так? — Он порылся в карманах в поисках трубки, потом вспомнил, что она лежит сейчас на дне океана, и застонал. — Ну, пусть я только узнаю, кто подбросил мне эту бомбу в планетолет... — Ему не пришло в голову посочувствовать девушке, что она вместе с ним попала в затруднительное положение. А может быть, все эти хлопоты именно из-за нее?.. — Разумеется, мы здесь должны уладить несколько дел, — произнес он уже спокойнее. — Нужно закончить за них эту войну, чтобы они могли заняться более важными делами, среди которых первое место занимает вопрос, как доставить нас домой!

Сандра нахмурила брови.

— Это значит что — помочь дракхонам? Я в этом как-то не заинтересована. Это они захватчики. Хотя, если принять во внимание, что их жены и дети голодают... — Она вздохнула. — Это трудно распутать. Хорошо, пусть будет так...

— О, нет! — Ван Рийн погладил бороду. — Мы будем помогать не дракхонам, а совсем наоборот — ланнахам!

— Что?! — девушка отпустила фальшборт и с изумлением уставилась на Ван Рийна. — Но...

— Видишь ли, — начал объяснять Ван Рийн, — я кое-что понимаю в политике. Знание политики необходимо честному торговцу, который ищет случая немного заработать, иначе какой-нибудь двинутый политикан сразу же придерется и обложит дело податью на какую-нибудь школу или дом престарелых. Политика на этой планете немногим отличается от того, что мы видим у себя дома. Вся сила этого флота опирается на группу влиятельных аристократов, и тот, кто находится на троне, все еще имеет достаточно сил воздействовать на события в этой части мира. Однако, нельзя забывать, что он стар, да, да, адмирал стар: а у его сына, наследника трона, есть что сказать, причем даже больше, чем нужно. Я прислушиваюсь к сплетням туземцы забывают, что мы слышим значительно лучше, чем они в этой атмосфере, похожей на гороховый суп. И я знаю, что этот Теонакс твердый орешек.

— Итак, допустим, мы поможем дракхонам победить Стадо, — продолжал он через мгновение, — и что же? Они и так выигрывают войну. Стадо сейчас ведет борьбу только небольшими отрядами в диких районах Ланнаха. Они еще сильны, но у дракхонского флота есть преимущество, и чтобы победить, дракхонам достаточно будет какое-то время поддерживать существующее положение вещей. В конце концов, что мы, которым бог не дал крыльев, можем предпринять против партизанской борьбы ланнахов? Ну, скажем, я покажу Теонаксу, как пользоваться лучеметом, так я еще должен буду найти ему цель, против которой он сможет его применить!

— Да... — Сандра кивнула. — Насколько я тебя поняла, дело обстоит следующим образом. Потом, когда нас доставят домой, нам будет нечего предложить дракхонам, кроме торгового договора, так?

— Вот именно. А зачем они должны спешить встретиться с Лигой? Они справедливо осторожны при встрече с неизвестным, таким как, например, пришельцы с Земли. Они должны закрепиться после нового завоевания, прежде чем начнут принимать визиты могущественных гостей, так ведь? Как я и говорил, я слышал сплетни и знаю, как складываются их планы относительно нас. Может быть, Теонакс даст нам умереть с голоду или еще раньше перережет горло? Может быть, он выбросит наши вещи за борт и позже скажет кому-то из спасателей, что и в глаза нас не видел? А может быть, он скажет представителю Лиги, что да, мол, мы вытащили из воды каких-то людей, мы, дескать, хотели для них только добра, но нам не удалось доставить их вовремя домой.

— Ну, а были бы они в состоянии это сделать? А ты, дорогой Ван Рийн, что бы ты сделал на месте диомеданцев, чтобы доставить нас домой?

— Фи, это уже технические детали. А я не из умников, которые должны их разрешать! Я просто понимаю их. Это не мое дело — делать невозможные вещи, а вот проследить, чтобы это сделали другие — да. Только как я это могу организовать, если являюсь пленником короля, который не стремится ко встрече с людьми, а?

— А ланнахи нуждаются в помощи и отдадут тебе в руки свою судьбу, так? — Сандра почти весело засмеялась. — Прекрасно, мой дорогой! Один только вопрос — как мы доберемся до этих ланнахов?

Она обвела вокруг себя рукой. Вид был не очень-то ободряющим.

«Герунис» был типичным плотом дракхонов: большой, построенный из легких, но твердых пород дерева, связанный пеньковыми веревками. Плоты этой конструкции имели достаточно эластичности, чтобы противостоять морским волнам. Стены, построенные из вертикально поставленных балок, прикрепленных к поперечным колодкам, создавали обширный трюм, а так же поддерживали главную палубу, состоящую из тщательно подобранных досок. На двух противоположных концах плота поднимались корма и бак; на их плоских крышах находилась артиллерия плота; на корме помещался также большой румпель. Между баком и кормой находились помещения трюма, кают и мастерских. Плот был примерно шестидесяти метров в длину и пятнадцати в ширину. Он сужался к носу, что придавало ему более обтекаемый вид. На фок-мачте и грот-мачте были растянуты три

больших квадратных паруса, а перед самой кормой была размещена латинская бизань. При попутном ветре, принимая во внимание его силу на этой планете, этот на первый взгляд неуклюжий корабль мог достигать скорости в несколько узлов, а во время штиля его можно было приводить в движение при помощи весел.

На плоту находилась сотня диомеданцев, а также их жены и дети. В их числе было десять супружеских пар аристократов, которые имели право на личные каюты, находящиеся на корме. Остальные двадцать супружеских пар обитали в одной общей каюте на главной палубе. Это были семьи офицеров и унтер-офицеров. Простые неженатые матросы обитали в казарме на форкастеле.

Неподалеку плыли остальные плоты эскадры. Это были плоты разных типов — некоторые жилые, как «Герунис», другие трехпалубные, предназначенные для перевозки грузов. Третьи несли на себе длинные постройки, в которых перерабатывали рыбу и водоросли. Иногда несколько плотов соединяли вместе, чтобы создать временный остров. Лодки с противовесами были либо пришвартованы к плотам, либо патрулировали море вокруг эскадры. Сверху доносился шум крыльев воздушных разведчиков, высматривающих врага. Это были профессиональные солдаты, составляющие ядро боевой силы дракхонов.

Налево и направо от этой эскадры, насколько можно было охватить взглядом, море было черно от кораблей Флота. Большинство из них сейчас занималось ловлей рыбы. Это был физически тяжелый труд, заключающийся в выборе на борт вручную длинных сетей. Впрочем, вся жизнь дракхонов опиралась на тяжелый труд. Однако, водные поля давали все же недостаточный урожай.

— Они вынуждены вкалывать, как черти, — заметил Ван Рийн. Он хлопнул ладонью по фальшборту. — Эта древесина очень твердая, даже если брать еще молодое дерево, а они обрабатывают его орудиями из стекла и камня! Иногда я даже начинаю подумывать, а не использовать ли мне нескольких дракхонов для определенных видов работы, но как только я подумаю, что кто-то может вложить в их головы глупости о правах работников...

Сандра со злостью топнула ногой. Она не жаловалась на опасность смерти, холод и неудобства. Она презирала монотонность уроков языка, которые проводил Толк при посредничестве Эрика, но ведь всему есть предел!

— Или ты будешь говорить по делу, или я уйду! Я спрашивала тебя, толстяк, как мы сможем отсюда выбраться?

— Но я же тебе уже говорил об этом. Нас спасут ланнахи! — засмеялся Ван Рийн. — Или, если быть точным, они выкрадут нас. Да, так будет лучше.

Сандра остолбенела.

— Не понимаю, откуда они узнают, что мы находимся здесь?

— А Толк, по-твоему, на что?

— Но ведь Толка охраняют даже больше, чем нас!

— Это так. Однако... — Ван Рийн потер руки. — Я составил с ним малюсенький планчик. У этого парня есть голова на плечах, я бы даже сказал, что она такая же неглупая, как и моя.

Глаза девушки блеснули.

— Может быть, ты соизволишь рассказать мне, как тебе удалось сговориться с Толком на виду у врага, коль скоро ты не знаешь даже языка дракхонов?

— О, я вполне прилично говорю на этом языке, — сладенько произнес Ван Рийн. — Разве ты не слышала, как я упоминал о подслушивании сплетен на корабле? Ты думаешь, что если я создаю себе такие трудности и часами просиживаю с Толком на уроках языка, то это только потому, что я старый дурень, которого трудно чему-либо научить? Это только видимость! Большую часть времени мы проводим, изучая его язык — язык ланнахов. Его здесь никто не знает. Так что если кто и слышит какие-то странные слова, то думает, что это Толк говорит на моем языке. Они наверняка думают, что этот полиглот решил взяться и за земной язык. Ха! Вообрази себе, я вчера рассказал Толку один пикантный анекдот и, пожалуй, успешно, так как он был очень шокирован. Это еще раз доказывает, что у доброго

старого Ван Рийна не жир между ушами! Об остальной его анатомии не будем говорить.

Сандра некоторое время стояла в молчании, пытаясь представить себе, как это возможно учить два взвешенных языка одновременно, причем один из них — тайком.

— Я не знаю, что ему в этой шутке не понравилось, — продолжал Ван Рийн. — Это был очень хороший анекдот. Слушай, значит, один торговец добрался до планеты, колонизированной людьми и...

— Я догадываюсь, что его смутило, — поспешно прервала его Сандра, почему Толк не посчитал эту шутку смешной. Эрик позавчера объяснял мне, что у ланнахов не бывает постоянного полового влечения. Их период размножения наступает раз в год, в тропической зоне. По их мнению, — она покраснела, — наш постоянный интерес к этим делам не является нормальным, а о приличиях и говорить нечего.

Ван Рийн кивнул.

— Это я тоже знаю. Но ведь Толк видел жизнь на флоте, а здесь есть супружеские пары и дети рождаются круглый год, как у людей.

— Я заметила это, — медленно проговорила Сандра, — но почему так, никак не могу понять. Эрик Вейс говорил, что для диомеданцев генетически обусловлена цикличность в размножении. Но как дракхонам удастся жить вопреки своим собственным железам, вот этого я никак не могу понять!

— Тем не менее, они живут иначе, чем ланнахи, — Ван Рийн пожал мощными плечами. — Что можно сказать... Пусть какой-нибудь ученый напишет работу на эту тему, мы ему в этом поможем, а?

Неожиданно Сандра схватила его за плечо так сильно, что он даже заморгал от удивления. Ее глаза пылали зеленым светом.

— Но ты не сказал мне, что... что ты придумал? Как Толк скажет о нас ланнахам? Что мы должны сейчас делать?

— Не имею понятия, — весело ответил Ван Рийн. — Я могу только импровизировать.

Он бросил взгляд на светло-красное небо. В нескольких километрах от них, обшитый деревом, словно истинный замок на воде, плыл флагманский корабль дракхонов.

С корабля поднялась туча крыльев, направляясь к «Герунис». Где-то вдали был слышен слабый голос рога, сделанного из раковин.

— И все же я думаю, что мы должны поспешить с решением, — закончил свою мысль Ван Рийн, — потому что его ревматическое королевское величество прибыло сюда собственной персоной, чтобы решить, что с нами делать.

Глава 7

Отряд дворцовой гвардии адмирала, состоящий из сотни профессиональных военных, с завораживающей взгляд точностью опустился на палубу и взял оружие «на караул». Полированный камень и пропитанная жиром шкура отражали мутный свет, словно волны моря; на палубе бушевала буря, вызванная хлопающими крыльями. Затрепетал пурпурный флаг, и члены экипажа «Герунис», толпящиеся среди снастей и на крыше форкастеля в позах, полных почтения, издали хриплый ритуальный крик.

Дельп хир Орикан приблизился со стороны кормы и склонился перед своим владыкой в поклоне. Его супруга, прекрасная Родонис са Аксоллон, а также двое их детей ступали за ним, склонившись к палубе и прикрывая крыльями глаза. Все четверо были перепоясаны пурпурными шарфами, а на плечах несли перевязи, вышитые драгоценными камнями, что составляло официальную придворную одежду. Трое людей стояли рядом с Дельпом. Ван Рийн не согласился ни на какие поклоны и приседания.

— Ни один член Политехнической Лиги не будет ползать на коленях и локтях! У меня, во всяком случае, для этого неподходящая комплекция!

Толк из Ланнаха гордо сидел рядом с Ван Рийном. Его крылья были связаны веревками, а на шею был одет ошейник, поводок которого находился в руках у одного из

членов экипажа «Герунис». Толк, словно змея, впился мрачными глазами в адмирала.

Молодые воины, составлявшие несколько беспорядочную почетную гвардию Дельпа, своего капитана, вели себя сдержанно, и причиной этой холодности был не Сиранакс, а его сын, наследник трона. Старый адмирал опирался на его плечо. Стража, не выпускавшая из рук копья, трезубцы, топоры и духовые ружья с деревянными штыками, стояла с видом, выражающим полное почтение.

Вейс подумал, что крупный нос Ван Рийна издалека чует любые признаки разногласий. Сам он только сейчас почувствовал напряжение, на которое явно рассчитывал его шеф.

Сиранакс откашлялся, замигал глазами и обратился к землянам:

— Кто из вас капитан? — спросил он. Его голос был все еще красивым, но потерял звучность и прерывался хрипами.

Эрик выступил вперед. Он сказал вслух то, что поспешно подсказал ему Ван Рийн, не вдаваясь в объяснения.

— Вот этот мужчина, господин, наш командир. Он еще плохо знает ваш язык. У меня тоже есть трудности с языком, поэтому я прошу вас, чтобы вы разрешили этому узнику из страны ланнахов переводить некоторые наши слова.

Теонакс нахмурил брови и спросил:

— Откуда он будет знать, что вы хотите нам сказать?

— Он учит нас вашему языку, — ответил Вейс. — Ты же знаешь, господин, он знает много языков. Его врожденный дар и большой опыт разговоров с нами помогут, если у нас возникнут трудности.

— Это звучит разумно, — Сиранакс утвердительно кивнул седой головой.

— Хорошо.

— Ну же! — Теонакс окинул Дельпа напряженным взглядом. Дельп ответил ему тем же.

— Черт побери, теперь я говорить, — Ван Рийн выдвинулся вперед. — Мой добрый друг... э-э-э... гм-м... что это за слово? Мой адмирал, мы... того... мы болтать, как хорошие братья — хорошие братья, я хорошо болтать, Толк?

Эрик удивленно заморгал. Несмотря на то, что Сандра шепотом старалась втолковать ему что-то, когда их вели сюда на встречу с адмиралом, ему было трудно поверить, что Ван Рийн сознательно и умышленно пользуется этим ломаным, со смешанными ударениями, языком. И зачем?

Сиранакс нетерпеливо зашевелился и предложил:

— Может быть, мы лучше будем разговаривать при посредничестве этого ланнаха?

— К черту! — завопил Ван Рийн. — Его? Нет, нет, моя будет говорить сам! Ясно, просто, как ты, как там тебя звать! Мы говорить братья, да?

Сиранакс вздохнул, однако ему и в голову не пришло возразить Ван Рийну. Аристократ, хоть и с другой планеты, тем не менее был аристократом в глазах представителя кастового общества и, как таковой, имел право говорить от своего имени.

— Я прибыл бы сюда раньше, — сказал адмирал, — но я так или иначе не смог бы с вами разговаривать, а, кроме того, были и другие дела.

Отчаявшиеся ланнахи становятся более грозными в нападениях из засад. Нет ни дня без хотя бы небольшой стычки.

— Гм-м-м? — Ван Рийн начал вслух склонять на языке дракхонов слово «стычка» по степеням интенсивности. — Ксамагапан... сейчас... сейчас... ксамаган, ксамаган... а, вот так! Маленькая битва! Я не вижу никакой битвы, старый адмирал, то есть почтенный адмирал.

Теонакс ошетинился:

— Следи за тем, что говоришь, землянин! — рявкнул он. Он уже побывал на корабле Дельпа, чтобы присмотреться к узникам, и их реквизируемая собственность находилась у него. Люди уже не будили в нем страха, возможно, потому, что по мнению Эрика, Теонакс просто не мог допустить мысли о чьем-то превосходстве над собой.

— И ты тоже будь выдержаннее, сын, — буркнул Сиранакс. — Сюда ланнахи не долетают, — ответил он уже Ван Рийну. — Но на суше наши позиции постоянно атакуются ими.

— Понимать вам, — поддакнул Ван Рийн.

Сиранакс широко разлегся на палубе. Теонакс остался стоять, не позволяя себе расслабиться в присутствии Дельпа.

— Конечно, мне говорили о вас, — продолжал адмирал. — Интересно, очень интересно. Кажется, вы прилетели со звезд?

— Звезды, да! — Голова Ван Рийна закивала в притворном возбуждении. Мы со звезд. Далеко, далеко.

— Правда ли то, что существа, похожие на вас, основали базу на другой стороне океана?

Ван Рийн вступил в дискуссию с Толком. Переводчик повторил вопрос более простыми словами. Через несколько минут объяснений лицо Ван Рийна прояснилось.

— Да, да, мы из-за океана. Далеко, далеко.

— А твои друзья не будут тебя искать?

— Они искать, йа, они искать множество дней. Майн Готт! Искать везде!

Вы к нам относиться хорошо, потому что если они узнать, то... — Ван Рийн прервал тираду с замешательством на лице и вступил в дальнейший разговор с Толком.

— Землянин, пожалуй, хочет извиниться за отсутствие такта, — сухо объяснил герольд.

— Эта бестактность от искренности, — заметил Сиранакс. Действительно, если его друзья найдут его еще живым, то многое будет зависеть от того, как мы к нему относились. Дело в том, найдут ли они его достаточно быстро? Как ты считаешь, землянин? — Этот последний вопрос он метнул, словно копье.

Ван Рийн отпрянул назад, поднимая руки, словно желая заслониться от удара.

— Помощи! — застонал он. — Вы нам помочь, старый адмирал, забрать нас домой... уважаемый адмирал... Мы доберемся домой и заплатим вам много-много рыба!

— Правда выходит наружу, — шепнул Теонакс на ухо отцу. — Так, впрочем, я и подозревал: у него мало шансов, что его приятели найдут его, прежде чем он умрет от голода. Если бы это было возможно, то он не умолял бы нас о помощи. Он требовал бы всего, чего душа желает!

— По крайней мере, я бы поступил именно так, — кивнул адмирал. — Наш гость не слишком опытен в таких делах, а? Хорошо, теперь мы знаем, что из этих землян можно легко выжать правду.

— Итак, — презрительно произнес Теонакс, не беря на себя труд приглушить голос, — необходимо извлечь из них максимум пользы, прежде чем они погибнут.

У Сандры вырвался крик ужаса. Эрик схватил ее за руку и открыл рот, чтобы что-то сказать, когда до него донесся шепот Ван Рийна:

— Сейчас же заткнись! Ни слова, ты, безмозглый идиот! — Затем он снова украсил свое лицо боязливой улыбкой и принял положение напряженного внимания.

— Это нечестно! — взорвался Дельп. — Во имя Путеводной Звезды, господин! Это наши гости, а не враги — мы не можем их просто использовать, а потом предоставить самим себе!

— А ты — что бы ты сделал? — Теонакс пожал плечами.

Его отец заморгал, что-то бормоча себе под нос, словно взвешивая аргументы обеих сторон. Между Теонаксом и Дельпом проскочила искра электрического разряда, передавшаяся стоящему в шеренгах экипажу «Герунис» и дворцовой гвардии, вызвав чуть заметное напряжение, минимальное вздрагивание мышц и движение оружия.

Ван Рийн сделал вид, что внезапно понял, о чем идет речь. Он отпрянул назад театральным движением, заслонил глаза руками, чтобы, наконец, упасть на колени перед Дельпом.

— Нет, нет! — закричал он. — Ты нас забрать домой! Ты нам помочь, мы помочь тебе!

Ты помнишь, как говорить ты нам помочь, а мы помочь тебе!

— Что все это значит? — Слова со звериным рыком вырвались из груди наследника престола. Он бросился вперед:

— Ты с ним договорился за нашей спиной? Да?

— Что ты имеешь в виду? — Зубы первого офицера клацнули в нескольких сантиметрах от носа Теонакса. Шпоры на его крыльях поднялись, словно острия ножей.

— Какую помощь должны были оказать тебе пришельцы?

— А как ты думаешь? — Дельп бросил вызов и напрягся в ожидании ответа.

Теонакс не сразу поднял перчатку.

— Может быть, у тебя появилось намерение избавиться от некоторых соперников во Флоте? — сладенько замурлыкал он.

В тишине, которая воцарилась на плоту, Эрик Вейс слышал учатившееся дыхание матросов и прибывших солдат. Он слышал скрип дерева, из которого был построен плот, плеск волн и приглушенный шум ветра. Эрик уже различал среди этих звуков лязг обсидиановых кинжалов, наполовину вытащенных из ножен.

Когда непопулярный князь найдет повод, чтобы заточить подданного, которому доверяет простой народ, всегда найдутся такие, кто будет готов к битве в защиту несправедливо обиженного. Так было и на Диомеде.

Сиранакс прервал полную напряжения тишину.

— Произошло какое-то недоразумение, — громко сказал он. — Никто никого не собирается обвинять на основании болтовни этого создания без крыльев. К чему этот переполох? В конце концов, чем он может нам помочь?

— Это еще будет видно, — ответил Теонакс. — Цивилизация, представители которой могут перелететь океан в течение одного равноночного дня, должна иметь какие-нибудь полезные вещи.

С удовлетворением инквизитора, чей узник дрогнул, он обратился к Ван Рийну.

— Может быть, мы как-нибудь поможем вам добраться домой, — бросил он.

— Мы еще не знаем, как это сделать. Может быть, ваши вещи помогли бы доставить вас домой? Покажите нам, для чего они служат и как ими пользоваться.

— О, да! — закричал Ван Рийн. Он хлопнул в ладоши и закивал головой.

— О, да! Я показать тебе все, добрый господин!

Теонакс бросил короткий приказ. Один из солдат приблизился, неся большой сундук.

— Я позаботился об их вещах, — улыбнулся наследник престола. — Я не пытался трогать их, за исключением, правда, этой пары ножей из какого-то блестящего материала. — На мгновение его глаза заблестели искренним энтузиазмом. — Отец, ты никогда не видел таких ножей! Они не рубят и не рвут, а разрезают! Они могут рассечь хорошо высушенное дерево!

Он открыл сундук. Приближенные, забыв о своем ранге, оживленно сгрудились вокруг, словно дети у новой игрушки. Теонакс жестом отослал их в сторону.

— Дайте этому недотепе место для показа! — потребовал он. — Лучники!

Стреляйте в него при первой же опасности!

Ван Рийн взял в руки лучемер.

— Вы хотите прорываться? — прошипел Эрик. — Но это же невозможно! Он постарался заслонить Сандру от оружия, нацеленного на них со всех сторон. — Они продырявят нас стрелами прежде, чем...

— Знаю, знаю, малыш, — зарычал Ван Рийн. Когда же эти молодые зазнайки поймут, что у шефа, даже если он уже стар и одинок, не одна труха в голове?

— Отодвинься назад, мальчик, а когда все начнется, падай на палубу и как можно быстрее выкапывай в ней себе могилу!

— Что ты...

Ван Рийн повернулся к нему широкой спиной и на ломаном туземном языке начал объяснять с подобострастным запалом:

— Это быть... Как это называется?.. Вещь. Она делать огонь. Выжигать дыры...

— Выжигать дыры? — Теонакс удивленно вскрикнул. — Ты хочешь сказать, землянин, что это переносной огнемет? Такой маленький? — На мгновение в тоне его голоса послышалась тревога.

— Я говорил тебе, — вступил в разговор Дельп, — что мы больше выиграем, если будем хорошо относиться к ним. Клянусь Путеводной Звездой, я думаю, что мы могли бы даже доставить их домой, если бы действительно этого хотели.

— Прежде, чем командовать здесь, Дельп, ты мог бы подождать, пока я умру! — твердо произнес Сиранакс. Если это была шутка, то она произвела потрясающее впечатление. У моряков, стоящих ближе всех и оттого слышавших ее, от ужаса перехватило дыхание. Дворцовая стража схватилась за оружие.

Родонис са Аксоллон прикрыла детей крыльями и глухо заворчала. Жены моряков, столпившиеся в форкастеле, издали вопль полуосознанного испуга.

Но Дельпа не так легко было смутить.

— Тихо! — рявкнул он на подчиненных. — Смирно! Сохранять спокойствие!

Во имя всех дьяволов с Дождевой Горы, неужели эти существа помutilи вам разум?

— Ты смотреть... — трещал Ван Рийн. — Брать лучемер... Это так называется, лучемер... Нажимать здесь...

Из лучемера вылетел поток ионов и ударил в грот-матчу... Ван Рийн немедленно перевел лучемер вбок, но в матче осталось отверстие глубиной в несколько сантиметров. Бело-голубое пламя лизнуло палубу, загло бухту каната и срезало часть фальшборта, прежде чем Ван Рийн снял палец со спуска.

С ревом трепещущих крыльев дракконы сорвались в полет.

Только через несколько минут они вернулись на палубу. Прочие же любопытные, прилетевшие с других плотов, все еще испуганно носились в воздухе. Тем не менее, это были по-своему технически развитые существа и их реакция была скорее результатом возбуждения, чем тревоги.

— Покажи это! — Теонакс схватился за лучемер.

— Ждать! Сейчас, сейчас, добрый господин, ждать. — Ван Рийн открыл зарядную камеру и несколькими быстрыми движениями, заслоня оружие от глаз наблюдателей, разрядил его. — Прежде всего поставим на предохранитель. Вот так!

Теонакс долго вертел оружие в руках.

— Что это такое? — шептал он. — Что это такое — лучемер?

Вспотевший от страха, ожидая осуществления сатанинского плана, задуманного Ван Рийном, Эрик Вейс подумал, что дракконы переоценивают силу этого оружия, что, впрочем, было понятно. Такое оружие было ценным только в борьбе на земле или на воде — к тому же старый пройдоха разрядил все лучемеры, так что необученный диомеданец не имел бы от них никакой пользы...

— Я поставил на предохранитель, — забулькал Ван Рийн. — Поставить на предохранитель раз, два, три, четыре, пять... четыре? пять? шесть? — Он начал рыться в куче одежды, одеял, подогревателей, плиток и другого снаряжения. — Где быть еще три лучемера?

— Какие три? — вытаращил глаза Теонакс.

— Мы иметь шесть, — Ван Рийн тщательно просчитал на пальцах. — Да, шесть. Я дать их всех этот добрый Дельп.

— Что?! — Дельп с проклятиями бросился на Ван Рийна. — Это ложь! Было только три и все они здесь!

— Помогите! — Торговец спрятался за Теонаксом. Дельп с размаха ударился в сына адмирала. Оба драккона упали на палубу в путанице крыльев и хвостов.

— Это бунт! — завопил Теонакс.

Эрик толкнул Сандру на палубу, прикрывая ее собственным телом. Воздух над ними почернел от стрел и пулек из духовых ружей.

Ван Рийн неловко повернулся, чтобы заняться моряком, стерегущим Толка, но тот уже бросился на помощь Дельпу. Торговцу оставалось только убрать сеть, связывающую герольда.

— Теперь, — свободно произнес он на языке дракхонов, — приведи своих солдат, чтобы они забрали нас отсюда. Быстрее, пока никто не заметил!

Толк кивнул, распростер крылья и исчез в небе, где битва разгоралась уже вовсю.

Ван Рийн склонился над Эриком и Сандрой.

— Туда! — Его запыхавшийся голос едва пробился через шум битвы. Удар, нанесенный хвостом моряка, сражающегося с двумя стражниками, вызвал у торговца поток проклятий.

— Ад и дьяволы! — рявкнул он, помогая Сандре подняться и подталкивая ее перед собой к относительно безопасному убежищу в форкастеле.

— Жаль, что Дельп должен проиграть, — сказал он, когда они оказались внутри, среди перепуганных женщин и детей, наблюдавших за битвой. — У него нет никаких шансов. Это приличный парень, я мог бы даже поторговаться с ним...

— Во имя всех святых! — закашлялся Вейс. — Вы вызвали гражданскую войну только для того, чтобы послать гонца к ланнахам?

— А что, был лучший способ? — спросил Ван Рийн.

Глава 8

Когда генерал Крахна пал в сражении с захватчиками, Верховный Совет Стада выбрал ему в преемники некоего Трольвена. В Совете заседали старейшины, но их избранник был относительно молод. Для ланнахов было правилом выбирать в предводители молодых военных. Генералу нужна сила, чтобы каждый год вести Стадо во время трудного и опасного перелета — и он редко доживал до преклонного возраста. Если у него возникали какие-нибудь претензии, свойственные молодости, Верховный Совет мог сразу же приструнить своего ставленника. Совет состоял из предводителей кланов, которые были уже слишком стары, чтобы руководить родовыми эскадрами, но еще не настолько, чтобы бросить их на произвол судьбы, когда приходит зимняя пора перелетов.

Мать Трольвена принадлежала к клану Треккан, известному роду, владеющему большими поместьями в стране ланнахов. Сама она была довольно богата, ведя мудрую торговлю среди соплеменников. Ни для кого не было секретом, что отцом Трольвена был Торнак из клана Вендру. Это не имело особенного значения, но Трольвену просто было приятно осознавать, что он похож на этого мужественного воина.

И вот Трольвена, офицера клана Треккан, за личные заслуги, проявленные им во время бурь и битв, переговоров и перелетов, Совет избрал предводителем всех кланов. Уже не один десяток дней он руководил кланом в этой заранее проигранной войне — но, может быть, именно благодаря ему ланнахов отесняли ко взгорьям медленнее, чем это могло бы быть без него.

Теперь он летел во главе основных сил Стада на битву со всем Флотом.

Уже миновало весеннее Равноночие, и дни удлинялись большими скачками — каждое утро солнце вставало все дальше и дальше на севере, а теплеющий воздух заставлял таять снега. От Равноночия до Последнего Восхода Солнца было только сто тридцать дней — а потом, в течение непрерывного дня Полного Лета — только дождь или туман могли скрыть неожиданную атаку.

«А если мы не победим дракхонов до осени, — мрачно думал Трольвен, то уже не будет смысла сопротивляться дальше. Дни Стада будут сочтены».

Он размеренно ударял крыльями в сохраняющем силы ритме прирожденного путешественника. Под ним простиралась белая таинственная туча, сквозь которую иногда проглядывало море, сверкая, словно полированное стекло. Над головой он видел фиолетово-голубое покрывало из ночи и звезд. Обе луны находились на этой стороне

планеты — быстрый Флихтан, который за полтора дня пробежал от горизонта до горизонта, и значительно более медленная Нуа, четверти которой сменялись быстрее, чем бежала она сама.

Трольвен втягивал в легкие темный холод воздуха, ощущая напряжение мышц и волн, пробегающих по шерсти, но не чувствуя той особой радости, которую дает полет. Он слишком сосредоточился на предстоящей битве.

Генерал не должен выказывать нерешительности. Трольвен был молод, и герольд Толк, пожалуй, осознавал это как никогда.

— Откуда известно, что эти существа все еще находятся на том плоту, с которого ты улетел? — спросил Трольвен. Он выговаривал слова ритмично, равномерно дыша в полете. Они отчетливо звучали на фоне шума ветра.

— Конечно, уверенности в этом не может быть, предводитель, — сказал Толк.

— Однако этот толстяк предвидел такую возможность. Он сказал, что постарается ежедневно на восходе солнца быть на палубе, только как это ему удастся...

— Может быть, — беспокоился Трольвен, — дракхоны заточили его, подозревая, что это он помог тебе освободиться?

— В такой кутерьме этого наверняка никто не заметил, — прокричал Толк.

— А, может быть, он вообще не сможет нам помочь? — Трольвен вздрогнул. Совет решительно возражал против этой экспедиции: мол, рискованно и потребует слишком много жертв. Возбужденные главы кланов громко выражали свое недовольствие. Ему удалось переубедить их с большим трудом.

И если окажется, что он пожертвовал жизнями многих своих воинов ради чего-то несбыточного, без особых на то причин... Трольвен был настроен так же патриотично, как и любой другой молодой ланнах, на чей народ жестоко напали, но он должен был позаботиться и о своем будущем. В прошлом случалось, что предводителей, покрывших себя позором, навсегда изгоняли из Стада, как обыкновенных воров или убийц.

Он продолжал лететь вперед.

Уже некоторое время он замечал холодный слабый свет. Находящиеся выше тучи начали покрываться красным отсветом, а наполовину скрытое море разгорелось световыми вспышками. Было важно добраться до Флота именно в этот момент, когда света уже достаточно для атаки, но не для того, чтобы враг мог заметить их раньше времени.

Один из молодых свистунов, чей возраст выдавало небольшое тело и непропорционально большие крылья, вынырнул из клубов тумана. Резкие звуки, вылетающие из его рта, были слышны далеко и четко. Толк, обучавший разведчиков и руководивший ими, кивнул головой в знак того, что все понял.

— Мы хорошо все рассчитали, господин, — обратился он к генералу. Плоты Флота находятся в нескольких буасках отсюда.

— Я понял... — Голос Трольвена дрожал от напряжения. — Сейчас...

Он прервал речь. Все больше молодых разведчиков подлетало снизу. Их свист сливался в симфонию полезной информации. Трольвен услышал короткий рапорт Толка, стиснул челюсть и махнул рукой знаменосцу. Затем, словно камень, ринулся вниз.

Когда Трольвен прорвался сквозь тучи, он увидел далеко внизу Флот, раскинувшийся на огромной акватории — от островов, называемых Щенятами, к берегам суши на востоке. Палуба за палубой, колышущиеся в пурпурно-серой тишине мачты, словно зубы, оскаленные к небу, свет зари, отражающийся от водяного дворца адмирала и краснеющий на его флаге. Когда дракхоны слышали крики стражи и схватились за оружие, на плотях и лодках поднялась буря криков.

Трольвен сложил крылья и сжался в полете. За ним, в форме клина, состоящего из эскадр отдельных кланов, рассекали воздух три тысячи ланнахов. Даже пикируя вниз, Трольвен искал, где этот дважды проклятый иноземец, это чудовище с Земли... Там! Он увидел три уродливые фигурки, подпрыгивающие и размахивающие руками на надстройке плота.

Чтобы притормозить, пришлось расправить крылья.

— Туда! — крикнул он, указывая направление.

Знаменосец приостановил свой полет и развернул красный флажок предводителя. Эскадры перестроились в боевые порядки, разделились и поочередно ринулись к плоту.

Дракхоны перестраивались с поразительной быстротой и дисциплиной.

— Во имя всех дьяволов! — застонал Трольвен от удивления. — Если бы мы могли действовать одной эскадрой... Если бы это был обычный налет, а не битва...

— Одна эскадра не смогла бы вытащить пленников живыми, предводитель, — возразил Толк. — Только не из самой середины неприятельской группировки.

Нужно было создать впечатление... что им дорого обойдется, если они бросятся за нами в погоню. О, извини, предводитель, что я это тебе говорю!

— Ничего, — попытался успокоиться Трольвен. — Они и так хорошо знают, зачем мы сюда прилетели. Посмотри, как они роятся у того плота!

Отряд ланнахов уже пробился через ослабленную линию обороны дракхонов и достиг поверхности воды. Одно подразделение атаковало плот — цель их нападения. Оно высадилось кругом вокруг людей и начало наступать от середины, чтобы занять все судно. Остальные находились в воздухе, чтобы отбивать контратаки противника.

На палубе разыгрывалось обычное неуклюжее сухопутное сражение. Обе стороны были одинаково вооружены — военная техника явно распространялась быстрее, чем другие технические новинки. Деревянные мечи с остриями, усаженными обломками кремня; копья с остриями, закаленными в огне, палки, кинжалы, топоры — все это ударило в маленькие сплетенные из веток щиты и нагрудники из кожи. Хвосты ударили, когти разрывали тела противников, крылья толкали и рассекали плоть шиповидными наростами на концах, зубы смыкались на глотках, кулаки старались найти самое уязвимое место. Когда кто-то напирал слишком сильно, его противник искал спасение во взлете.

Никто не пытался сомкнуть ряды — каждый сражался за себя. Трольвен не слишком интересовался этой фазой битвы. Разместив на плоту превосходящие силы, он знал, что сможет в конце концов его занять. Однако, как долго он сможет его удерживать, зависело от эскадры, находящейся в воздухе и отбивающейся от атакующих дракхонов.

Трольвен подумал, как сильно эта воздушная битва напоминает танец сложный, красивый и в то же время такой страшный. Да, координация действий тысячи или более воинов в полете требовала высочайшего искусства.

Главной силой нападавших были лучники. Каждый из них держал в когтях ног лук длиной с самого лучника, натягивал его руками и пускал стрелу, из колчана на животе доставал зубами новую и накладывал ее на тетиву, прежде чем та успокаивалась от предыдущего выстрела. Такой отряд, обученный с детских лет, мог поставить заслон из стрел, преодолеть который никто не мог бы живым. Однако, когда в колчанах заканчивалась свистящая смерть, а это происходило довольно скоро, они должны были отступать к носильщикам за новыми стрелами. Это была самая опасная фаза боя и вся остальная армия служила для того, чтобы обеспечить им в это время прикрытие.

Одни бросали боло, другие — тяжелые бумеранги с заостренными краями, третьи — утяжеленные сети, запутавшись в которых, враг падал в смертельном полете.

Духовые ружья были новым изобретением, высмотренным у других племен, обитающих в тропических районах. Здесь у дракхонов было некоторое преимущество — их духовые ружья имели рычажные самозарядные механизмы и были снабжены штыками из дерева, обожженного на огне. Нельзя было также отрицать, что боевые единицы Флота были с лучшей выучкой, чем у ланнахов.

С другой стороны, дракхоны все еще управляли боем с помощью посыльных, которые передавали командирам подразделений приказы, написанные Главнокомандующим. Значительно более подвижные отряды свистунов устно передавали распоряжения от одного командира к другому, связывая Стадо в один огромный, отлаженный в бою организм.

Битва переносилась то вверх, то вниз, когда тучи разорвались, показав высоко стоящее

в небе солнце, окрасившее волны моря в красный цвет.

Трольвен отдавал приказы: Хунлу — укрепить верхнее правое крыло, Торху обозначить атаку на плот адмирала, Стигену — перейти в наступление на противоположном фланге...

«Но Флот есть Флот, — невесело думал Трольвен, — и этим все сказано».

У него было больше вооружения и боеприпасов, чем могли взять с собой его воздушные войска, которые и так находились в меньшинстве... Если битва не закончится быстро...

Плот с землянами уже был полностью занят ланнахами, но лодки дракхонов уже окружали его, чтобы отбить. Одна из них брызнула огнем страшным, непобедимым огнем масла — изобретением Флота. Катапульты метали сосуды с этим же маслом, которые взрывались пятнами огня при ударе. Именно это оружие в свое время уничтожило лодки, находящиеся во владении Стада, и помогло дракхонам захватить прибрежные ланнахские города. При виде этого Трольвен выругался с солдатской резкостью.

Но земляне уже находились вне плота — каждого из них несли три носильщика в специально сотканной сетке. И поскольку носильщики менялись часто, то представлялась реальная возможность донести этот живой груз до горной твердыни Стада. Сундуки с пищей, поспешно вытащенные из трюма, были более легкими — каждый из них мог нести один носильщик. Свистун возвестил об успехе операции.

— Отлет! — Трольвен отдал приказ, отлично сознавая, что он будет тут же передан всем эскадрам. — Хунлу и Стигену сомкнуть ряды вокруг носильщиков! Дварн — в авангард с половиной отряда! Хмуру — с другой половиной прикрывать наше отступление!

День был уже в разгаре, когда Трольвену удалось оторваться от погони.

В самых худших своих предположениях он ожидал, что весь Флот устремится за ним в погоню. Битва в полете в течение всего пути домой могла бы завершиться полным разгромом его армии. Но как только стало ясно, что ланнахи удирают, враги прекратили боевые действия и вернулись на плоты.

— Ты все верно предвидел, — тяжело дыша, произнес Трольвен. — И как это тебе удалось, Толк?

— Видишь ли, предводитель, — герольд начал с обычным для себя спокойствием, — их силы были бы чрезмерно растянуты, плоты оставлены практически без охраны. Они могли даже подозревать, что в нашу задачу входило заманить их как можно дальше в море и устроить какую-то западню.

Очевидно, они решили, что земляне не стоят такого труда и риска, и мне кажется, что в таком мнении немалая заслуга самих землян...

— Будем надеяться, что это мнение ошибочное. Однако, независимо от того, как распорядятся боги... Ты правильно предсказал исход этой битвы.

Может быть, тебе стать предводителем?

— О нет, только не я. Это тот толстый землянин все придумал — вплоть до мельчайших деталей.

Трольвен засмеялся.

— Значит, тогда, может быть, он должен стать предводителем?

— Кто знает... — в глубоком раздумье произнес Толк. — Может быть, он им и станет.

Глава 9

Северное побережье Ланнаха широкими долинами спускалось к морю Ахан; здесь, в лесах, полных дичи, на травянистых равнинах выросли деревеньки, в которых обычно жили кланы Стада. Там, где залив Сагна врезался в сушу, таких поселений в свое время выросло очень много. Они-то и дали начало городам ланнахов — Ульвену, Манненаху — городам мастеров по обработке кремня, и Ио — городу плотников.

Однако теперь этих городов уже не было. Все, что могло гореть сгорело, остальное

было разрушено. Лодки дракхонов лежали на пляже залива.

Отряды захватчиков патрулировали побережье и периодически прочесывали леса, заготавливая мясо рогачей, просыпающихся сейчас от зимнего сна на склонах Дуна. Лодки ланнахов были затоплены, дома сожжены. Они были отрезаны от своих охотничьих и рыболовных угодий, и оставался единственный выход для Стада — уйти в горы.

На вулканических склонах горы Оборх, покрытых лавой, и в холодных ущельях Туманных Гор ютилось несколько небольших деревенок ланнахов, в которых обычно жили самые бедные кланы. Женщины, старики и дети еще могли там разместиться: можно было разбить палатки и занять все свободные пещеры. Используя до последнего ресурсы этой убогой местности, часто голодая, Стадо со своей основной силой — мужчинами продержаться долго не смогло бы.

Сердцем страны ланнахов было северное побережье, доступ к которому сейчас преграждали дракхоны. Без этого побережья Стадо было всего-навсего голодающим племенем дикарей. И это сейчас, а что ожидается осенью, когда Пора Рождений сделает их совершенно беспомощными?

— Нехорошо это все, — сказал Трольвен, явно преуменьшая серьезность ситуации.

Он направился вверх, по узкой тропинке, ведущей к поселению Сальменброк, которое притулилось на рваном краю взгорья. Немного ниже темная вулканическая скала, все еще покрытая заплатами снега, головокружительно вздымалась к кратеру, скрытому от взора клубами дыма.

Почва под ногами заколебалась, и Ван Рийн услышал бурчание в недрах планеты.

Слабое изостатическое равновесие, вполне понятное в этих условиях, вызванных низкой плотностью материи, геологическая история, наполненная слишком быстрыми изменениями, землетрясениями, взрывами, наводнениями и появлением новых земель, поднимающихся со дна моря в течение какой-то тысячи лет — отсюда этот катастрофически неуравновешенный климат, несмотря на обилие воды. Ван Рийн плотнее запахнул вонючую меховую куртку, полученную от ланнахов, подул на озявшие ладони и поднял глаза к небу в поисках хотя бы проблеска солнечного света. О, дьявол!

Это было не место для человека его возраста и комплекции! Ему бы сейчас сидеть дома, в своем удобном глубоком кресле, с хорошей сигарой и спиртным в бокале, и наблюдать за пылающими за окном красками садов Джакарты. Горько было оставаться навеки в этой кошмарной стране, сознавая вдобавок, что наверняка каждый день его фирма терпит убытки из-за отсутствия должного присмотра! Эта мысль перенесла его из страны мечтаний в реальный мир.

— Давай-ка я все-таки приведу все сказанное в порядок, — предложил он. Даже без притворства язык ланнахов был ему ближе, чем речь дракхонов.

Здесь, в силу простого совпадения, грамматика и произношение не особенно отличались от его родного языка.

— Значит так... Вы вернулись из теплых краев и уже застали здесь врага?

Трольвен откинул назад голову в жесте, выражающем боль и горечь.

— Да. До этого времени мы только догадывались о их существовании, поскольку их страна находится на юго-востоке, далеко от нас. Мы знаем, что они вынуждены были покинуть свои поселения в результате того, что трех-рыба, являющаяся основой их питания, изменила свои места обитания и перебралась из вод дракхонов в море Ахан. Но кто бы мог подумать, что они попытаются захватить нашу страну?

Длинные волосы Ван Рийна, прямые и грязные, уже давно не напоминали завитые локоны. Торговец понимающе кивнул, всколыхнув ими воздух вокруг лица.

— Подобное было у нас в средние века, когда сельдь изменила своим привычкам по каким-то ей одной понятным причинам. И что же ты думаешь? У нас даже были «селедочные войны»! Правительства трепетали перед гневом народа, требовавшим бороться за новые зоны рыболовства. А что оставалось делать беднякам? Ведь они, так же, как и вы, жили морским промыслом!

— Рыба никогда не имела для нас большого значения, — отмахнулся Трольвен.

— Да, некоторые кланы в районе залива Сагна имели... теперь уже только имели, небольшие лодки-долбленки, на которых выходили в море и ловили немного пищи с помощью крючка и лески. Никакого каторжного труда, как у дракхонов, с забрасыванием сети, даже если это дает большое количество рыбы. Для нашего народа рыба не являлась основной пищей.

Конечно, мы были довольны, когда несколько лет тому назад трех в большом количестве появился в море Ахан. Трех — большая и вкусная рыба, к тому же жир и кости находят широкое применение у наших мастеров. Однако, еще раз говорю, появление этой рыбы не привело к такой радости, которую мы испытали бы, удвойся, к примеру, стадо рогачей за ночь.

Он судорожно сжал пальцы на рукоятке топорика; все же он был совсем еще молод.

— Теперь я вижу, что боги послали нам эту рыбу за какие-то наши грехи, поскольку Флот устремился за трехом.

Ван Рийн остановился на тропинке, сопя так громко, что заглушал даже отдаленное ворчание вулкана.

— А ну-ка, подожди! — прокашлялся он. — Если рыба не имеет для вас такого большого значения, почему вы просто не предоставите Флоту владеть водами Ахана?

В принципе это был риторический вопрос, но сейчас он явился стимулом для дальнейшего словоизлияния ланнаха. Трольвен позволил себе несколько вспыльчивых проклятий, прежде чем ответить.

— Они атаковали нас сразу же, когда мы весной вернулись домой. К тому времени они уже захватили наше побережье! А если бы они даже не сделали этого, то кто впустит к себе дикую орду чужаков, у которых даже обычаи варварские и отвратительные! Вы разрешили бы поселиться таким с вами по соседству? Сколько бы времени продержался любой договор с ними?

Ван Рийн снова кивнул. Допустим, какая-то раса из космоса, управляемая тираном и имеющая отвратительные привычки, попросит разрешения поселиться на Луне, поскольку она им нужна, а землянам, собственно, ни к чему...

Себе лично он мог позволить снисходительность. Во многом дракхоны были ближе к людям, чем ланнахи. Их культура, не опирающаяся на одиночек, была естественным результатом развития экономики: имея в распоряжении орудия эпохи неолита, владелец плота, на котором размещалось много семей, сильно тратился, когда его строил. Недовольные единицы просто не имели шанса на самостоятельную жизнь и целиком зависели от милости государства.

В средние века на Земле власть концентрировалась в руках рыцарей-аристократов и жрецов-интеллектуалов. У дракхонов два этих класса слились в один.

С другой стороны, ланнахи были более типичными представителями жителей Диомеда и занимались, главным образом, охотой. Среди них было очень мало квалифицированных ремесленников, поскольку каждый мог жить, применяя инструменты и оружие, сделанные самостоятельно. Низкий калорийный коэффициент поверхности, характерный для охотничьего хозяйства, привел к тому, что ланнахи селились далеко друг от друга, а каждая группа была самостоятельной и почти независимой от остальных. Свои силы они напрягали изредка, например, догоняя дичь, но им не нужно было трудиться в поте лица изо дня в день, падая от усталости, словно обычным гребцам или морякам на Флоте — так что у этого народа не было экономического обоснования для возникновения классов рабов и господ.

По этой причине основной организационной структурой обитателей Ланнаха был небольшой клан, связанный родством по женской линии. Эти полуформальные родовые группы, почти не обладающие какой-либо системой жесткой власти, свободно объединялись в Великое Стадо. А причиной существования Стада, кроме ведения мелких дел между кланами в собственной стране, было обеспечение безопасности диомеданцев из Ланнаха, когда они улетали на юг на зимовку или возвращались домой, зачастую заставая там

пришельцев, объявивших им войну.

— Интересно... — продолжал размышлять Ван Рийн, частично вслух на своем родном языке. — Среди наших народов, а также среди народов других планет цивилизованными стали только те, кто занимался сельским хозяйством.

Что же мы имеем на вашей планете? Здесь вообще нет сельского хозяйства. Вы охотитесь, собираете ягоды, зерна дикорастущих злаков, ловите рыбу — и несмотря на это, некоторые из вас знают письменность и пишут книги; я увидел у вас кое-какие машины, вы строите дома, у вас есть ткацкие станки.

Может быть, ежегодные контакты с другими народами в тропиках являются для вас стимулом развития?

— Что ты там говоришь? — переспросил ничего не понявший Трольвен.

— Ничего. Я только задумался, почему, раз жизнь здесь у вас такая легкая и у вас еще остается время на то, чтобы развивать вашу цивилизацию, вы не размножились настолько, чтобы съесть все свои стада рогачей и вырубить все леса? Мы на Земле именно так понимаем хорошо развитую цивилизацию.

— Мы быстро не размножаемся, — ответил Трольвен. — Примерно триста лет тому назад, когда нас было слишком много, часть Стада отделилась от нас и переместилась в какое-то другое место; а в общем, естественный прирост в нашем обществе невелик. Многие гибнут во время перелетов, бурь, болезней, нападений дикарей, хищников, временами от голода и холода... Он пожал плечами.

— Ага! Естественный отбор, который сам по себе неплох, если это тебя природа выбрала для того, чтобы выжить. Иначе — это трагедия. — Ван Рийн погладил себя по бородачке. — Итак, у нас уже есть определенное мнение, откуда взялся на этой планете разум. Или замерзай, или улетай в теплые края. А если улетаешь — будь внимателен к тому, что с тобой может случиться в пути, так? Хотя на Земле ведь тоже существуют перелетные птицы, а разум у них что-то не развился...

Он снова стал, сопя, подниматься по тропинке.

— А теперь поговорим о делах текущих. Я понимаю, что Флот разогнал вас на все четыре стороны и спихнул сюда, где единственная плоская местность — это та, что нарисована на карте. А вы хотите обратно, в свои дома на равнине. Ну и, конечно, хотите избавиться от Флота.

— Мы отважно защищались, — с трудом произнес Трольвен. — Мы все еще можем показать им — и сделаем это, клянусь духом моей бабушки! Были серьезные причины, из-за которых мы потерпели столь тяжелое поражение. Мы прибыли сюда усталыми и голодными, после десятков дней полета; после весеннего путешествия домой любой из нас ослабевает. Наши крепости были уже заняты. Огнеметы дракхонов уничтожили наши лодки и сделали невозможной борьбу с ними на море, где сосредоточены их главные силы.

Он обнажил зубы в хищном оскале.

— Мы должны победить их, и немедленно! Если это не удастся, то с нами будет покончено. И они знают об этом!

— Я еще не совсем хорошо это понимаю, — признался Ван Рийн. — Вся эта спешка из-за того, что ваши малыши рождаются одновременно, да?

— Да. — Трольвен добрался до вершины и у стен Сальменброка ожидал своего запыхавшегося гостя.

Как и каждое поселение ланнахов, Сальменброк был укреплен от врагов разумных или же обыкновенных животных. Здесь не было крепостных стен, так как они были бы бессмысленны на этой планете, где все высшие формы жизни природа одарила крыльями. Типичный дом ланнахов своей формой напоминал старинные земные каменные дома. На первом этаже дверей не было и только узкие щели служили окнами. Внутрь входили через верхний этаж или люк в крыше. Фортификация двора заключалась в том, что отдельные дома соединялись крытыми мостами и подземными переходами.

Здесь, в горах, выше границы лесов, дома были построены из камня, связанного

белковым раствором, а не из деревянных бревен, которые чаще встречались у низинных кланов. Однако, это не самое значительное из ланнахских поселений было весьма солидно. Оно было так удобно расположено на местности, что невольно возникала мысль, насколько богаче должны были быть равнинные поселения этого народа. Ван Рийн искренне восхищался такими предметами, как деревянные часы, сделанные по типу китайских головоломок, деревянный токарный станок с резцом, изготовленным из обработанного с большим трудом алмаза, а также деревянная пила с заменяемыми зубьями из вулканического стекла. Ветряная мельница, построенная в Сальменброке, служила для того, чтобы молоть орехи и собранные зерна, а также приводила в движение различные небольшие механизмы, среди которых находился примитивный насос, наполняющий водой большой резервуар, вырубленный в скальном навесе над поселением. Когда ветра не было, из резервуара выпускали воду, которая приводила мельницу в движение. Он увидел даже небольшое подобие железной дороги, состоящее из движимых при помощи парусов плетеных тележек, катящихся по рельсам из специально обработанного твердого дерева. Тележки свозили кремь и обсидиан из местных каменоломен, дерево из лесов, сушеную рыбу из равнин, а также ремесленные изделия со всего острова. Ван Рийн был на седьмом небе от восторга.

— Ага! — опять воскликнул он. — Торговля! Да вас можно назвать капиталистами! Черт возьми, я думаю, мы с вами можем неплохо торговать!

Трольвен пожал плечами.

— Здесь почти всегда дует сильный ветер. Его силу мы используем для поднятия тяжестей. Но изготовление этих машин заняло у нас очень много времени — мы не похожи на дракхонов, которые падают от изнурения после тяжелой работы.

Жители Сальменброка, как постоянные, так и временные, сбегались к Ван Рийну, что-то бормоча, подпрыгивая, трепеща крыльями; дети путались у него под ногами, а матери звали их назад.

— Во имя ста тысяч пурпурных дьяволов! — завопил Ван Рийн. — Я что, кандидат в президенты и, может быть, еще должен целовать детей избирателей, а?

— Идем туда, — сказал Трольвен, — к Святыне Мужей, куда женщинам и детям входить воспрещается, у них есть своя собственная святыня.

Он первым направился по другой тропинке, совершив сложный культовый реверанс перед небольшим божком, размещенным рядом с ней. Судя по примитивному виду, фигурка была сделана много веков тому назад. Как оказалось, Стадо исповедовало довольно бессвязную пантеистическую религию, которую в настоящее время уже не воспринимали всерьез. Однако Стадо придерживалось ритуалов и традиций так строго, словно это был полк гвардии английской королевы... на который, впрочем, оно было похоже со многих точек зрения...

Ван Рийн поспешил за ним, временами оглядываясь на туземцев. Местные женщины несколько отличались от женщин дракхонов. Они были немного ниже и стройнее мужчин, у них были более широкие крылья, но без сформировавшегося шипа.

Трольвен заметил любопытный взгляд Ван Рийна и вздохнул:

— Как видишь, половина наших зрелых женщин ожидает очередного ребенка.

— Гм... йа, это проблема. Впрочем, хорошо ли я понял тебя? Все ваши младенцы рождаются примерно в осеннее Равноночие...

— Да, буквально в течение нескольких дней. Исключений так мало, что о них можно и не упоминать.

— Получается, что почти сразу после этого вы должны улетать на юг...

Но ведь маленький ребенок еще не умеет летать?

— Конечно, всю дорогу он держится за тело матери; новорожденный младенец обладает сильными руками, которыми он и придерживается. У матери новорожденного, как правило, нет ребенка с прошлого года, поскольку, если она воспитывает ребенка, то в течение года не беременеет. А когда ребенку уже два года, он достаточно силен, чтобы преодолеть огромные расстояния перелета, он должен только через определенные

промежутки времени отдыхать у кого-нибудь на спине. Тем не менее, в этой возрастной группе мы теряем самое большое количество детей; трехлетние и более старшие нуждаются только в охране и руководстве, поскольку их крылья вполне справляются с перелетом.

— Но ведь матери ребенка труднее всех в полете?

— Ей помогают все подрастающие члены клана или же старшие женщины, у которых миновал период плодовитости, но которые еще не настолько стары, чтобы не выдерживать путешествия. А мужчины, конечно, занимаются охотой, разведкой, охраной и так далее.

— Понятно... Итак, вы летите на юг. Мне говорили, что там легко жить, много плодов, орехов, рыбы в реках и морях. Так зачем вам возвращаться назад, сюда?

— Здесь наш дом, — ответил Трольвен. — И кроме того, — добавил он через мгновение, — тропические острова были бы не в состоянии обеспечить проживание ордам пришельцев, которые собираются на них только на время зимовки. Когда мы улетаем из тропиков, там уже нечего есть.

— Понимаю. Значит, пребывание на юге одновременно является для вас периодом спаривания?

— Да. Нас так охватывает желание... ну, ты ведь понимаешь, что я имею в виду.

— Конечно, — вежливо согласился Ван Рийн.

— Во время пребывания на юге мы позволяем себе расслабиться.

Устраиваем карнавалы... ну, там разные шалости и озорства... Однако, не забываем и об общении с другими племенами. — Трольвен вздохнул. — А сразу же после летнего Солнцестояния мы возвращаемся сюда. Мы прибываем незадолго перед Равноночием, когда большие животные, на которых мы охотимся, уже проснулись и немного набрали в весе. Вот и вся наша жизнь, землянин.

— Веселая жизнь, но не для меня: я слишком стар и толст для этого, Ван Рийн жалобно шмыгнул носом. — Упаси тебя боже, Трольвен, постареть.

Человек становится таким одиноким в старости. Но у вас такого, пожалуй, не бывает. Старики гибнут у вас во время перелетов и не доживают до дряхлого возраста бессилия, когда не остается ничего, кроме воспоминаний, как мне...

— Если так пойдет и дальше, то и речи не может быть о том, что я доживу до преклонного возраста, — печально произнес Трольвен.

— Ваши дети рождаются все сразу, осенью... — задумался Ван Рийн. Теперь я вижу, что осень у вас — это пора, посвященная прежде всего акушерству. А если для новорожденных не будет пищи, укрытия и других удобств, они в большинстве своем погибнут...

— Родятся новые, — ответил Трольвен бесстрастно. — Но женщины, которые их рожают, нам необходимы. Молодая мать должна соответствующе отдыхать и питаться, иначе она никогда не долетит до юга. Посмотри, сколько среди наших женщин таких, кто скоро станет матерью. Это проблема существования Стада, как целого народа! Эти паршивые дракхоны плодятся целый год... как какие-то рыбы... Нет! Мы обязаны выжить во что бы то ни стало!

— Конечно, — сказал Ван Рийн. — Мы должны немедленно что-то придумать, потому что иначе я сам не доживу до...

— Я пожертвовал жизнями многих моих воинов, — перебил его Трольвен, в надежде, что вы что-нибудь придумаете!

— Итак, — кивнул Ван Рийн. — Самое важное — отнести известие моим людям на базу. Они сюда быстро прилетят, и тогда я скажу им, чтобы они навели порядок со всем этим чертовым Флотом.

Трольвен улыбнулся. Даже принимая во внимание отличающуюся от человеческой форму рта, было видно, это не дружеская и не веселая улыбка.

— Не так быстро, землянин! Я не могу пожертвовать ни людьми, ни временем, ни усилиями на такое безумное мероприятие, как перелет через океан! Во всяком случае, пока дракхоны держат нас за горло, это невозможно. И еще, прости, но откуда у меня возьмется

уверенность в том, что когда ты отсюда выберешься, то не раздумаешь нам помочь?

Он отвел взгляд от Ван Рийна на украшенные ворота пещеры, в которой находилась Святыня Мужей. Из нее поднималось облако пара от гейзера, шипящего внутри.

— Я сам мог бы рискнуть, — неожиданно добавил он тихо. — Но мои возможности ограничены; Совет может не утвердить любой мой план в отношении вас. Члены Совета не поверят трем чудовищам без крыльев. Дело в том, что мы так мало знаем о вас. Единственное преимущество над вами — это возможность использовать вашу потребность поскорее добраться домой...

Совет не разрешит оказать вам помощь, пока идет война.

Ван Рийн развел руками.

— Говоря между нами, мой мальчик, на их месте я и сам поступил бы подобным образом. Ну что ж, у меня есть еще время. Пока что спешить некуда...

Глава 10

Темнота уже отступала. Скоро должны были прийти белые ночи, во время которых солнце пряталось у самого горизонта, а небо приобретало цвет весенних цветов. Уже сейчас после захода солнца обе луны были полными.

Когда Родонис вышла из каюты, быстрый Скуанакс выбрался на горизонт и помчался среди звезд к Медленной и терпеливой Ликарис. Обе луны — Та, Которая Ждет и Тот, Который Догоняет, перебросили между собой колышущийся двойной мост на широкой воде.

Родонис происходила из старого дворянского рода, и ее научили насмехаться над верой почитателей лун. Эта вера была хороша для простых моряков, которые иначе вернулись бы к старым кровавым жертвоприношениям Акхану из глубин. Но образованный человек должен чтить только одно божество — Путеводную Звезду. Тем не менее, Родонис упала на палубу, накрыла голову крыльями и прошептала о своих заботах светлой матери Ликарис:

— Я обещаю тебе песню, песню только для тебя, ее сложат лучшие барды Флота и будут петь во время твоего последующего обручения с Тем, Кто Догоняет. Астрологи говорят, что это обручение произойдет не раньше, чем через год, и времени будет достаточно, чтобы сложить для тебя достойную песню, о Ликарис, которая будет жить так долго, пока плавает Флот. Только молю тебя, сохрани мне моего Дельпа!

Она не умоляла воителя Скуанакса, Верховное божество язычников, об этом даже нельзя было подумать, как и о молитве мужчины к Матери Ликарис.

Однако в мыслях она обращалась к Ликарис и просила ее напомнить воителю, что Дельп отважный мореход, который никогда не забывал о достойной жертве.

Луны посветлели. На западе собрались тучи в форме горной цепи; вдали маячил рваный контур лопающихся льдов. Море здесь выглядело странно, ничем не напоминая милого сердцу вида Южных Вод, откуда голод вывел Флот.

Родонис задумалась, допустят ли когда-нибудь боги, чтобы дракхоны остались здесь.

Плеск волн, треск балок, писк тросов, натянутых между мачтами, свист вихря в вантах, хлопанье парусного вооружения, далекая жалобная песня флейты и более близкие звуки, доносящиеся из форкастеля ее собственного плота: храп, детский плач, вздохи удовольствия, издаваемые какой-то парой... все эти звуки давали утешение в этой холодной пустоте, называемой морем Ахан.

Родонис подумала о своих малышах, о двух маленьких детях, сжавшихся в кроватках, богато обитых тканями, и это прибавило ей сил. Она распростерла крылья и поднялась в воздух.

Сверху весь Флот выглядел, как скопление теней, тут и там пронизанных огнями — там, где какой-то экипаж работал поздно ночью. Большинство моряков уже давно спало, отдыхая после трудов: вытягивания сети, обслуживания плота, чистки, соления и маринования улова, сворачивания и разворачивания тяжелых парусов на плотах, сбора ариса и других сладких водорослей, рубки деревьев и обработки их каменными топорами. Простой

член экипажа, будь то мужчина или женщина, мало что имел от жизни, кроме тяжелой работы. Их отдых заключался в незатейливых развлечениях: танцы, борьба, безустанная копуляция, непристойные песенки, выкрикиваемые во всю глотку над бочонком пива, которое варили из морского зерна.

На мгновение, когда мысли об этом мелькали у нее в голове, Родонис почувствовала гордость за свою команду. Для аристократа простой моряк был не более чем домашним животным, плохо воспитанным, неграмотным, некультурным, которое нужно было держать в повиновении бичом и палкой для его же блага. Пролетая над Флотом, который лежал внизу, словно огромный спящий зверь, Родонис, однако, сознавала все его могущество. Владыки Флота были истинными хозяевами моря, а гордая слава дракхонов держалась на крепких спинах обыкновенных моряков.

Может быть, это чувство появилось оттого, что предки ее мужа еще не так давно покинули помещение форкастеля? Она не раз видела, как Дельп помогает команде, работая плечом к плечу с ними как во время шторма, так и во время лова рыбы. Родонис сама привыкла к тому, что вращение жерновов или сидение за прялкой не унижает ее достоинства.

Если труд приятен Путеводной Звезде, как утверждают святые книги, то почему же тогда состоятельные дракхоны относятся к нему с отвращением? Не в этом ли причина проклятия, тяготеющего над старыми аристократическими кланами? Члены этих родов вымирали век за веком, а приходившие им на смену новые фамилии с течением времени перенимали их привычки. А ведь у простых моряков, как известно, бывает больше всего детей, у квалифицированных ремесленников и профессиональных солдат — меньше, и меньше всего — у потомственных офицеров.

Сам адмирал Сиранакс за всю свою жизнь зачал только одного сына и двух дочерей. У нее, Родонис, было уже двое маленьких после каких-то четырех лет замужества.

Разве это не доказательство, что Путеводная Звезда благоприятствует людям трудолюбивым, привыкшим содержать себя и свою семью трудом своих рук?!

Но нет... Женщины ланнахов рожали детей каждый второй год, как заводные, хотя многие из малышей гибли во время перелетов. А ланнахи не работали. То, что они делали всю свою жизнь, никак нельзя было назвать работой: они охотились, пасли полудикие стада, ловили рыбу на какие-то примитивные крючки. Сил у них было достаточно, но они никогда не придерживались постоянного занятия, как моряки дракхонов... И, кроме этого, их обычаи были по простому отвратительными, животными! Две декады в году, во время экваториального летнего Солнцестояния — неукротимая похоть и только! Всю остальную жизнь отец ребенка был для тебя только одним из самцов — если ты вообще знала, кто является отцом, ты, распутница! А дома — никакой скромности в отношениях полов, даже обычаи женщин и мужчин почти не отличались, да и зачем, раз уж нет желания. Бр-р-р...

Но тем не менее, эти отвратительные ланнахи живут и дальше, так что, может быть, Путеводной Звезде это безразлично? Невозможно — эта мысль пронизала ее холодом, когда она летела, несомая ночным ветром под посеревшим диском Скуанакса. Несомненно, Путеводная Звезда предназначила Флот для исполнения ее желания — уничтожить этих чудовищ, ланнахов, и отнять у них земли, которые они попросту поганят!

Взмахи ее крыльев набирали силу. Флагманский корабль был уже близко.

Его башенки виднелись, словно горные вершины на фоне темного неба. На судне горело много ламп как на палубе, так и в помещениях, окна которых были закрыты ставнями. Тут и там болтались группки воинов. Флаг Сиранакса все еще развевался на мачте, значит, старый адмирал еще не умер, но число дежуривших у постели умирающего увеличивалось с каждой минутой.

«Они ждут, как пожиратели падали», — подумала Родонис и содрогнулась.

Один из часовых приказал ей замедлить полет и подлетел ближе. Свет луны отражался от полированного острия его копья.

— Стой! Кто ты?

Родонис была готова к тому, что ее задержит стража, но на мгновение язык отказался ей повиноваться. Она была только женщиной, перед которой маячила грозная фигура воина.

Порыв ветра потряс высохшие останки, свисающие с реи — это были крылья, отрубленные некогда у какого-то преступника, который торчал теперь прикованный к веслу или дробил камни в каменоломне, если еще был жив.

Родонис вообразила себе спину Дельпа с кровавыми культиями от отрубленных крыльев, и ее гнев нашел выход в крике:

— Как ты смеешь говорить таким тоном с дочерью рода Аксоллон?!

Воин не знал ее лично — она была все-таки одной из многочисленных обитательниц Флота; однако он узнал шарф офицерской касты. Кроме этого, было видно, что стройное тело Родонис никогда не сгибалось под бременем тяжелой работы.

— Упади лицом вниз, мерзавец! — кричала Родонис. — Закрой глаза, когда обращаешься ко мне!

— Я... госпожа... — начал заикаться стражник. — Я не... — Она понеслась прямо на него. У часового не оставалось другого выбора, как убраться с дороги. Вслед ему неслись ее слова, разящие, словно удары бича:

— Конечно, если твой боцман получит для тебя мое разрешение, чтобы ты мог обратиться ко мне...

К стражнику приблизились другие воины, так же бессильно кружащиеся в воздухе. Когда Родонис приземлилась, офицер, стоящий на палубе, взял дело в свои руки.

— Госпожа, — сказал он с надлежащим почтением, — вам не следовало улетать со своего плота без сопровождения, тем более сюда, на этот траурный корабль...

— Так было нужно, — ответила Родонис. — У меня к капитану Теонаксу есть дело, не терпящее промедления.

— Капитан у ложа своего почтенного отца, госпожа. И я не осмелился бы...

— Тогда пусть твои крылья повиснут на рее, когда он узнает, что Родонис са Аксоллон могла предотвратить новый бунт, а ты его не предупредил!

Она направилась к фальшборту и перегнулась через поручни, словно выливая свой гнев в волны моря. У офицера перехватило дыхание в груди, словно он получил удар хвостом в желудок.

— Госпожа! Соизвольте подождать здесь немного... — взмолился он. Стража! Эй, стража! Не спускайте глаз с этой дамы и следите, чтобы она ни в чем не нуждалась! — И он поспешно улетел.

Родонис ждала. Теперь должно было произойти настоящее испытание.

Пока все шло гладко. Флот был возбужден; ни один офицер не отказал бы ее требованию, коль скоро она упомянула о новой попытке бунта.

Первый бунт был страшен. Даже не бунт — фактически восстание против самого Оракула Путеводной Звезды! Это было чем-то неслыханным за последние сотни лет — да еще во время войны! Все пытались отрицать, что вообще случилось что-то серьезное. Недоразумение, достойное сожаления... Народ Дельпа, введенный в заблуждение, героически сражался, движимый лояльностью по отношению к капитану... Нельзя ожидать, что простые моряки понимают тот современный принцип, что Флот и его адмирал стоят выше, чем каждый из отдельно взятых плотов.

Родонис с досадой вспоминала разговор с Сиранаксом, произошедший пару дней тому назад, хотя слезы того дня уже высохли.

— Мне очень жаль, госпожа, — говорил тогда адмирал. — Поверь, я очень сожалею. Да, твоего мужа обманули, и он прав больше, чем Теонакс. Я сам знаю, что это было всего лишь случайное столкновение, искра, воспламенившая старые раздоры, за которые, главным образом, следует винить только моего сына.

— Так пусть твой сын и понесет наказание! — крикнула она тогда.

Седая голова неумолимо качнулась вперед и назад.

— Нет. Теонакс, может быть, не самый благородный среди обитателей этого мира, но

он мой сын и наследник трона. Мне недолго осталось жить, а военное время — не самое подходящее для того, чтобы устраивать борьбу за наследство. Для блага Флота Теонакс должен наследовать трон после меня без всякого сопротивления с чьей-либо стороны, и для этого у него не должно быть запятнанного прошлого.

— Почему же, однако, ты не можешь простить и Дельпа?

— Во имя Путеводной Звезды, если бы я только мог это сделать! Но подобное невозможно. Всем остальным можно простить вину — и она будет прощена. Однако должен быть кто-то один, на кого падет обвинение, и это умерит боль наших ран. Дельп должен быть обвинен в подготовке бунта и наказан за это. Наказан, чтобы все остальные участники могли сказать: «Мы сражались в братоубийственной войне, но это была его вина, так что теперь с его наказанием мы можем снова верить друг другу...»

Старый адмирал вздохнул; негромкое шипение донеслось из его раздувшихся легких.

— Пусть Путеводная Звезда поможет тебе и сделает так, что не я исполню ее волю. О, как много бы я дал, чтобы к этому времени я был бы уже... Поверь, госпожа, что к тебе я очень хорошо отношусь. И если бы мы снова могли жить в дружбе...

— Можем... — прошептала она. — Если ты освободишь Дельпа.

Завоеватель Майона хмуро посмотрел на нее.

— Нет! — ответил он. — И хватит об этом говорить!

Она вышла из его каюты.

И потянулись дни, во время которых она пережила кошмарный фарс суда над своим мужем и еще один кошмар — ожидание исполнения приговора. Налет ланнахов был словно кратковременное пробуждение от горячечного сна.

Адмирал Сиранакс лежал на ложе смерти. Если бы не его внезапная болезнь, Дельп уже был бы искалеченным невольником, но в этой ситуации напряжения и неуверенности выполнение столь противоречивого приговора было отложено.

«Когда Теонакс станет Великим Адмиралом, — думала Родонис той частью своего разума, которая еще могла холодно рассуждать, — то промедления уже не будет. Разве что...»

— Госпожа, извольте пройти туда, — ее размышления прервал голос офицера.

Офицеры, которые вели ее по палубе к большому мрачному строению из деревянных колод, относились к ней с почтением. Дворцовые слуги, бегающие вверх и вниз по коридорам без окон, смотрели на нее словно с ужасом.

Каким-то образом самые тайные вещи становились известными обитателям форкастеля, которые могли их вынюхать.

Внутри здания было темно, душно и тихо. Очень тихо. Море никогда не бывает спокойным. Только сейчас Родонис осознала, что никогда раньше она за всю свою жизнь не была изолирована от шума волн, скрипа дерева и канатов. Мышцы ее крыльев напряглись: она хотела с криком подняться в воздух. Но, преодолев это желание, она двинулась дальше.

Перед ней открыли какую-то дверь, в которую она вошла. Дверь закрылась, Родонис увидела маленькую комнатку, богато выложенную мехами и коврами, освещенную многими лампами. Воздух был таким тяжелым, что у нее закружилась голова. Теонакс лежал на кровати, играя одним из земных ножей.

Больше в каюте никого не было.

— Садись, — предложил он.

Она присела на хвосте, смотря на Теонакса так, словно они были равными.

— Что ты хочешь мне сказать? — глухим голосом поинтересовался он.

— Твой отец, Адмирал, еще жив? — ответила она вопросом.

— Боюсь, что ему недолго осталось жить, — сказал он. — Акхан сожрет его еще до полудня. — Его бессознательный взгляд переместился на гобелен.

— Как длинна эта ночь!

Родонис ждала.

— Итак? — сказал Теонакс и змеиным движением откинул голову назад. В его голосе

звучал холод. — Ты упоминала что-то о новом бунте?

Родонис присела не сгибаясь. Ее гребень встопорщился.

— Да, — холодно произнесла она. — Команда моего мужа не забыла его.

— Может быть, — бросил Теонакс. — Но они достаточно лояльны по отношению к Адмиралу. Это им успешно вбили в голову.

— Конечно, они лояльны по отношению к Адмиралу Сиранаксу, — ответила она.

— Этого у них не отнять. Ты сам знаешь так же хорошо, как и я, что то, что произошло, не было бунтом, а только столкновением, вызванным теми, кто против тебя. Сиранакса всегда уважали и даже любили. Истинный бунт будет направлен против того, кто его убил.

Теонакс вскочил.

— Что... что ты имеешь в виду? — крикнул он. — Кто мог поднять руку на него?

— Ты! — сквозь зубы процедила Родонис. — Ты отравил своего отца.

Она ничего уже не боялась. Хотя и знала, что Теонакс, известный своим буйным характером, может запросто убить ее за эти слова.

И он почти сделал это. Но все же отпрянул, когда его нож прикоснулся к ее горлу. Его челюсти снова были плотно сжаты, он прыгнул на кровать и стоял там на четырех ногах — с выгнутым хребтом, напряженным хвостом и поднятыми крыльями.

— Говори дальше, — прошипел он. — Произноси свою ложь. Я хорошо знаю, как ты ненавидишь всю мою семью из-за своего никчемного мужа. Весь Флот это знает. Ты думаешь, что твоим словам поверят без доказательства?

— Я всегда уважала твоего отца, — произнесла Родонис, потрясенная: ведь смерть была так близко. — Да, он приговорил Дельпа. Он поступил несправедливо, но сделал это для блага всего Флота, а я... я сама из офицерского рода. Вспомни, как через день после налета ланнахов я пригласила его на пир, в знак того, что дракхоны должны сплотить свои ряды.

— Ну и что из этого? — насмешливо произнес Теонакс. — Красивый жест и ничего более. Я помню, как гости жаловались, что блюда были слишком остро приправлены. А этот подарок, который ты ему сделала, этот блестящий кружок, принадлежащий землянам! Разве не трогательно? Только ты не имела права это дарить! Вся их собственность принадлежит Адмиралу!

— Этот толстый землянин сам мне его дал, — ответила Родонис. Она специально переводила разговоры на менее важные темы, желая успокоить себя и Теонакса. — Он сказал, что вытащил этот кружок из своего багажа. Он говорил, что это монета и что она является предметом торговли на его родной планете... и что он дает мне это на память о себе. Это было сразу же после столкновения, перед тем, как его и его спутников перевели с «Герунис» на другой плот.

— Подарок нищего! — засмеялся Теонакс. — Кружок был совершенно вытертый и бесформенный. — Его мышцы снова напряглись. — Ну давай, обвиняй меня дальше, если осмелишься!

— Я не так глупа, — покачала головой Родонис. — Я отправила письма друзьям и попросила их ознакомиться с их содержанием, если не вернусь отсюда. Взвесь факты. Ты гордый, и большинство думает о тебе очень плохо.

Смерть твоего отца сделает тебя адмиралом. Фактически властелином Флота.

Как же долго и нетерпеливо ты должен был ждать этого! Твой отец умирает, пораженный болезнью, неизвестной нашим медикам. Ее симптомы даже не напоминают отравление каким-либо из известных ядов — так бурно уничтожает его эта болезнь. И еще: многим известно, что нападавшие не смогли унести всю пищу землян, оставив три маленьких пакета. Земляне часто и в присутствии всех предостерегали нас, что их пищу есть нельзя. А все вещи землян находились у тебя!

Теонакс тяжело вздохнул.

— Это ложь! — заскулил он. — Я ничего не знаю... я никогда... Кто поверит, что я или кто-нибудь другой мог бы сделать нечто подобное...

Отравить своего отца!

— Если речь идет о тебе, то поверят! — твердо произнесла Родонис.

— Клянусь Путеводной Звездой, я не...

— Путеводная Звезда не принесет счастья Флоту, руководимому отцеубийцей. Одного этого хватит, чтобы вызвать бунт, Теонакс!

Тяжело дыша, он пронзил ее яростным взглядом и прошипел:

— Чего ты хочешь?

Родонис посмотрела на него таким холодным взглядом, с каким его глаза еще не встречались.

— Я сожгу эти письма, — сказала она, — и навсегда сохраню молчание. Я буду отрицать это вместе с тобой, если подобная мысль еще кому-нибудь придет в голову. Однако Дельпа нужно немедленно и полностью простить.

Теонакс съежился и заворчал:

— Я мог бы бороться с тобой, Родонис. Я мог бы заточить тебя в тюрьму за государственную измену и убить всякого, кто осмелился бы...

— Вполне может быть, — кивнула Родонис. — Но стоит ли? Ты этими действиями наверняка вызвал бы раскол во Флоте и бросил бы его на произвол ланнахов. А я прошу тебя только вернуть мне мужа.

— И только поэтому ты грозишь уничтожением Флота?

— Да! — ответила она и через мгновение добавила:

— Тебе этого не понять... Вы, мужчины, основываете новые государства, объявляете войны, слагаете песни, создаете науку. Вы воображаете, что вы практичны и сильны.

Однако, это женщины постоянно приближаются к тени смерти, чтобы дать новую жизнь. Это мы — сильный пол! Мы должны им быть, иначе...

Теонакс отпрянул. По его телу пробежала дрожь.

— Да, — прошептал он, перебивая ее. — Да, черт тебя возьми, ты получишь его. Я отдам приказ сейчас же, немедленно! Забирай своего мерзавца долой с глаз моих еще до рассвета! Но знай одно: я не убивал своего отца! — Он с гулом замахал крыльями так, что поднялся под потолок и бился о него крича, словно был заточен в клетке:

— Я не убивал его! Не убивал его!..

Родонис молча ждала.

Затем она взяла письменный приказ и вышла из каюты, направляясь к палубе, где были разрезаны узы, стягивающие Дельпа хир Орикана. Он упал в ее объятия и зарыдал:

— Я сохранил свои крылья... Сохранил свои крылья...

Родонис са Аксоллон гладила его по груди, что-то ему шептала, говорила, что теперь все уже будет хорошо, что они уже возвращаются домой, и через мгновение сама заплакала, потому что безмерно любила его.

В ее памяти билось вызывающее дрожь воспоминание о том, как Ван Рийн давал ей эту монету, одновременно предостерегая ее от... как это он тогда сказал?.. Отравление тяжелыми металлами!

— Для вас железо, медь и цинк — это чужие вещества. Я сам не химик, но когда нужно, я этих ученых понимаю. Поэтому, могу посоветовать тебе только одно: ни ты, ни твои дети пускай ни в коем случае не пробуют эту монету на зуб!

И она вспомнила еще, как ночью сидела у камня и опиливала монету, приготавливая из стружек приправу для блюда, предназначенного неумолимому адмиралу...

Потом она задумалась над тем, что толстый землянин по странному стечению обстоятельств обладал неожиданно хорошим знанием ее языка. Теперь ей пришла в голову именно эта мысль, и от этого в теле возникла дрожь. А может быть, земляне специально оставили здесь эти три пакета пищи, в надежде, что они вызовут какие-то осложнения? Неужели они так точно все предвидели?!

Глава 11

В двери появилась Гунтра из рода Энклана, и Эрик Вейс поднял на нее усталые глаза. Позади него кипела работа у водяного колеса, на которое падали тени от мерцающего огня факелов.

— Да? — спросил он, тяжело вздыхая.

Гунтра показала ему широкий щит длиной в метра два — легкую, но солидную конструкцию из прутьев, сплетенных на деревянной раме. Она много дней присматривала за сотней женщин и детей, которые собирали, расщепляли и сушили прутья, выгибали дерево, плели и складывали всю конструкцию. Она была так измучена, словно только что перенесла перелет из тропической зоны. Однако в ее голосе звучала гордость:

— Это уже четырехтысячный, Советник. — Эрик Вейс никогда не носил такого титула, но ланнахи просто не могли представить себе, чтобы у кого-то не было определенного положения в организации Стада. Ввиду авторитета, которым пользовались эти бескрылые существа, их, естественно, называли Советниками.

— Хорошо, — Эрик взвесил щит на огрубевшей ладони. — Хорошая работа.

— Он кивнул. — Четыре тысячи — это больше, чем нужно; наше задание выполнено, Гунтра!

— Благодарю, — она с интересом посмотрела на перестроенную мельницу.

Трудно было поверить, что еще не так давно она служила для помола зерна.

К ним подошел Ангрек из клана Треккан, держа в руках кусок дерева.

— Советник, — начал он, — я... — Тут он прервал речь. Его взгляд упал на Гунтру, которая только вступила в средний возраст и ее всегда считали красивой.

Их глаза встретились, потом затуманились. Ангрек распростер крылья и сделал шаг по направлению к ней.

С коротким вскриком, почти рыданием, Гунтра отвернулась и убежала.

Ангрек посмотрел ей вслед, швырнул дерево на землю и выругался.

— Что случилось, черт возьми? — спросил Вейс.

Ангрек ударил кулаком по открытой ладони.

— Духи... — пробормотал он. — Это наверняка духи... беспокойные духи всех грешников, которые когда-либо ходили по свету. Сначала они посетили дракхонов, а теперь пришли преследовать нас!

Две фигуры замаячили в двери, открытой настежь в эту короткую ясную ночь раннего лета. Вошли Николас Ван Рийн и герольд Толк.

— Как дела, мой мальчик? — загудел Ван Рийн. В зубах он вертел маринованную луковицу: похудение, которое коснулось Эрика и даже Сандры, на нем даже не сказалось.

«Ну да, — горько подумал Вейс, — старый толстяк даже руки не приложил к работе. Единственное, чем он занимался, так это лазил по окрестностям, разговаривал с предводителями ланнахов и жаловался, что работа не продвигается вперед достаточно быстро...»

— Потихоньку, сэр. — Молодой человек прикусил язык, не отваживаясь произнести слова, которые вертелись у него в голове: «Ты, толстая пиявка, ты намереваешься добраться домой с помощью моего труда и мыслей, а потом отделаться от меня должностью посредника на другой периферийной планете?»

— Так их нужно ускорить, — сказал Ван Рийн. — Мы не можем ждать так долго, ни ты, ни я.

Толк внимательно присмотрелся к Ангреку. Ремесленник все еще дрожал и шептал заклятия.

— Что случилось? — спросил герольд.

— Это дьявольское влияние дракхонов, — Ангрек прикрыл рукой глаза. Герольд, — выдавил он из себя, — недавно здесь была Гунтра из Энклана и какое-то время... мы желали друг друга...

У Толка было серьезное выражение лица, но он заговорил без укора в голосе:

— Это уже случалось со многими. Ты должен это преодолеть.

— Но что это, герольд? Болезнь? Предначертание судьбы? Что я такого сделал?

— Эти неестественные порывы уже встречались, — сказал Толк. — Время от времени они проявляются у большинства из нас. Просто об этом не говорят. Их нужно подавлять, а еще лучше через какое-то время вообще забыть об этом. Забыть о том, что нечто подобное имело место. — Он грозно нахмурился. — В последнее время такие рефлексy возникают все чаще, и никто не знает, почему. Возвращайся к работе и избегай женщин.

Ангрек тяжело вздохнул, поднял кусок дерева и прикоснулся к плечу Эрика:

— Я хотел посоветоваться. У этого дерева, пожалуй, неподходящая форма для моей цели...

Толк осмотрелся. Он только что вернулся из далекого путешествия, во время которого он облетел страну, оповещая рассеянные кланы.

— Здесь многое сделано, — сказал он.

— Да, — милостиво согласился Ван Рийн. — Он талантливый конструктор, этот мой молодой друг. Но, в конце концов, торговец на новой планете должен быть, черт побери, мастером на все руки.

— Я не слишком хорошо понимаю детали его планов.

— Моих планов, — поправил обиженно Ван Рийн. — Это я ему говорю, чтобы он сделал оружие. Он только исполняет мои приказания.

— Все? — сухо спросил Толк. Он осмотрел скелет сложного устройства. Что это?

— Самозаряжающийся метатель снарядов, другими словами, пулемет.

Посмотри вот сюда: этот балансир вращает зубчатое колесо. Снаряды подаются лентой к колесу, вот так, и быстро выбрасываются, — прежде чем ты успеешь моргнуть глазом, уже два, три полетят. Колесо смонтировано на вращающейся подставке, чтобы его можно было направить в любую сторону. Эта старая идея, кажется, какой-то Миллер или де Камп уже давно построил его, этот... пулемет. И должен вам заметить, что в битве он очень эффективен!

— Прекрасно! — похвалил Толк. — А это что такое?

— Это баллиста. Она напоминает катапульты дракхонов, но гораздо лучше, чем они. Она метает достаточно большие камни, чтобы разбивать ими стены или топить лодки. А здесь... Йа, — Ван Рийн поднял с земли щит, который принесла Гунтра. — Может быть, это не выглядит захватывающе, но по мне, оно важнее, чем все другие машины. Воины должны носить это на спине.

— М-м-м... да, я вижу, где крепятся ремни... это служит для защиты от снарядов, падающих сверху, да? Но наш воин не взлетит, имея это на спине.

— В этом-то и дело! — рявкнул Ван Рийн. — В этом все и дело, доннерветтер! Именно это и есть проблема жителей Диомеда. Майн готт! Как можно вести настоящую войну, имея только воздушные силы? Здесь, в Сальменброке, я потратил много дней, вбивая в тупые лбы офицеров, что именно пехота занимает позиции и обороняет их, пе-хо-та! Теперь офицеры должны вбить это в головы солдатам и обучить их... О, черт, у нас нет времени! За оставшиеся несколько десятков дней я должен сделать нечто, на что в общем-то уходят годы!

Толк кивнул почти машинально.

Даже Трольвену понадобилось время и аргументы, прежде чем он понял идею боевых сил, главная часть которых вынуждена целенаправленно действовать исключительно на земле. Замысел был слишком чуждым. Но герольд принял его без слов.

— Я понимаю ход твоих мыслей, — сказал он. — Те, кто занимает крепости, владеют всем Ланнахом! Укрепленные города господствуют над сельскими районами, откуда поступает пища. Но, чтобы завладеть городами, мы должны захватить их.

— Ты рассуждаешь мудро, — похвалил его Ван Рийн. — История Земли знает много примеров, что одно превосходство в воздухе не дает победы!

— Остается еще огневое оружие дракхонов, — заметил Толк. — Что ты намерен ему

противопоставить? Вся моя миссия в течение последних дней в основном заключалась в том, чтобы уговаривать кланы присоединиться к нам.

Я передал им твои слова, что будет защита от огня, что у нас будут собственные огнеметы и огненные бомбы. Я надеюсь, что я говорил правду!

Он осмотрелся вокруг. Старая мельница, превращенная в примитивную фабрику, была так заполнена рабочими, что, кроме них, трудно было что-то увидеть. Недалеко от них на простом токарном станке, несколько усовершенствованном Эриком, точили древки копий и рукоятки топориков.

Другая машина, шлифовальная, до сих пор не была ему известна. Она производила острия топориков и другого колющего оружия. Они были, конечно, не так тщательно сделаны, как вручную, но зато в значительно больших количествах. Механический молот дробил осколки кремня и обсидиана в режущие острия; дисковая пила резала дерево, другая машина сворачивала канаты быстрее, чем это мог заметить глаз. Все машины приводились в движение трансмиссионными ремнями и при помощи больших мельничных колес.

Все это вместе взятое выглядело сложным и запутанным, но производило военное снаряжение быстрее, чем ланнахи могли его употребить. Готовым снаряжением наполнялись целые лари.

— Это воистину волшебство, — заметил Толк, — и оттого немного пугает.

— Я ввел здесь новый стиль жизни, — откровенно произнес Ван Рийн. Здесь не идет речь об одной или другой машине, которые и так неотвратимо повлияют на вашу историю. Речь идет об основной идее, которую я ввел, а именно — о производстве массовой продукции!

— Но огонь...

— Вейс уже начал делать для нас огневое оружие. Серу нашли неподалеку от горы Оборх. Есть также неплохие источники нефти. Дистилляция — это еще одно умение, которым обладают дракхоны, а вы нет! Теперь мы сделаем себе собственные зажигалки...

Ван Рийн нахмурил брови:

— Но одно, к сожалению, верно, — продолжал он. — У нас не было времени научить ваших воинов, как они должны применять это снаряжение.

Вскоре я буду голодать; вскоре ваши женщины будут беременны и нужно будет накапливать пищу... — Он театрально вздохнул. — Однако, прежде чем вы действительно начнете страдать, я уже давно буду мертв.

— О, нет, — мрачно сказал Толк. — Это правда, у нас еще есть почти полгода до Поры Рождений. Но уже теперь мы слабы от голода, холода и отчаяния. Уже теперь мы не выполняем многие наши обряды...

— К дьяволу ваши обряды! — вскричал Ван Рийн. — Прежде всего нужно отобрать назад Ульвен, потому что именно он расположен над склонами Дуна, где, как известно, живут все рогачи. Если мы возьмем Ульвен, то будет достаточно еды, а кроме всего прочего, у нас будет форт, который легко оборонять. Но Трольвен и Совет упорствуют и настаивают, чтобы мы ударили на Манненах, оставляя в тылу Ульвен, находящийся в руках врага. Нельзя забывать, что, двигаясь к заливу Сагна, мы рискуем многим... И все ради того, чтобы совершить возле Манненах какой-то там паршивый обряд!..

— Ты не поймешь этого, — мягко сказал Толк. — Мы слишком отличаемся друг от друга. Даже я, в чьих обязанностях находится общение с другими народами, не могу понять твою позицию. Наша жизнь основывается на годовом цикле. Дело не в том, что мы все еще серьезно воспринимаем наших богов...

— Он посмотрел вверх на скрытую в тени крышу, где ветер свистел и крутил работающие колеса мельницы. — Нет, я не верю, что духи предков вылетают ночью. Однако я верю, что если я поприветствую Полное Лето во время большого обряда в Манненах так, как это делали мои предки со времени существования Стада, то тем самым я внесу вклад в поддержание нашего единства, в сплочение нашего сообщества...

— Фи! — Ван Рийн протянул грязную руку, чтобы почесать всклокоченную бороду,

обрамлявшую его лицо. Здесь он не мог ни бриться, ни мыться — даже после анестезирующих уколов человеческая кожа не принимала диомеданское мыло. — Я тебе скажу, откуда весь этот ритуал. Во-первых, вы невольники времен года, даже больше, чем какой-нибудь фермер на Земле. А во-вторых, вы вынуждены летать так далеко и оставлять свои дома пустыми так надолго, что этот обряд — ваша самая ценная собственность. Это нечто такое, что не весит много и что можно забрать с собой...

— Может быть, ты и прав, — согласился Толк. — Однако факт остается фактом. Если существует какой-то шанс на то, чтобы поприветствовать Полное Лето на Валунах Манненаха, то мы пойдем на этот риск. Дополнительные потери в людях по той причине, что это не самая лучшая стратегия, мы понесем с радостью.

— Если вообще не потеряете шансов на победу в этой проклятой войне, фыркнул Ван Рийн. — Ад и дьяволы! Мой личный капеллан на Земле не заботится так о правилах этикета. Посмотри — этот юноша только что был близок к самоубийству, потому что его возбудил вид девицы в неподходящее время!

— Это не в счет, — скованно произнес Толк и вышел из мастерской.

Через мгновение Ван Рийн поспешил за ним.

Вейс закончил давать объяснения Ангреку, проверил остальные работы, обругал носильщиков, которые поставили сосуды с летучими фракциями нефти у печи, и вышел. Его ноги отяжелели. Для одного человека было слишком много работы: организация, проектирование, надзор, преодоление трудностей. Ван Рийну казалось, что это так просто — перенести охотников из каменного века в эру машин за несколько недель. Пусть бы он сам попробовал, может быть, потерял бы тогда хоть немного жира!

Ночи были уже такими короткими, что Эрик Вейс не обращал внимания на часы. Он работал до тех пор, пока не падал с ног, засыпал на короткое время и снова возвращался к работе.

Иногда он думал: а отдыхал ли он вообще когда-либо, был ли он когда-нибудь чист, накормлен, утешал ли его кто-нибудь в одиночестве?

Рассвет заалел над северными взгорьями, где ряд вулканов гневной чернотой закрывал лик бледного солнца. Обе луны заходили; каждая из них висела над горизонтом, как медный круг диаметром раза в два больше, чем диаметр земной Луны. Склоны горы Оборх дрожали, плюясь валунами в бледное небо. Каменная стена Сальменброка ежилась под резкими ударами ветра.

Эрик добрался до лестницы, сделанной специально для него, чтобы он мог взбираться на чердак, где жил. Сандра вышла из-за ближайшей башенки.

Она остановилась, приложив ладони к губам. В грохоте ветра не было слышно, что она говорила.

Эрик подошел поближе. Под ногами, на которых были неуклюжие сапоги из кожи рогачей, закрипел гравий.

— Слушаю тебя, госпожа, — произнес он.

— Ох... ничего такого, Эрик Вейс. — Его взгляд встретился с ее зелеными глазами, непреклонными и гордыми; однако он увидел, что ее лицо покрылось румянцем. — Я хотела только пожелать тебе... доброго утра.

— Я тоже желаю тебе того же, госпожа, — он потер уставшие глаза. — Я давно не видел тебя. Как ты себя чувствуешь?

— Я беспокоюсь, — ответила она. — Мне так одиноко. Может быть, мы немного поговорим?

Они оставили позади строения, идя по запущенной тропинке, карабкающейся вверх среди низких острых кустов, покрытых пурпурными цветами. Высоко над ними кружили стражники, но сейчас это были малозаметные точки на фоне неба. Эрик Вейс почувствовал, как его сердце забилося чаще.

— Что ты делаешь, госпожа? — поинтересовался он.

— Ничего особенного. Что я могу делать? — Она посмотрела на свои ладони.

— Я пытаюсь, но мне не хватает навыков, которые есть у тебя или у Ван Рийна.

— Что? — Вейс пожал плечами. Несомненно, у старого козла было достаточно поводов, чтобы бахвалиться собственными заслугами, когда он бесцельно болтался по Сальменброку. — Достаточно... — он подбирал подходящие слова, — достаточно того, госпожа, что ты здесь, рядом со мной.

— Но Эрик, — засмеялась она с искренним удовольствием, слегка развеселившаяся и вовсе не обиженная. — Я не думала, что на словах ты такой рыцарь...

— До сих пор не было случая, госпожа, — буркнул он, слишком уставший и измученный, чтобы обращать внимания на слова.

— Не было? — Она искоса посмотрела на него. Ветер ворвался в ее тесно сплетенные косы и развил их в маленькие серебристые ленты. Она еще не выглядела страдающей от голода, но височные кости на ее лице обозначились немного четче, на щеке виднелась темная полоса, а одежду составляли мешковатые лохмотья, сшитые портными, которые никогда раньше не видели человеческих фигур. Но лишившись своего королевского вида, она казалась теперь Эрику даже красивее, чем раньше, может быть, потому, что теперь стала ближе к нему? Или, может быть, потому, что ее нищета искренне свидетельствовала о ее человеческой сущности?

— Нет, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Не понимаю, — пожала плечами девушка.

— Прости, госпожа. Я просто думал вслух. Плохая привычка. Это иногда случается на таких отдаленных планетах. Видишь одних и тех же людей так часто, что они перестают быть желанными; начинаешь избегать их — и кроме этого, конечно, людей всегда не хватает, так что многие работы приходится делать самостоятельно, часто в течение многих недель. Зачем я это все говорю? Господи, как же я устал!

Они остановились на краю взгорья. У их ног лежала скала, круто опускавшаяся вниз на сотни метров к пенящейся реке. С другой стороны ущелья поднимались снежные склоны гор, окрашиваемые солнцем в кровавый цвет. Ветер протискивался в верхнюю часть ущелья, ударяя в лица землян.

— Я понимаю тебя. — Сандра серьезно посмотрела на Эрика. — Ты всю жизнь вынужден был тяжело работать. У тебя не хватало времени на удовольствия, на обучение хорошим манерам, культуре... правда?

— Времени не было ни на что, госпожа, — ответил он. — Я родился в трущобах, в километре от старого порта на Тритоне. Только самые бедные живут так близко от космодрома, где жизни нет от постоянного движения машин, вонь и шума, словно от землетрясения... Хотя к этому можно привыкнуть, и это врастает в тебя, в твои кости. Половина моих друзей детства уже мертва или сидит в тюрьме, а вторая половина хватается за любую временную работу, не требующую квалификации, тяжелую и грязную, которой никто другой не хочет заниматься. Но не надо мне сочувствовать.

Мне повезло. В возрасте двенадцати лет я стал практикантом у оптового торговца мехами. Через два года я установил несколько контактов, которые позволили мне найти такое же тяжелое и грязное занятие, только на космическом корабле охотников за пушными животными, летящем на Рианон. В свободные минуты я учился, и благодаря этому мне удавалось находить все лучшую работу. И так далее, и так далее. Пока меня не поставили во главе здешнего пункта по заготовке, мелкого предприятия, которое со временем, может быть, начнет окупаться, но большого значения так никогда и не получит. Однако, это все же был какой-то очередной шанс. И вот я здесь, на вершине этой горы, подо мной лежит Диомед... И что теперь?

Он резко потряс головой, удивляясь, что иссяк запас его слов. Это немного напоминало алкогольное опьянение. Хотя, может быть, нечто большее... Не то, чтобы он искал сочувствия, но в глубине души он хотел знать, понимает ли она его? Сможет ли понять?

— Ты обязательно вернешься домой, — тихо сказала она. — Такие, как ты, выходят целыми из всех затруднительных положений.

— Хочется в это верить!

— То, что ты сделал, это уже героический поступок. — Она посмотрела в сторону на тучи, проплывающие рядом с вершиной Оборх. — Я думаю, что никто не сможет тебя удержать. Пожалуй, только ты сам.

— Я? — Его замешательство росло, и он уже хотел сменить тему. Эрик погладил заросший щетиной подбородок.

— Ну да. А кто другой? Ты так быстро достиг столь многого. Может, следует остановиться? Ты не задавал себе вопрос: как долго стоит продвигаться в этой жизни?

— Не знаю. Я думаю, что так далеко, как только можно.

— Зачем? Стоит ли становиться большим человеком? Не будет ли достаточно оставаться просто-напросто свободным? С твоим талантом и опытом ты достаточно заработаешь на любой из колонизированных планет, где условия жизни для людей получше, чем здесь. Например, на Гермесе. Не кроется ли в этом стремлении к богатству и власти лишь желание насытить того маленького мальчика, который когда-то плакал перед сном от голода в трущобах Тритона?

Однако, ты никогда не сможешь утешить того мальчугана, приятель. Он уже давно умер, его уже нет!

— Ну... не знаю... Я думаю, что когда-нибудь заведу семью... Я хотел бы дать своей семье нечто большее, чем средства на жизнь. Я хотел бы оставить моим детям и внукам достаточное состояние, чтобы обеспечить им будущее, чтобы они могли противостоять любым трудностям, если будет нужно.

— Значит, так. Я думаю, что... — Прежде, чем она отвернулась, Эрик увидел, что кровь прихлынула к ее лицу, — что давние, энергичные князья Гермеса были похожи на тебя. Было бы хорошо, если бы они снова взошли на трон... — Неожиданно она быстрым шагом пошла по тропинке. — Довольно.

Лучше всего будет, если мы вернемся, правда?

Эрик пошел за ней, едва осознавая, что ступает по земле.

Глава 12

Ланнахи были готовы к битве. По зову свистунов Толка они собрались в Сальменброке, и небо потемнело от их крыльев. Трольвен проложил себе дорогу к Ван Рийну через клубок тел.

— Воистину боги неблагосклонны к нам, — горько сказал он. — В это время года почти всегда дуют сильные южные ветры. — Он указал рукой на безветренное небо. — Знаешь ли ты какие-то чары, призывающие ветер?

Торговец, несколько раздраженный, посмотрел вверх. Он сидел за столом перед домиком из тростника и глины, выстроенном для него за поселением, поскольку не желал ни карабкаться в дом по лестнице, ни спать во влажной пещере. Он проводил время, играя в кости с капитаном Стигеном на камни, напоминающие бериллы, которые являлись местным эквивалентом денег. Число цивилизаций, населяющих галактику, которые независимо друг от друга изобрели тот или иной вид игры в кости, не поддается определению.

— Ха! — бросил он. — Без ветра под хвост вы уже не полетите? Ага, семерка! Нет, черт возьми, я забыл, что семерка здесь не является счастливым числом. Попробуем еще раз. — Три кубика затарахтели у него в руке и упали на стол. — Гм-м-м, снова семь. — Ван Рийн сгреб кон. Удваиваем?

— Пусть тебя похитят пожиратели духов! — Стиген сорвался с места. По-моему, ты слишком часто выигрываешь!

Ван Рийн сам вскочил на ноги, как атакующий носорог.

— Черт побери, а ну-ка, возьми эти слова назад, приятель, или...

— Я не сказал ничего оскорбительного, — холодно ответил Стиген.

— Спокойно! — рявкнул Трольвен. — Это что, пьянка? Землянин, все боевые

формирования ланнахов собрались здесь на этих взгорьях. Мы не сможем кормить их слишком долго. А с другой стороны, мы не сможем выступить, потому что новое оружие погружено на парусные тележки. Что же делать?

Ван Рийн яростно посмотрел на Стигена:

— Я говорю, что меня оскорбили. А когда меня оскорбляют, я не могу давать разумные советы!

— Я уверен, что капитан извинится за неумышленную обиду, нанесенную тебе, землянин, — сказал Трольвен, бросая на капитана разгневанный взгляд.

— Конечно. — Стиген с трудом выдавил из себя это слово.

— Хорошо. — Ван Рийн погладил себя по бороде. — Итак, чтобы доказать, что ты не сомневаешься в моей порядочности, брось кости еще раз.

Удваиваешь?

Стиген схватил кости и бросил их на стол.

— Ага, у тебя шестерка, — сказал Ван Рийн. — Что ж, это нелегко побить. Я боюсь, что уже проиграл. Нелегко быть бедным, уставшим, голодным стариком, брошенным далеко от дома и его сиамских кошек; они одни любят его ради него самого, а не из-за денег... Трам-та-та-там... Восемь! Два, три и еще раз три! Ну и ну!

— Нам нужен транспорт, — проговорил Трольвен, усиленно стараясь овладеть собой. — Новое оружие слишком тяжело для носильщиков. Они должны ехать по рельсам. Как мы довезем их без ветра до залива Сагна?

— Это просто, — сказал Ван Рийн, считая выигрыш. — Прежде, чем поднимется попутный ветер, привяжите канаты к тележкам, и эти ваши молодые балбесы их потянут.

Стиген взорвался:

— Свободный член клана должен тянуть тележку, как... дракхон? — Он овладел собой и уже гораздо спокойнее произнес:

— Нет, это невозможно.

— Иногда, — отрезал Ван Рийн, — и то, что невозможно, должно стать возможным! — Он сгреб драгоценные камни, бросил их в мешочек и направился к колодцу. — Черт возьми, есть какая-то дисциплина в этом Стаде?

— Да... я думаю, да... — Растерянный взгляд Трольвена обратился на кричащую волну крылатых существ, которая поглотила селение. — Однако, такая работа, продолжающаяся длительное время, всегда была... прежде, чем пришли дракхоны... ее всегда считали в определенном смысле вырождением... не то, чтобы она была запрещена, но она не делалась без крайней необходимости. Физический труд в общественном месте... Нет!

Ван Рийн завертел воротом колодца.

— Почему же нет? Дракхоны много болтают об уважении к труду. Им он нужен, у них надо много и тяжело работать, если хочешь жить. А для вас?

Почему ланнахи не могут работать?

— Нет! — твердо произнес Стиген. — Это не для нас! Иначе мы станем животными!

Ван Рийн поставил ведро на колодезный сруб и вытащил из него бутылку земного пива.

— Ах, какое холодное и приятное... гм... похоже, слишком холодное...

Пусть ад поглотит все места, где нет холодильников с терморегуляторами! Он открыл бутылку о сруб и попробовал. — Может быть... Я много путешествовал и убедился, что везде образ действий и мораль обитателей отдельных планет зависит от вполне реальной причины. Может быть, раса даже забыла, откуда берет начало тот или иной закон, но если бы закон не имел смысла, он долго не просуществовал бы. Отсюда следует, что вы не любите длительной тяжелой работы, конечно, за исключением труда перелетов, потому что по каким-то причинам она вам не подходит. И в то же время тяжелый труд не вредит дракхонам. Парадокс!

— Пусть злые силы похитят твои рассуждения, — рявкнул Трольвен. — Это была твоя идея, чтобы сделать все эти новомодные устройства вместо того, чтобы сражаться, как сражались наши предки. Так скажи теперь, как спустить тележки в долину, не демобилизуя

для этого армию?

— Ах, дело в этом! — Ван Рийн пожал плечами. — У вас есть какие-нибудь соревнования, спорт или что-то в этом роде?

— Конечно!

— Значит, нужно объяснить, что эти тележки нужно спустить вниз, и так как мы не должны отправляться сразу...

— Должны! Мы будем голодать, если не отправимся немедленно!

— Мой юный друг, — терпеливо сказал Ван Рийн. — Я вижу, что ты очень слаб в политике. Вы, ланнахи, не можете лгать, наверное, потому, что никогда не заключаете браков. Так что ты скажи воинам следующее, слушай внимательно: «Мы могли бы сидеть и ждать южного ветра, но я знаю, что вы рветесь в битву с врагом, так что я объявляю соревнование. Каждый клан должен свести вниз столько тележек, сколько сможет, а мы измерим скорость и лучшим дадим награду!»

— Пусть меня похитят злые духи... — удивленно произнес Стиген.

Трольвен охотно кивнул.

— Традиции кланов позволяют нечто такое...

— Видишь ли, — объяснил Ван Рийн, — на Земле мы называем это семантической проблемой. Я стар и у меня одышка, так что я могу равнодушно смотреть все эти бейсболы, футболы и гонки в мешках и знаю, что спорт это просто вид тяжелого труда, которым ты не обязан заниматься.

Он громко икнул, открыл еще одну бутылку пива, а из сумки вытащил кусок салами. Запасы пищи таяли катастрофически быстрыми темпами.

Глава 13

Когда вся экспедиция находилась на полпути вниз по склону Туманных Гор, наконец, появился долгожданный попутный ветер. Воины, запряженные в тележки, облегченно вздохнули и остановились, ожидая Измеряющих время, которые должны были при помощи песочных часов определить победителя.

— Вряд ли все они дали провести себя с этими соревнованиями, заметила Сандра.

— Конечно, — ответил Вейс. — Однако те, кто был достаточно разумен, чтобы разгадать план старого Ника, понял, что это необходимо, и держал язык за зубами.

Он сжался под резким порывом ветра, который дул с горных склонов в направлении далекой затуманенной зелени холмов и долин, и присмотрелся к работе механиков. Поезд ланнахов состоял примерно из тридцати легких тележек, связанных тросом; в начале и середине поезда находились «локомотивы». Это были прочные тележки, которые несли по две мачты с квадратными парусами. Дерево, твердое, как металл, смазываемые деревянные втулки для колес и крепкий ветер обеспечивали неуклонное продвижение колонны. Достигаемая при этом скорость не была ошеломляющей, и часто нужно было ждать попутного ветра, однако ланнахи не привыкли работать с часами в руках.

— Госпожа, еще не поздно вернуться, — сказал Эрик. — Я организую эскорт.

— Нет. — Она притронулась к луку, сделанному специально для нее. Это была не игрушка: он весил десять фунтов и напоминал тот лук, с которым она охотилась в лесах Гермеса. Сандра гордо подняла голову, а ее светло-серебристые волосы поймали красный свет солнца и отразились в темном зеркале скал и льда. — Мы останемся вместе, и если нужно, вместе умрем! Не подобает владыке оставаться дома, когда другие сражаются!

Ван Рийн откашлялся и буркнул:

— Беда с этой аристократией! Для них главное — продемонстрировать благородство и отвагу, а не разум. Зато я охотно остался бы дома, если бы не нужно было показать, что я доверяю собственным планам.

— А в самом деле вы не доверяете? — скептически поинтересовался Эрик.

— Не болтай глупостей, — фыркнул Ван Рийн. — Конечно, нет. — Он проковылял к

специально сделанной для него штабной тележке. Там, по крайней мере, были стены, крыша и кровать. Ветер свистел в каменном ущелье, и Ван Рийн сопротивлялся ему изо всех сил. Над головами парили, пикируя вниз, эскадры ланнахов.

У Вейса, как и у Сандры, была собственная тележка, но княгиня попросила Эрика, чтобы он ехал вместе с ней.

— Прости меня за эту театральность, Эрик, но мы можем погибнуть, а очень досадно умирать в одиночестве, когда рядом нет человека, который может взять тебя за руку. — Она несколько принужденно засмеялась. — И тут, по крайней мере, мы можем поговорить.

— Боюсь... — он откашлялся, так как горло у него сжало, — боюсь, госпожа, что я не смогу так гладко произносить речи, как Николас Ван Рийн.

— Ох, — улыбнулась Сандра. — Я как раз хочу именно разговаривать, а не слушать чьи-то монологи.

Однако, когда тележки двинулись, она замолчала. Молчал и Эрик.

Без часов им трудно было оценить, сколько времени заняло путешествие.

В стране ланнахов лето было уже почти в самом разгаре: через каждые двенадцать с половиной часов солнце касалось горизонта на севере, но настоящей ночи не было.

Эрик Вейс смотрел, как мимо них пробегают окрестности, ел, спал, разговаривал с Сандрой или молодым Ангреком, который помогал им, а тем временем окружающая их горная страна все больше переходила в волнистые долины и леса, состоящие из низких деревьев с перьевидными листьями; море же становилось все ближе.

Иногда перегрев оси или встречный ветер приостанавливали движение вперед. В ряды ланнахов вкрадывалось беспокойство; они привыкли к быстрым перелетам с гор к побережью, продолжавшимся от силы один день, а не к кружению над поездом, ползущим, как медленный червяк. Разведчики дракхонов, конечно, высмотрели их с воздуха, и в залив Сагна вошел конвой плотов с сильным подкреплением. Дозоры устраивали стычки с флангами колонны. И несмотря на это, поезда должны были продвигаться вперед.

В общей сложности, за время между выездом из Сальменброка и прибытием в Манненах Диомед восемь раз обернулся вокруг собственной оси.

Портовый город Манненах лежал на берегу залива Сагна, вдали от открытого моря, и был окружен поросшими лесом взгорьями. Это был мрачный и хмурый комплекс каменных башен, тесно сплетенных цепью туннелей и крытых мостов, с дюжиной больших ветряных мельниц. Манненах располагался на небольшой косе, которую дракхоны расширили. Вдали, на фоне бушующих коричневых волн темнели колышущиеся силуэты нескольких десятков плотов.

Когда поезд остановился, Эрик Вейс выпрыгнул из тележки Сандры.

Стрелять было еще не во что: было видно только несколько остроконечных крыш, торчащих из-за травянистого края находящегося перед ними взгорья.

Несмотря на свист ветра, Эрик слышал шум от крыльев дракхонов, взлетающих над городом, кружащихся в воздухе, словно обретший телесную оболочку смерч. Однако в воздухе было густо от ланнахов, и враг еще не решался на немедленную атаку.

Сердце учащенно билось, словно хотело вырваться из груди, а во рту пересохло так, что Эрик не мог подать голос. Словно сквозь туман он заметил, что Сандра спала рядом с ним. Диомеданская охрана под предводительством Ангрека окружила их остроконечным частоколом копий.

Девушка проснулась и улыбнулась.

— Ну что ж, уже легче, — сказала она. — Конец вынужденному сидению без дела. Теперь мы сделаем все, что сможем, правда?

— Неправда! — прохрипел Ван Рийн, ковыляя по направлению к ним. Так же, как Эрик и Сандра, он надел шлем и плохо лежащую на нем кирасу из многих слоев твердой кожи, одетую на дурно пахнущую одежду из местных тканей. Для уверенности торговец одел два панциря, один поверх другого; на левом плече у него был щит, а другой, словно защитный экран, над ним держали два молодых воина. За поясом у Ван Рийна торчал топорик и

множество каменных ножей.

— Если мне удастся, то я ничего не буду делать, черт побери! Вы можете вступать в сражение, а я останусь так далеко в тылу, как только позволят добрые святые.

Эрик обрел дар речи.

— Я часто думал, — язвительно заметил он, — что, может быть, между цивилизованными существами было бы меньше войн, если бы их генералы выходили бы на поле боя, согласно древним обычаям.

— Фи! Ерунда! Войн было бы столько же, только у генералов было бы больше отваги и меньше ума. По моему мнению, трусы — самые лучшие стратеги, это можно легко доказать! Я остаюсь в тележке.

Ван Рийн ушел, бормоча что-то себе под нос.

Вновь созданные подразделения полевой артиллерии Трольвена поспешно выгружали свои неуклюжие орудия с тележек и монтировали их, в то время как эскадры и воздушные патрули сталкивались вверху. Вейс выругался: наконец-то было что-то для него! — и поспешил к ближайшему центру замешательства.

— Эй, вы там! Назад! Что вы делаете? Эй, ты, войди в тележку и отвяжи главную раму... нет, не то... Вот идиот!

Через некоторое время он почти забыл о битве, которая разгорелась вокруг него.

Гарнизон Манненаха и подкрепления, подошедшие с моря, начали с осторожного прощупывания, применяя только несколько эскадр одновременно; эти эскадры выдвигались к летящим подразделениям ланнахов, чтобы затем отступить к городу. Здесь дракхоны были в значительном меньшинстве; Трольвен правильно рассчитал, что ни один адмирал не решился бы оставить главные силы Флота без достаточно мощного прикрытия, пока ланнахи были еще достаточно грозны. Кроме этого, моряки удивились и немного испугались при виде странных войсковых соединений атакующих.

По крайней мере, половина ланнахов маршировала в шеренгах на земле, прикрытая крышоподобными щитами, которые даже не позволяли им летать!

Никто о подобном даже не слышал!

В течение часа обе армии вошли в более тесный боевой контакт. Имея преимущество в воздухе, дракхоны все время пробивали воздушное прикрытие Трольвена. Но тут же строй воздушных сил восстанавливался, координируемый летучими отрядами свистунов. Атаки на пехоту ланнахов не приносили пользы: эти неуклюжие щиты из прутьев задерживали метательные снаряды с заостренными концами, отбивали камни, и налеты с воздуха не причиняли атакующим почти никакого вреда.

Стрелы уже падали густо, когда Эрик, наконец, расставил по местам всю боевую технику. Он кивнул головой свистуну, который немедленно взлетел, чтобы передать известие Трольвену. С командного пункта, где находился Трольвен, вылетела туча посланников. На земле развернулись знамена, ветер понес военные кличи, одним словом, это был сигнал к наступлению.

В окружении охраны Ангрека Эрик хорошо осознавал, что он находится в передней линии наступления. Сандра с полуоткрытым ртом стояла рядом с ним.

На обоих флангах растягивались ошетилившиеся копьями шеренги воинов.

Казалось, они еще долго не достигнут гребня взгорья.

Один за другим офицеры дракхонов начали понимать, в чем дело. Тут и там раздавались крики изумления.

Невозмутимые подразделения пехоты ланнахов, которые нельзя было победить с воздуха, не встречая сопротивления на земле, медленно переливались через край холма, направляясь к стенам Манненаха, и тянули за собой осадные машины. Когда воины добрались до места, они принялись за дело.

В воздухе бушевал ураган крыльев и оружия. Дракхоны ныряли, рубили и кололи пехоту Трольвена и сами, в свою очередь, оказывались атакованными сверху, когда летучие отряды ланнахов, рассеянные на мгновения, снова возвращались в боевой порядок.

Одновременно — трах, трах, трах — тараны ударяли в стены, а пешие отряды обходили город, направляясь к порту.

— Так! Дай ему еще! — Вейс осознал, что это он сам кричит.

Что-то пролетело через хаос в воздухе. Прошито стрелами тело ланнаха рухнуло на землю. За ним поспешило другое, живое тело воина-дракхона, с треском рассекающее крыльями воздух. Он летел быстро и низко; один из воинов Ангрека замахнулся на него мечом, промахнулся и упал с головой, разбитой топориком моряка.

Не отдавая себе отчета в том, что произошло, Эрик увидел дракхона перед собой. Он резко замахнулся на него каменным топориком, но удар крылом повалил его на землю. Он опять вскочил на ноги, плюясь кровью, но в этот момент моряк снова оказался над ним в пикирующем полете. Ладони Эрика были пусты... Неожиданно дракхон крикнул, схватился за горло, в котором торчала стрела, упал, скорчился и замер.

Сандра наложила на тетиву новую стрелу и сказала:

— Я же говорила, что могу пригодиться.

— Я... — Эрик Вейс обернулся и посмотрел на нее.

— Иди, — сказала она, — помоги им прорваться. Я буду тебя прикрывать.

Она была бледнее, чем обычно, но в ее глазах горел зеленый огонь.

Эрик снова принял под свое командование саперов. Уже было видно, что атака таранами не привела к успеху: через каменные стены, связанные раствором, они могли пробиваться до следующей весны. Эрик отозвал всех с осадных машин и послал на помощь копающим. Имея в распоряжении много деревянных лопат, или даже голыми руками, они стремились прорыть подкоп в город.

Где-то вдалеке раздался такой сильный шум, что он заглушил другие звуки битвы. Вейс прыгнул на раму тарана и поверх голов осмотрелся вокруг.

Группа дракхонов приняла бой на земле. Они не были обучены такой тактике, но и ланнахи сами делали лишь первые шаги в ее освоении. В яростной атаке дракхоны теснили своих противников назад.

Трольвен видел, что в передней линии наступления появилась серьезная брешь.

— Где же, черт возьми, машинное оружие?

Но вот на маленькой подпрыгивающей тележке подвезли орудие. Двое ланнахов начали разгонять колесо, а третий подавал снаряды. Поток смерти понесся на дракхонов. Их наступление захлебнулось, и дракхоны начали спасаться бегством в воздух. Эрик схватил Сандру в объятия и пустился с ней в пляс по полю.

Настоящий ад бушевал на крышах города. Отряд Эрика наконец-то докопался до подземного перехода, открывая себе дорогу в город. Оттесняя врага перед собой на верхние этажи и крышу, ланнахи моментально заняли одну башню.

— Ангрек! — Вейс тяжело дышал. — Помоги мне туда добраться! — Кто-то опустил канат, по которому Эрик, а за ним и Сандра забрались наверх. Стоя на коньке крыши, он смотрел поверх каменных парапетов и вращающихся ветряных мельниц в сторону залива. Силы Трольвена заняли пирс безо всяких хлопот. Однако они не могли продвинуться дальше. Их сдерживал непрерывный поток огня, зажигательных бомб и снарядов с катапульт, находящихся на плотках, стоявших на якоре. Подобное оружие ланнахов имело значительно меньший радиус действия.

Сандра отвернулась от ветра, который выдавливал слезы из ее глаз, и показала на что-то.

— Эрик, узнаешь ли ты вон тот флаг на самом большом судне?

— Гм-м-м... дай-ка я хорошо присмотрюсь... Не личный ли это флаг нашего старого знакомого Дельпа?

— Конечно. Видимо, он избежал наказания за замешательство, которое мы вызвали. Честно говоря, я предпочла бы сражаться с кем-нибудь другим. Это было бы лучше для нас...

— Может быть, — согласился Вейс. — Но сейчас не до рассуждений. Мы уже одной

ногой в городе. Теперь мы должны разбить ворота и вытеснить врага метр за метром. Ты останешься здесь!

— Не останусь!

Вейс пальцем подозвал Ангрека и бросил:

— Вышли отряд, чтобы он провел госпожу к тележкам!

— Нет! — крикнула Сандра.

— Слишком поздно, — улыбнулся Эрик. — Я обговорил это еще до того, как мы выступили из Сальменброка.

Она бросила ему проклятие, но потом неожиданно ласково обратилась к нему:

— Возвращайся целым и невредимым, дорогой, — прошептала она едва слышно сквозь свист ветра и военные крики.

Эрик повел солдат внутрь башни.

После он уже не мог вспомнить подробности боя. Это была тяжелая и кровавая битва, которую вели топором и ножом, зубами и когтями, крыльями и хвостом, в узких туннелях и больших залах. Эрик получал удары и отвечал на них; один раз он на несколько секунд потерял сознание, в другой раз провел победное наступление на просторный зал собраний. У него не было клыков, крыльев или хвоста, но свои удары он редко вынужден был повторять, так как был сильнее любого диомеданца.

Ланнахи заняли Манненах потому, что имели больше времени для изучения тактики битвы со стесненными крыльями. Такая борьба была настолько чужда инстинкту диомеданцев, как для людей борьба со связанными руками, с применением только зубов. Не готовые к этому дракхоны, как крысы, удирали по туннелям в поисках открытого неба.

Через много часов, шатаясь от усталости, Эрик Вейс вскарабкался на плоскую крышу дома на другой стороне улицы. Там сидел Толк, ожидая его.

— Я думаю, что весь город в наших руках, — сказал Вейс.

— Но это еще не победа! — Толк указал на залив. — Посмотри вон туда!

Вейс схватился за парапет, чтобы встать.

Уже не было ни пирса, ни барачков на последней платформе — все окутывал густой черный дым. А плоты и лодки дракхонов собрались на отмелях, создавая нечто вроде моста. По их палубам моряки перетаскивали на берег части катапульта и огнеметов.

— У них хороший командир, — заметил Толк. — Он очень быстро понял, в чем дело; должен сказать, что у наших методов ведения боевых действий есть свои слабости.

— Что Дельп намеревается делать? — прошептал Эрик.

— Подожди немного и сам все увидишь! — усмехнулся герольд. — Мы уже ничего не сможем сделать, чтобы воспрепятствовать ему!

Дракхоны все еще имели преимущество в воздухе. Посматривая на низкое и мрачное небо, заполненное дождевыми тучами, проплывающими над бурным морем цвета бронзы, Эрик Вейс увидел, как дракхоны подлетают, чтобы окружить воздушную охрану ланнахов.

— Видишь, — сказал Толк. — Это правда, что их воздушные силы ничего не могут сделать нашей пехоте, но Дельп понял, что это относится и к противной стороне.

Трольвен был слишком хорошим командиром, чтобы дать захватить себя врасплох. Его летающие солдаты отступали, сражаясь за каждый метр, и через короткое время в воздухе летали только серые перья.

На земле, под прикрытием снарядов, которые метали с плотов по навесной траектории, моряки монтировали подвижную артиллерию. У них ее было больше, чем у ланнахов, и они были лучшими стрелками. Несколько атак пехоты захлебнулось к кровавому беспорядку.

— Разумеется, у них нет нашего автоматического оружия, — сказал Толк.

— Но и у нас его нет в таком количестве, чтобы это могло оказать решающее влияние на ход битвы.

Вейс повернулся в сторону Ангрека, который приблизился к ним, и крикнул:

— Не стой здесь! Сойди вниз, собери наших, возьми катапульты! Может быть, нам удастся что-то сделать!

— Теоретически, да, — Толк кивнул худой головой. — Я понимаю, что солдаты, сражаясь на земле, могли бы передвигаться от укрытия к укрытию, подкрасться к катапультам и огнеметам и топорами выбить их расчеты. Но практически это невозможно осуществить!

— Так что бы ты сделал? — застонал Эрик.

— Сначала подумаем, что произойдет наверняка, — начал Толк. — Мы скорее всего потеряем наши поезда, если их еще не захватили. Я думаю, они будут сожжены. Таким образом, наше снабжение прекратится. Наши силы разделены. Наши воздушные силы рассеяны. Наземные остались здесь. Трольвен не сможет пробиться к нам, потому что он находится в меньшинстве. Мы здесь, в Манненахе количественно значительно превышаем наших противников.

Но с их артиллерией мы не можем мериться силой. Для того же, чтобы продолжать сражаться, мы должны отбросить наши большие щиты и другие новомодные устройства и вернуться к обычной битве в воздухе. Но пехота плохо вооружена для традиционной борьбы. У нас, например, слишком мало лучников. Дельпу будет достаточно только спрятать войско на плотках, под прикрытием огнестрельного оружия, и несмотря на все наше преимущество, мы не сможем до них добраться. Тем временем он держит нас здесь под огнем, отрезанных от пищи и жилья. Дополнительное вооружение, которое произвела наша мельница, бесполезно лежит в Сальменброке. А вскоре, несомненно, подойдут сильные подкрепления Флота.

— К черту все это! — крикнул Вейс. — Мы взяли город, не так ли? Мы можем в нем защищаться до тех пор, пока дракхоны не рассыпятся от старости.

— А что мы будем есть все это время? — спросил Толк. — Ты хороший инженер, землянин, но слабый воин. Неопровержимым фактом является то, что Дельпу удалось разделить наши силы и тем самым он уже победил. Я предлагаю отступить сейчас, пока мы еще можем это сделать.

Неожиданно его спокойствие исчезло, он съежился, закрыл глаза крыльями, и изумленный Вейс заметил у герольда первые признаки старости.

Глава 14

На палубах продолжались танцы победы, и радостное пение звучало по всему заливу Сагна, отражаясь от окружающих его взгорий. Вверху, внизу, спереди и сзади ноги и крылья сплетались в танце так, что доски трескали.

Высоко на мачте игрок добывал высокие звуки из пищалки; внизу большой бубен надсмотрщика, служащий для поддержания темпа работы весел, на этот раз выбивал ритм танца. В кругу фигур, стоящих со сложенными крыльями, мокрой от пота шерстью и блестящими глазами, кружился моряк с женщиной, и сотни глоток гудели песню:

«...Плыть, плыть, плыть, по морю Пива!

Юлюби меня, родная, Е мы вместе поплывем Ia моем плоту...»

Аельп вышел из каюты на корму и посмотрел на экипаж.

— Через шестьдесят декад состав Флота значительно увеличится, засмеялся он.

Родонис крепко держала его за руку.

— Я хотела бы... — начала она.

— Да?

— Иногда... да нет, ничего...

Танцующая пара вспорхнула вверх, и ее место на палубе тут же заняла следующая. Доски затрещали под очередной бочкой пива, выставленной в знак победы.

— Иногда я хотела бы быть такой, как они, — наконец закончила Родонис.

— И жить в форкастеле? — сухо поинтересовался Дельп.

— Ну нет, конечно же, нет...

— За отдельную каюту, слуг, красивую одежду и свободное время нужно платить соответствующую цену, — сказал Дельп. Его глаза поблели. — Как раз сейчас я буду

платить очередной взнос.

Он коснулся хвостом стены, распростер крылья и ударил ими, поднимаясь в воздух. Дюжина вооруженных воинов поспешила за ним. Взгляд Родонис тоже.

Плоты дракхонов тесно сбились под потрескавшимися стенами Манненаха; следы битвы еще не были убраны, потому что моряки спешили отпраздновать тяжело завоеванную победу. Только профессиональные солдаты остались на страже, поскольку никого нельзя было преждевременно предупреждать о возможности нападения. На форкастеле хвалились, что моряк Флота, пьяный, с женщиной на коленях победит трех солдат любой другой расы, будь они даже трезвыми.

Летя над спокойными водами под высоким безоблачным небом, Дельп раздумывал над значением такого хвастовства для морального облика Флота и сопоставлял его с суровой действительностью... Ланнахи сражались, как дьяволы. Дракхоны еще победили в этот раз...

Внизу оказалась группа лодок. На одной мачте, украшенной гирляндами, развевался флаг адмирала. Теонакс прибыл сам, вместо того, чтобы вызвать Дельпа к себе. Это могло означать, что он хочет забыть старые распри.

Родонис не хотела говорить мужу, что произошло между ней и Теонаксом, и Дельп не заставлял ее делать это; однако было очевидно, что она чем-то вынудила наследника трона вынести оправдательный приговор. Более правдоподобным казалось, что новый адмирал прибыл для того, чтобы присмотреть за этим ненадежным капитаном, который превратил в большую победу не выполненное задание удержать гарнизон в городе. Иногда случалось, что командир, пользующийся таким уважением, поднимал флаг бунта и пытался стать адмиралом.

Дельп, который не питал уважения к Теонаксу, но чтит его должность, чувствовал себя обиженным таким подозрением.

Он приземлился, как ему было указано, на противовесе лодки и ждал, когда на палубе зазвучит рев приветствия. Ожидание длилось дольше, чем нужно. Подавляя гнев, Дельп перелетел на палубу лодки и упал лицом вниз.

— Встань, — сказал Теонакс безразличным тоном. — Мои поздравления по случаю победы. Ты хотел со мной поговорить? — Он едва сдерживал показную зевоту. — Можешь сейчас...

Дельп посмотрел на сгрудившихся вокруг офицеров, солдат и моряков.

— Если адмирал позволит, я хотел бы поговорить с ним отдельно, только в присутствии самых приближенных офицеров, — сказал он.

— Ах, так? Ты считаешь, что то, что ты хочешь сказать, настолько важно? — Теонакс толкнул молодого офицера, стоящего рядом, и многозначительно подмигнул.

Дельп распростер крылья, затем вспомнил, где находится, и медленно кивнул. Он держал голову так прямо, что у него заболела шея.

— Да, господин, я так считаю, — выдавил он из себя.

— Хорошо... — Теонакс неспешно направился в сторону каюты.

Она была достаточно обширна, чтобы вместить четверых человек, но внутрь вошли только они вдвоем, а также молодой фаворит, который улегся на полу и со скучающим видом закрыл глаза.

— Адмирал не хочет, чтобы присутствовали советники? — спросил Дельп.

Теонакс улыбнулся.

— А ты сам, капитан, разве не имеешь намерения давать мне советы?

Дельп мысленно посчитал до двадцати, разжал стиснутые челюсти и заговорил:

— Как адмирал пожелает. Я думал о нашей новой стратегии, и эта битва меня немного испугала...

— Я не знал, что тебя может что-то испугать.

— Адмирал, я... Впрочем, неважно! Прими во внимание, господин, что враг был очень близок к тому, чтобы победить нас. Они заняли город. Мы перехватили их оружие, которое является таким же хорошим, как и наше, или даже лучшим, в том числе несколько устройств,

о которых я никогда не слышал... Оружия было на удивление много, принимая во внимание то, как мало у них было времени, чтобы сделать все это. Кроме того, эта их проклятая тактика сражения на земле... Не как временное действие, например, при захвате плота, но главная тактика боевых действий!

Единственная причина, из-за которой они проиграли, это недостаточная координация между силами на земле и в воздухе, а также неподготовленность к возможному изменению обстановки. Они не были готовы моментально отбросить щиты и перейти к сражению в воздухе организованными эскадрами.

Но если мы дадим им шанс, они исправят эту ошибку...

Теонакс провел когтями по шерсти на плече и хмыкнул.

— Не люблю пораженчества, — сказал он.

— Адмирал! Я стараюсь избежать недооценки противника. Ясно, что свои новые идеи они почерпнули от землян. Но что они еще могут получить от них?

— Гм-м-м... Да... — Теонакс поднял голову. На мгновение в его глазах появилось выражение неуверенности. — И что ты предлагаешь?

— Сейчас они рассеяны, — начал Дельп с растущим энтузиазмом. — Я уверен, что неудача повлияла на них деморализующе. И к тому же они потеряли все свое тяжелое оборудование. Если мы сейчас не дадим им опомниться, то война может закончиться. Прежде всего мы должны нанести решающее поражение всей их армии. Тогда они будут вынуждены уступить и отдать нам эту страну, иначе они полностью вымрут, как насекомые, когда придет их время рождений.

— Да... — Теонакс с удовлетворением улыбнулся. — Как насекомые. Как грязные, паршивые насекомые. Мы не позволим им улететь, капитан.

— Они заслуживают того, чтобы мы дали им шанс, — запротестовал Дельп.

— Это дело высокой политики, капитан, и это буду решать я.

— Прости, господин, — произнес Дельп. — Адмирал, — добавил он через мгновение, — не отдашь ли ты часть наших войск под мое командование с приказом атаковать ланнахов?

— Ты же не знаешь, где они сейчас находятся!

— Они могут быть где угодно в горах, господин. У нас есть пленные, которых можно заставить указать нам путь и снабдить нужными сведениями.

Разведка утверждает, что ставка ланнахов находится в месте, известном под названием Сальменброк. Хотя... они могли исчезнуть куда угодно... даже провалиться сквозь землю. — Дельп вздрогнул. Его мир состоял из отдельных островов и плоского горизонта на море: склоны гор наполняли его ужасом. Местность дает множество укрытий. Думаю, наша атака не будет легкой...

— Как ты предлагаешь ее провести? — ворчливо спросил Теонакс. Он не любил, когда во время торжеств, во время победы и обильного пира ему напоминали, что впереди еще много жертв, которые должны были быть понесены в этой войне.

— Нужно вынудить их выступить в открытой битве, господин. Я хотел бы взять наши главные силы, а также несколько местных проводников, которых я заставляю оказать нам помощь, и отправиться от города к городу туда, наверх, сравнивая с землей все, что нам попадется, сжигая леса и убивая животных. Не дать им возможности охотиться с загонщиками, не дать им возможности добывать пищу для женщин и детей. Рано или поздно они вынуждены будут выступить против нас. И тогда я добьюсь победы над ними!

— Понимаю, — кивнул Теонакс. — А если они победят тебя? — тут же добавил он с усмешкой.

— Это невозможно!

— В священных письменах написано: Путеводная Звезда светит не только одному избранному народу!

— Адмирал знает, что война всегда несет в себе какой-то риск. Но я убежден, что мой план гораздо безопаснее, чем ждать здесь, внизу, пока земляне выдумают какую-то новую

чертовщину.

Палец Теонакса ткнул в Дельпа.

— Не беспокойся! Ты забыл, что у них скоро кончится еда? Мы можем не принимать их во внимание.

— Я думаю...

— Молчать! — визгливо крикнул Теонакс. — Не забывай, что твои огромные экспедиционные силы оставят Флот без соответствующей защиты. А без Флота, без плотов мы пропали.

— Ах, господин! Не опасайся атаки... — начал с оживлением Дельп.

— Что? Опасаться? — напыжился Теонакс. — Капитан, ты забываешь, что сомнение в компетентности адмирала — государственная измена!

— Я не имел в виду...

— Я не буду делать из этого выводов, — спокойно произнес Теонакс. Однако, или ты полностью покоришься, моля о пощаде, или вон отсюда!

Дельп поднялся. Его губы приоткрылись, показав клыки: расовый инстинкт, берущий начало у диких предков, призывал его разорвать глотку противнику. Теонакс сжался, готовый позвать на помощь.

Очень медленно Дельп овладел собой. Через мгновение он направился было уже к выходу, но тут остановился, сжав кулаки, и пленка на его крыльях явственно набухла от прилива крови.

— Ну же, — улыбнулся Теонакс.

Словно испорченный механизм, Дельп упал на живот.

— Я унижаюсь, — пробормотал он. — Я съедаю твои отходы, господин. Я заявляю, что мои отцы были невольниками твоих. Как рыба в сети, ловя воздух, я умоляю тебя о прощении.

Теонакс упивался каждым словом. Дополнительное удовольствие приносило ему сознание того, что Дельп так ловко дал поймать себя в ловушку между своей гордостью и желанием служить Флоту.

— Очень хорошо, капитан, — сказал адмирал, когда церемония завершилась. — Благодарю меня за то, что я не потребовал твоего унижения в присутствии всех. Теперь я хочу услышать, что ты хочешь сказать. Мне кажется, что ты говорил что-то об обеспечении прикрытия плотов.

— Да, господин. Я говорил, что плоты могут не опасаться врага.

— В самом деле? Они действительно находятся в открытом море, но не так далеко, чтобы до них нельзя было долететь в течение нескольких часов.

Что удержит армию Стада от того, чтобы собраться в горах, о чем ты не будешь знать, и атаковать плоты, прежде чем ты сумеешь прийти к нам на помощь?

— Как бы я желал этого, господин. — К Дельпу немного вернулся энтузиазм.

— К сожалению, их командиры не так глупы. Никогда в истории морских войн воздушные силы не были в состоянии победить Флот без поддержки с воды. Самое большее, что они могут сделать, это с огромными потерями занять один или два плота... на определенное время... как во время того налета, когда они унесли землян. Другие суда подойдут и отгонят их. Видишь ли, господин, те, кто находится в воздухе, не могут пользоваться военными машинами: катапультами, огнеметами и так далее, которые сами по себе способны уничтожить морские силы. И одновременно экипажи плотов могут стоять под прикрытием и стрелять вверх, поражая нападающих, сколько душе будет угодно.

— Ну что ж, верно, — кивнул Теонакс. — Все это так очевидно, что повторение этого было бы для меня потерей времени. Однако я понимаю, что по твоему мнению, небольшой группы стражников будет достаточно, чтобы сдержать любую атаку ланнахов.

— Если нам повезет, мы свяжем врага битвой на море, пока не прилечу я с главными силами. Но, как я уже сказал, господин, они наверняка достаточно разумны, чтобы воздержаться от таких действий...

— Ты строишь слишком смелые предположения, капитан, — буркнув, перебил Дельпа Теонакс. — Ты не только предполагаешь, что я отпущу тебя в горы, но даже думаешь, что вручу тебе командование главными силами?

Дельп склонил голову и опустил крылья.

— Прости, господин, — пробормотал он.

— Я думаю, что будет лучше всего, если ты останешься в Манненахе вместе со своей флотилией.

— Как адмирал пожелает. И все же, господин, не хочешь ли ты все-таки обсудить мой план?

— Пусть тебя сожрет Акхан! — рявкнул Теонакс. — Ты хорошо знаешь, что мне не за что тебя любить, но твой план хорош и ты сам лучше всего претворишь его в жизнь. Я назначаю тебя командующим экспедиционными силами.

Дельп имел такой вид, будто только что был поражен молнией.

— А теперь убирайся! — приказал Теонакс. — Официальное совещание мы проведем позже.

— Я благодарю моего господина...

— Убирайся, я сказал!

Когда Дельп вышел, Теонакс обратился к своему фавориту.

— Не беспокойся, — усмехнулся он. — Я знаю, о чем ты думаешь. Этот солдат выиграет свою кампанию и станет еще популярнее, а значит, со временем ему в голову может придти мысль о посягательстве на трон адмирала, так?

— Я только задумываюсь, как мой господин собирается избежать этого, прошептал дворянин.

— Что может быть проще, — засмеялся Теонакс. — Я знаю такие характеры. Пока продолжается война, с его стороны можно не ожидать никаких предосудительных поступков. Так что пускай пока повоюет. Он победит этих ланнахов, в этом нет сомнений, уж очень ему этого хочется. Потом он отправится в погоню за оставшимися в живых, чтобы довершить дело. И во время этой погони какая-нибудь шальная стрела окажется очень кстати. Такие вещи, к сожалению, случаются. Да!

Глава 15

Густая атмосфера Диомеда поднимала частицы пыли — центры конденсации воды в более высокие и холодные слои. Поэтому на планете было больше туч и разного рода осадков, чем на Земле. Когда небо было чистым, звезд все равно было видно меньше, а в облачные ночи кругом стоял непроницаемый мрак.

Туман через каменистые долины и высокое солнце Полного Лета перешел в холодный сумрак. Толпы ланнахов, расположившихся вокруг Сальменброка, роптали от голода и отсутствия надежды. Само солнце отвернулось от них!

Не горел ни один костер, так как все топливо в округе было уже сожжено. Все срединные земли были уже лишены зверья, незрелых посевов, даже червей и насекомых не было, так как и они исчезли в желудках полчищ воинов.

Теперь, в этой страшной темноте, истекающей влажностью, существовал только ветер и быстрые воды, бегущие среди ледников... а также гора Оборх, извергающая клубы дыма из глубин земли.

Трольвен и Толк оставили позади отчаявшихся предводителей кланов и пошли вверх по узкой тропинке, закрытой туманом, к мельнице, в которой работали земляне.

Только здесь, как казалось, жизнь продолжалась — огонь пылал, вода из резервуара текла по желобам, заставляя вращаться колеса, брошенные ветром; в мерцающем свете лампадок было видно только движение — тархтение токарных станков и удары молотов. Сверхчеловеческими усилиями Николас Ван Рийн подавил горькие протесты людей Ангрека, и фабрика работала дальше.

— Зачем? — подумал Трольвен. Мысли его были серыми, как тот туман, который клубился вокруг.

Ван Рийн лично поприветствовал их у двери, скрестив на груди мощные руки.

— Как дела, друзья? — спросил он. — Здесь все идет нормально, вскоре артиллерия будет готова.

— На что она нам? — автоматически спросил Трольвен, но тут же поправился:

— Конечно, у нас тогда будет возможность сделать Сальменброк неприступным, что означает, что мы сможем здесь окопаться и защищаться от врага, пока не умрем от голода.

— Не говори мне о голоде, — Ван Рийн засунул руку в сумку, выудил оттуда кусок сухого сыра и с грустью осмотрел его. — Подумать только, что совсем недавно это был сочный и вкусный швейцарский сыр. Теперь я не дал бы его и крысам. — Тем не менее, он впихнул кусок себе в рот и, скривившись, начал жевать. — Мои проблемы с наполнением желудка более серьезны, чем ваши. Во-первых, высокая температура кипения воды приводит к тому, что кухня на этой планете отвратительна. Повара не имеют понятия о регулировании температуры. Во-вторых, ваши носильщики несли меня весь этот путь от Манненаха только для того, чтобы я сейчас мог умереть с голода, да?

— Нет, — покачал головой Толк. — Он и его друзья приложили все старания, Предводитель Стада, — обратился он к Трольвену.

— Прости меня, — вожак кивнул толстому землянину. — Видишь ли, только что пришло известие, что дракхоны уничтожили Эйсельдрас.

— Этот покинутый город?

— Священный город! Они осмелились поджечь лес вокруг него! — Трольвен напрягся. — Так дальше продолжаться не может! — продолжал он. — Через какое-то время эта страна будет так опустошена, что даже если мы и победим, она не прокормит нас. А это означает...

— Я думаю, что вы еще можете пожертвовать парочкой лесов, — махнул рукой Ван Рийн. — Это не слишком перенаселенные края.

— Послушай-ка, — жестко произнес Трольвен. — До сих пор я спокойно переносил твоё поведение. Я согласен, что ты в принципе прав: выступив всей нашей мощью в решительной битве с врагом, мы рискуем потерпеть окончательное поражение. Но бездейственно сидеть здесь, предпринимая всего несколько партизанских вылазок против выдвинутых вперед постов врага в то время, когда он уничтожает весь наш народ! Это верная дорога к гибели!

— Нужно было время, — покачал головой Ван Рийн. — Время для того, чтобы восполнить то, что мы потеряли в Манненахе и на то, чтобы создать новое вооружение.

— Зачем? То, что вы изобретали, нельзя переносить иначе, как с использованием большого каравана. И, что самое плохое, этот сукин сын Дельп, будто бы зная это, уничтожил дорогу!

— Тут ты не прав, Троль, — усмехнулся Ван Рийн. — Мой молодой друг Эрик немного переделал это вооружение. Сейчас оно разбирается, и его можно будет транспортировать при помощи женщин и детей, которые будут нести всего по одной или по две части...

— Я знаю об этом, — прервал его вождь. — Ты уже объяснял это раньше.

Но я продолжаю повторять: против кого мы его употребим? Если мы поставим его в каком-то определенном месте, дракхонам будет достаточно избегать этого места. А мы не можем долго оставаться в каком-то районе, так как толпы наших солдат объедают его до голой земли. — Трольвен набрал в грудь воздуха:

— Я прибыл сюда не для того, чтобы препираться с тобой, землянин.

Я прибыл с посланием Верховного Совета Ланнаха, в котором сказано, что пища в Сальменброке на исходе, так же, как и терпение войска. Мы должны, нет, мы обязаны дать сражение!

— Конечно, надо дать сражение, — невозмутимо кивнул толстяк. — А пока что я хотел бы поговорить с этими вашими надутыми членами Совета.

Он просунул голову в помещение:

— Эрик, мальчик мой, будет лучше всего, если ты немедленно начнешь упаковывать то, что у нас уже есть. Скоро это нужно будет переносить.

— Я понял! — донесся до стоящих снаружи ответ.

— Вот и хорошо. Ты здесь работай, а я немного займусь политикой, чтобы все это хорошо пошло. — Ван Рийн потер волосатые руки, усмехнулся и отправился с Толком и Трольвеном, шаркая ногами, очевидно для того, чтобы показать свою страшную усталость.

Эрик вышел и смотрел Ван Рийну вслед даже тогда, когда тот исчез в стене тумана.

— Да... — наконец прошептал он. — Так всегда. Мы делаем, а он болтает. Да здравствует равенство!

— Что ты имеешь в виду? — Сандра отошла от стола, возле которого работала, и подошла к нему.

— То, что говорю. Я вот думаю, почему я еще не сказал ему это прямо в лицо. Я не боюсь этого жирного паразита и не нуждаюсь в его дерьмовом жаловании!

Эрик махнул рукой на мельницу и на трудолюбивое окружение ланнахов, царящее вокруг него.

— Он говорит — сделай это, сделай то, а сам идет на прогулку. Когда я думаю о том, как он обжирается едой, которая нужна тебе, госпожа, для того, чтобы выжить...

— Разве ты не понимаешь? — Сандра продолжительное время посмотрела на юношу.

— Нет, я думаю, что ты слишком занят все это время, чтобы спокойно все обсудить. А до этого тебе поручали мелкие задания и ты не познал искусства управления, разве не так?

— Что ты имеешь в виду? — повторил он за ней, как эхо, и посмотрел на Сандру потускневшим взором, затянутым туманом усталости.

— Может быть, ты поймешь это позже. Сейчас мы должны спешить. Вскоре мы выйдем из города, и все должно быть готово для пути.

На этот раз она нашла себе занятие на те десять или пятнадцать земных дней, которые прошли со времени битвы за Манненах. Ван Рийн требовал, чтобы все дополнительное снаряжение, которое не взяли на битву из-за нехватки места, было приспособлено к воздушной перевозке. Это требовало определенных изменений, таким образом, чтобы большие элементы из дерева можно было разделить на меньшие и потом складывать их, когда нужно. Вейс этого достиг. Однако, в месте назначения возник бы хаос, если бы не было возможности идентификации каждой части. Сандра разработала систему обозначений и теперь наносила их кисточкой.

Ни у нее, ни у Эрика Вейса не было времени на длительный сон. Они даже не были в состоянии вдуматься глубже в то, на что пригодится их труд.

— Старый Ник говорил что-то о нападении на сам Флот... — буркнул Эрик. — Он что, в своем уме? Неужели мы должны садиться на воду и там монтировать катапульты?

— Может быть, — пожала плечами Сандра. Ее голос был равнодушен. Меня это уже не так беспокоит. Вскоре все должно решиться, так как у нас осталось пищи только на четыре земных недели или даже немного меньше.

— Мы можем прожить, по крайней мере, два месяца, вообще не принимая пищи, — сказал Эрик.

— Но мы ослабеем... — Сандра опустила взгляд. — Эрик...

— Да? — он отошел от дисковой пилы с обсидиановыми зубьями, приводимой в движение ветряком, и склонился над Сандрой. Слабый свет площадки отражался в каплях росы, собравшихся в нее волосах и сверкающих теперь, словно драгоценные камни.

— Вскоре мой вклад в работу уже не будет иметь значения... Работа будет тяжелой, требующей сил и умения, которых у меня нет... Разве что сражение, в котором я была бы еще одной лучницей, и то не слишком умелой.

— Ее руки побелели, так сильно она сжала пальцы. — Так что, когда придет пора, я уже не буду есть. Ты и Николас можете поделить мою пищу между собой.

— Не глупи! — не выдержал Эрик.

Она выпрямилась и отвернулась, сверкнув по его лицу гневным взглядом.

Ее бледные щеки покраснели.

— Это ты не будь глупцом, Эрик Вейс! — произнесла она. — Если я смогу обеспечить тебе и ему дополнительную неделю работы полными силами, чтобы голод не мучил вас мысли, тогда я, быть может, спасу и себя. А если нет, то я потеряю только одну или две недели, не имеющие никакого значения. А сейчас возвращайся к машине!

Он мгновение смотрел на нее и сердце стучало в его груди. Потом кивнул и вернулся к работе.

Ван Рийн, непрерывно ругаясь, продвигался по тропинке вниз, к открытому месту, покрытому острой травой, где на краю скалы собрался Совет.

Старейшины ланнахов сидели, словно группа сфинксов на фоне серого неба, и ожидали землянина. Трольвен стоял во главе двойной шеренги ланнахов. Толк же остался рядом с землянином.

— Мы собрались здесь во имя Наимудрейшего, — церемониально произнес вождь. — Пусть солнце и луны осветят наш разум. Пусть духи наших прапратерей дадут нам свои советы. Да не покрою я позором тех, кто жил до меня, и тех, кто придет после меня. — Он несколько расслабился. — Итак, мои офицеры, было решено, что мы не можем здесь больше оставаться. Я привел сюда землянина, чтобы он посоветовал нам. Желаете ли вы объяснить ему, как обстоят дела?

Один из ланнахов, исхудавший старик с гневными глазами, напряг крылья.

— Во-первых, Предводитель Стада, почему он вообще здесь находится? — со злостью фыркнул он.

— По приглашению Предводителя, — объяснил Толк.

— Герольд, не лови меня на слове! Ты знаешь, что я имел в виду.

Экспедиция на Манненах была предпринята по его предложению. Она принесла нам самое страшное поражение в истории. С этого времени он требует, чтобы наши главные силы оставались тут в бездеятельности, в то время как враг опустошает незащищенный край. Я не вижу причины, чтобы мы должны были выслушивать его советы!

В глазах Трольвена мелькнуло беспокойство.

— Есть ли еще какие-то возражения? — спросил он тихо.

Ропот возбуждения пронесся вдоль шеренг.

— Да... да... Пусть ответит, если сможет...

Ван Рийн побагровел и начал надуваться, словно жаба.

— Землянин, ты стоишь перед лицом Совета, — сказал Трольвен. — Что ты ответишь?

Он сел в ожидании, как и другие.

И тут Ван Рийн взорвался.

— Ад и дьяволы! Во имя всех жалких грешников, поджаривающихся в аду!

Как долго я должен выносить ваши издевательства, тупые неблагодарные личности? О ты, который там, наверху, сколькими еще бюрократами и умничающими офицерами ты населил эту Вселенную?..

Он погрозил небу кулаком и продолжал рычать дальше.

— Во имя Сатаны и Адского огня! Это просто невыносимо! Если вы намереваетесь совершить коллективное самоубийство, то зачем бедный старый Ван Рийн должен постоянно вас от этого удерживать? Или вы перестанете меня оскорблять, или я вам всем заткну глотки!..

Он двинулся к ним, словно шагающая гора, рыча от переполнявшего его гнева. Ближайшие члены Совета поспешно отодвинулись.

— Землянин... офицер... господин... прошу тебя! — нерешительно проговорил Толк.

Когда Ван Рийн решил, что произвел достаточное впечатление, тон его излияний несколько смягчился.

— Ладно, черт с вами. Я вам дам кое-какие полезные советы... Хотя я и прежде давал вам отличные советы, а вы все портите и еще сваливаете вину на меня. Но я бедный и

терпеливый старик, не такой, каким я был в молодости, нет, я выношу это с христианской покорностью и продолжаю давать вам добрые советы. И я предупреждал вас, — продолжал он, — да, да, предупреждал, не атакуйте сначала Манненах. Я предупреждал — говорю это еще раз! Я говорил, что там плоты подойдут под самые стены, а плоты составляют мощь Флота. Так вот, упал я на свои бедные коленки, вымаливая милость и умоляя вас, чтобы сначала занимать главные города на высотах. Но нет, вы не хотели меня слушать. И, несмотря на это, мы и так заняли Манненах, но победа наша пропала зря. Ах, если бы у меня были такие ангельские крылья, я сам бы повел вас! Я возвещал бы сейчас о победе пением на мачте адмиральского плота, клянусь митрой святого Николая. И поэтому с этих пор вы будете слушать мои советы; нет, черт возьми, мои приказы! Никаких возражений с вашей стороны, или я умываю руки и сам доберусь домой. С этого момента, если вы хотите остаться в живых, то когда старый Ван Рийн крикнет «джамп», вы должны прыгать! Понятно?

Он остановился. Он слышал свое астматическое дыхание, а также ропот неудовольствия, доносившийся из лагеря, плеск воды о скалы чужого мира... и ничего больше.

Слово взял Трольвен.

— Если, — начал он тихим голосом, — мы решим, что землянин дал ответ на вызов, мы можем перейти к делу.

Никто не отозвался.

— Хочет ли землянин вновь взять слово? — спросил Толк. Он один сохранил хладнокровие, с критическим удовлетворением наблюдая прекрасное актерское мастерство толстяка-землянина.

— Да! — вскричал Ван Рийн. — Я сам знаю, что мы можем, а что не можем! Так вот знайте, что мы в самом деле не можем остаться здесь! И тогда вы справедливо можете спросить, почему же тогда я за то, чтобы держать здесь войско, как на привязи, позволяя этому негодяю Дельпу делать все, что заблагорассудится! — Ван Рийн начал отсчитывать на пальцах: Во-первых, непосредственная атака была бы ему на руку; вероятнее всего, он победил бы нас, поскольку его войска более многочисленны и не так изнурены голодом, к тому же сам ход кампании значительно поднял их моральный дух.

Во-вторых, он не подойдет к Сальменброку, пока мы здесь находимся, потому что здесь мы могли бы его побить. Оставаясь на месте, войско дало мне возможность закончить перевооружение. У нас появилась артиллерия.

В-третьих, я надеюсь, что из-за этой проволоочки, во время которой работала мельница, я получил шанс на победу.

— Что?! — вырвался крик из глоток членов Совета, забывших о церемониале.

— Ага! — Ван Рийн прикоснулся указательным пальцем к своему импозантному носу и подмигнул. — Я говорю вам — увидим! Может быть, сейчас вы думаете, что я дряхлый старик, которому следует угасать в постели со стаканом горячего грога и сигарой в руке? Так вот знайте — я торговец из Политехнической Лиги, а это вам не что попало! Поняли? Вот и хорошо. Я предлагаю всем уйти отсюда и направиться на север.

Поднялся ужасный переполох. Ван Рийн терпеливо ждал, пока все утихнет.

— Спокойствие! — крикнул Трольвен. — Тихо! — Он ударил хвостом о землю. — Смирно, офицеры! Землянин, мы уже говорили о том, чтобы навсегда покинуть Ланнах, впрочем, мы говорим об этом все чаще, по мере того, как дух в народе падает. Мы все еще могли бы добраться до болот Килну и пробыть там какое-то время, чтобы спасти большинство наших женщин и детей в Пору Рождения. Но это означает, что мы должны бросить наши города, поля и леса, все, что у нас осталось, все, что наши предки добыли тяжелым изнурительным трудом на протяжении сотен лет. Это означает также, что нам грозит чудовищное одичание, жизнь в темных джунглях, эпидемии, жалкое существование... Я скорее желал бы погибнуть в битве, чем выбрать такую жизнь! — Он набрал воздух в легкие. — Но Килну, по крайней мере, находится на юге. На север от Ахана — лед!

— Совершенно верно, — подтвердил Ван Рийн.

— Так что, мы должны умереть от голода и холода на ледниках Даврнаха?

Ближе, чем там, мы не можем приземлиться, потому что разведчики Флота заметят нас в любом месте Хольменаха. Пожалуй, мы должны вступить в нашу последнюю битву на архипелаге!

— Нет! — загремел опять Ван Рийн. — Нужно пробраться в этот Даврнах!

Мы возьмем второй завтрак... то есть пищу где-то дней на десять, топливо и оружие.

— Зачем? Ты предлагаешь, чтобы мы атаковали Флот с севера? Это будет атака оттуда, откуда противник не ожидает, согласен. Но должен сказать, что это будет безнадежная атака!

— Неожиданность необходима для моего плана, — произнес Ван Рийн. — Но солдатам ничего говорить нельзя! Представьте, если хотя бы одного из них схватят в какой-то стычке. Они же смогут заставить его сказать все, что он знает. Мне жаль, что я изложил свой план даже вам!

— Довольно! — крикнул Трольвен. — Ты еще не рассказал нам суть своего плана! Хотя все равно из него ничего не выйдет. Может быть, технически такое и выполнимо, но политически — невозможно.

— Снова политика! — застонал Ван Рийн. — В чем дело на этот раз?

— В людях! Воины, женщины, дети и все остальные — весь народ должен отправиться в Даврнах; им нужно сказать, зачем мы туда летим. А ведь весь этот план, как ты сам говоришь, ни на что не будет годен, если хотя бы один человек попадется в руки врага и под пыткой скажет все, что знает.

— Но он и не должен ничего знать, — пожал плечами толстяк. Единственное, что можно довести до их сведения, так это то, что они должны набрать немного пищи и дров, чтобы взять с собой. И еще — надо будет сказать, что потом мы перенесем все это в какое-то другое место, а вот в какое, не скажем.

— Мы не дракхоны! — гневно произнес Трольвен. — Мы свободный народ. Я не имею права принимать столь важные решения, не вынося их на голосование всего народа.

— Гм... Может быть, ты мог бы с ними поговорить? — Ван Рийн дернул себя за усы. — Произнеси им речь. Уговори их, чтобы они отказались от своего права на осведомленность и принятие решения. Уговори их, чтобы они пошли за тобой, не задавая вопросов.

— Нет! — покачал головой Толк. — Я специалист в искусстве уговоров и знаю границы этого искусства. Сейчас мы уже имеем дело не со Стадом, а скорее с толпой — замерзшей, голодной, без тени надежды, без веры в руководство, готовой отдать все, только чтобы ринуться в бой и победить или умереть. Им не хватит силы духа, чтобы пойти за кем бы то ни было в поход за неизвестным.

— Дух можно закалить, — сказал Ван Рийн. — И это я попробую.

— Ты?!

— Я не так плох в речах, когда нужно. Я обращусь к ним!

— Они... они... — Толк смотрел на землянина с изумлением. Потом он засмеялся, но в этом смехе зазвучала ирония.

— Пусть будет так, — решил Предводитель Стада. — Мы послушаем, какие слова найдет землянин, слова, которые будут лучше, чем наши.

А часом позже он сидел на краю обрыва, видя перед собой народ Ланнаха и слушал бас Ван Рийна, который прорывался сквозь туман, словно раскаты грома.

— Итак, я говорю: взвесьте то, что вы имеете и что у вас могут отобрать.

«... О! Этот трон королей, Оарственный остров, Аеличие Земли, Аторой Эдем, частица рая, Овердыня, Еоторую природа сама себе Аоздвигла заслоном от зла Е военных набегов, I ты, народ счастливый...»

— Ничего не понимаю, — шепнул Толк.

— Успокойся! — ответил Трольвен. — Дай послушать. — В глазах вождя появились слезы, он весь дрожал.

«... Блаженный сад, жемчужина, I ты, Ланнах...»

Нолдаты захлопали крыльями, и из недр их грудных клеток вырвался мощный гортанный вопль.

Ван Рийн продолжал свою речь соответствующе переработанными фрагментами погребальной речи Перикла и речи Линкольна в Геттисберге.

Когда он закончил, то, если бы захотел, мог бы стать верховным вождем ланнахов.

Глава 16

Остров, называемый Даврнахом, находился далеко за пределами архипелага, в нескольких сотнях километров севернее Ланнаха. Несмотря на скорость полета Стада, прерываемого только короткими привалами на скалистых островках, дорога к месту назначения заняла несколько земных дней и представляла собой кошмар для людей, которых несли в транспортных сетках. Позже Эрик вспоминал путешествие словно сквозь туман.

Когда он оказался на берегу острова, являвшегося целью их перелета, то едва держался на ногах, и первым чувством, которое он испытал, было чувство огромного облегчения.

Лето и здесь было в разгаре, но несмотря на это, север был севером: воздух был наполнен небольшим морозцем, и Эрик начал понимать, почему Толк говорил, что никто никогда не пытался поселиться здесь. Острова Хольменах изменяли направление холодного течения океана к северу, к морю Ледовых гор, и эти холодные воды омывали Даврнах.

И вот Стадо, крыло за крылом опускаясь с неба, достигло цели своего путешествия: омываемых тяжелыми и темными приливами черных песков, взбирающихся вверх через вечные льды к пылающей глотке вулкана.

Тонкие и прямые деревья попадались тут и там в нижней части склона, между островками зарослей; морские птицы ныряли за чем-то съестным в холодные воды океана; солнце, скрытое за тучами, отбрасывало на землю отблески цвета засохшей крови.

Сандра дрожала. Вейс с ужасом заметил, как она похудела. А теперь, когда они уже добрались сюда, в последней фазе усилия, а может быть, и жизни, это ее решение ничего не есть...

Эрик увидел, что она еще теснее завернулась в вонючую куртку из ткани, сделанной ланнахами. Ветер подхватил ее волосы и разметал в воздухе на фоне вулканических скал. Вокруг нее около десяти тысяч ланнахов сидели на земле, ходили, крутились и хлопали крыльями; хрип и свист нечеловеческой речи, грохот бьющих по воздуху перепончатых крыльев заглушали пустой стон ветра. Когда Сандра протерла глаза трогательным жестом маленького ребенка, Эрик Вейс отметил про себя, что ее некогда красивые руки были растерты до крови в тех местах, где прикасались к сетке; он заметил также, что Сандра чуть ли не валилась от усталости.

Эрик почувствовал, что его сердце забилось сильнее, и непроизвольно направился к ней. Но первым около девушки оказался Николас Ван Рийн, жирный и грязный, издавая крики утешения.

— Ничего, ничего, моя девочка, мы-таки добрались сюда и скоро, очень скоро я заберу вас домой, в ванну с горячей водой! Клянусь святым Дизмой, я сделаю это!

Принцесса Сандра Тамарин, наследница трона Великого Княжества планеты Гермес, слабо улыбнулась ему и прошептала:

— Я хотела бы только немного отдохнуть...

— Да, да, дорогая. Сейчас будет сделано! — Он засунул два пальца в рот и издал оглушительный свист, который привлек внимание Трольвена.

— Эй, ты там! Найди госпоже пещеру или нечто подобное, и помоги ей расположиться там на отдых!

— Я? — Трольвен едва сдержал гнев. — У меня на шее целое Стадо!

— Ты что, не слышал, что я сказал, бестолковщина? — Ван Рийн захромал в сторону Эрика, который, остолбенев от изумления, застыл на месте. Теперь ты! Приготовься к

работе! Собери команду — столько, сколько нужно для начала!

— Я... — Вейс попытался собраться с мыслями. — Послушайте, со времени последнего отдыха прошло не знаю сколько часов и...

Ван Рийн взорвался оглушительным воплем:

— А сколько недель прошло с того времени, когда у меня во рту была сигара или хотя бы маленький глоток джина? О других ты не беспокоись, да? — Толстяк обратился к нему свой крючковатый нос и затряс поднятыми руками:

— Неужели я один должен все делать? О ты, Там Наверху, зачем ты заполонил Галактику лентяями и бездельниками?! Это невыносимо!

— Ну... — Эрик увидел, как Трольвен отводит Сандру в место, где она могла бы поспать, забыв хотя бы на несколько часов о холоде, боли и одиночестве. Он сжал пальцы в кулаки:

— Хорошо! А вы — что будете делать именно вы?

— Я должен заняться организацией, малыш. Сначала Трольвен выделит группу, которая займется рубкой деревьев и сооружением мачт, рей и весел.

Тем временем полотно, которое мы взяли с собой, нужно как-то превратить в паруса... остается еще такелаж, постройка помещений для приема пищи и сна... Фи! Это только детали. Я не буду заниматься этим! Для деталей я нанимаю таких людей, как ты!

— Конечно, зачем заниматься какими-то деталями, есть же вещи и поважнее, — попытался сострить Эрик.

Маленькие серые глазки Ван Рийна некоторое время внимательно буравили Эрика.

— Значит так... — наконец пробурчал торговец. — Ты тоже начинаешь отчаиваться? Ты, может быть, думаешь, что раз я стар, слаб и не так вынослив, как тогда, когда я был молод, то только извлекаю выгоду из твоей работы, да? Сейчас слишком мало времени на то, чтобы добавить немного смазки в твои мозги. Может быть, ты сам научишься жить!

Он щелкнул пальцами.

— Марш за работу! Потом будем разговаривать!

Эрик ушел, проклиная себя за то, что не двинул этого старого кабана в живот. Но на это еще придет время! А сейчас, к сожалению, Ван Рийну удалось попасть в такое положение, в котором он был авторитетом для ланнахов. И это он! А не Эрик, который в основном делал всю работу!

Но идея все же толстяка. От этого не уйдешь. Да, это Ван Рийн высказал мнение, что такой остров, как Даврнах, полный айсбергов у берегов и ледников на поверхности, представлял неисчерпаемый источник строительного материала. При помощи каменных долот можно было в течение нескольких часов обтесать ледовое судно, такое же большое, как любой плот дракхонов. Для того, чтобы выровнять поверхность, можно воспользоваться самой примитивной горелкой, состоящей из масляной лампадки с меховой гармошкой для подачи воздуха. В отверстиях, сделанных во льду, можно поместить простую мачту и рулевой рычаг; используя замерзающую воду, как вяжущий материал, можно надежно установить их на плоту. Если бы за такую работу взялось большинство Стада — мужчины, женщины, старики, молодые — то за неделю можно было бы создать флотилию такую же большую, как весь Флот дракхонов.

Конечно, только инженер спроектирует всю эту технологию. Какой глубины должно быть отверстие для закрепления мачты? Каким образом произвести прямое резание в блоке льда неправильной формы и длиной в несколько сотен метров? Как выгладить низ, чтобы уменьшить трение?

Строительный материал легко таял, и его можно было укрепить, разливая по законченному корпусу несколько ведер смеси опилок и морской воды, которая, замерзая, создаст нечто вроде брони. Но в какой пропорции смешать опилки и воду?

Не было времени проводить необходимые эксперименты. Каким-то образом, с божьей помощью и по счастливой случайности, имея против себя все стихии, Эрик Вейс должен был получить ожидаемые результаты.

А Ван Рийн? Что внес в дело этот толстяк? Только общую идею, небрежно оброненную; словно Вейс был джинном Алладина, который мог исполнять все желания. Это были наверняка проблески интуиции, развитого воображения, это нельзя было отрицать. Но воображение немного стоит в этом мире...

Каждый может сказать: «Нам нужно новое оружие, которое можно сделать из таких-то и таких ранее не применяемых материалов...» Однако все останется только в сфере бесплодного воображения, пока не найдется кто-то, кто сможет сообразить, как сделать то, что было задумано.

Закабалив таким образом своего инженера, Ван Рийн промаршировал дальше, одну часть Стада вежливостью, другую — силой заставляя работать. А когда уже все были запряжены в тяжелый труд, он вытянулся на одеяле и заснул!..

Глава 17

Эрик Вейс стоял на палубе корабля «Рийнстаффель» и наблюдал, как из-за горизонта появляется неприятельский флот.

Он медленно опустил руку в сумку, пришитую к поясу. Его пальцы сжались на кусочке черствого хлеба и ломтике засушенной колбасы. Это была последняя порция земной пищи, которая оставалась у него; уже много дней он уменьшал себе рацион питания, чтобы вступить в бой, имея что-нибудь приятное в желудке. Но сейчас он совсем не хотел есть.

Лед охлаждал ноги неожиданно слабо. Теплый воздух моря Ахан прогонял холод, идущий ото льда. Эрик не удивлялся тому, что в течение недели, когда они плыли на юг, лед растаял лишь незначительно — он знал тепловые свойства воды.

Сзади, за его спиной, наполненные ветром, громко хлопали примитивные квадратные паруса, привязанные к реям, которые были укреплены на перегруженных одночастных мачтах. Корабли изо льда были массивны, но в то же время более обтекаемой формы, чем корабли дракхонов. Ван Рийн использовал свои невероятные ораторские способности, чтобы заставить сопротивляющихся ланнахов работать под водой для того, чтобы выгладить нижнюю часть. Теперь же, при попутном диомеданском ветре Военный Флот ланнахов плыл, покачиваясь на волнах Ахана со скоростью в добрых пять узлов.

Однако самый трудный момент наступил не тогда, когда все надрывали жилы, чтобы закончить постройку. Он пришел позже, когда они были почти готовы отправиться в путь. В этот момент ветер изменил свое направление.

Тысячи ланнахов жались от отчаяния под холодным дождем, ища рыбу и гнезда птиц, чтобы накормить детей, плачущих от голода. Члены Совета и предводители клана доказывали, что невозможно вести войну с судьбой, что нет иного выхода, как поддаться и искать убежище в болотах Килну. Каким-то образом, угрожая, стеля, умоляя, обещая, а несколько раз и подкупая при помощи того, что он выиграл в кости, Ван Рийн сумел удержать их на Даврнахе.

Но теперь все было позади.

Торговец вышел из маленькой каюты, построенной из камня, прошелся по палубе, посыпанной песком, рядом со стоявшими на ней военными машинами и кучами метательных снарядов, пока не добрался до носа, где стоял Вейс.

— Лучше съешь все сейчас, — сказал толстяк, словно читая мысли Эрика.

— Потом будет уже поздно.

— Я не голоден... — покачал головой Вейс.

— Ах, нет? — Ван Рийн вырвал еду из его рук. — Зато я, черт побери, голоден! — И стал запихивать в рот хлеб и колбасу.

На нем снова был двойной панцирь, но на этот раз торговец остановился только на одном виде оружия — мощном каменном топоре с рукояткой метровой длины. У Эрика Вейса на боку висел гораздо меньший топорик, зато в руке он держал щит. Вокруг землян кишели вооруженные ланнахи.

— Они, конечно, уже готовятся к встрече с нами, — кивнул, разговаривая с полным ртом, Ван Рийн.

Эрик остановился взглядом на узких лодках противника, плывущих по направлению к ним на веслах против ветра.

— А ты что, ожидал красную дорожку в знак приветствия? — захохотал торговец, заметив, куда смотрит Вейс. — Я могу поспорить, что они увидели нас с воздуха уже много часов назад. Теперь они поспешно шлют гонцов в армию, находящуюся внутри Ланнаха, — Ван Рийн поднял вверх последний кусочек колбасы, с благоговением поцеловал его и съел.

Вейс посмотрел назад. Их судно было флагманским. Так было решено, когда выяснилось, что оно самое быстрое. Оно занимало положение в вершине огромного клина. За ним плыло несколько десятков серо-белых неуклюжих корабликов со рваными парусами. Их было, конечно, меньше и вооружены они были хуже, чем плоты дракхонов; им оставалось только надеяться, что превосходство врага не будет слишком подавляющим. Значительно более низкий свободный борт имел для расы крылатых небольшое значение; куда более важным был тот факт, что ланнахи не были настолько опытными моряками, чтобы...

Однако, по крайней мере, они были отважными воинами. Как тигры с крыльями, подумал Вейс. Во время путешествия на юг они отдохнули, отъелись дарами моря, и воля к победе снова заполнила их сердца. Хотя флот ланнахов численно уступал противнику, воинов на его палубах было, пожалуй, больше, даже если к дракхонам присоединятся солдаты армии Дельпа.

К тому же ланнахи могли позволить себе пойти на риск. Их женщины и дети остались на Даврнахе, остались вместе с Сандрой, бледной и сейчас уже почти немощной... Ланнахи не взяли с собой имущества, о котором должны были бы беспокоиться. Весь их багаж составляли оружие и ненависть.

Герольд Толк выплыл из тучи прямо над головами землян. Он затормозил распростертыми крыльями и приземлился, наклонив шею, словно лебедь, чтобы присмотреться к землянам.

— Все ли идет хорошо здесь, внизу? — спросил он.

— Насколько это возможно, — ответил Ван Рийн. — Мы пока еще движемся по направлению к этому вшивому флоту?

— Да. До него осталось несколько буасков. Скоро вы увидите их основные силы. Они пытаются с помощью ветра и весел уйти с нашего пути, но если ветер удержится, то им это не удастся...

— Армии Дельпа не видно?

— Еще нет. Я думаю, что этот новый адмирал, о котором мы слышаны от пленных, уже выслал посланцев в горы. Но горы велики. Пройдет немало времени, прежде чем они нас найдут, — тут Толк фыркнул с профессиональным презрением. — Я бы, например, поддерживал постоянный контакт при помощи двухсторонней связи свистунов...

— Несмотря на все, — прервал его Ван Рийн, — их нужно скоро ждать, а это означает, что с их прилетом для нас начнется суций ад!

— Ты уверен в том, что мы можем...

— Ни в чем я не уверен! А сейчас возвращайся к Трольвену и продолжай вести наблюдение!

Толк кивнул и снова поднялся в воздух.

Темная, пурпурного цвета вода белыми гребнями пены вздымалась к небу, где тучи играли, словно какие-то диковинные животные, окрашиваемые солнцем в немыслимо розовые тона. В нескольких километрах от Вейса был четко виден маленький островок; через подзорную трубу Эрик мог видеть кучки желтоватых цветов под деревьями. Над его головой ныряла и снова взмывала в воздух пара молодых свистунов. Нелегко было осознавать, что плывущие так близко узкие лодки, вырезанные из льда, несли на себе огонь и острые камни.

— Ну, — проворчал Ван Рийн, — вот и начинается наш бал. Добрый святой Дизма, возьми меня под свою защиту!

— Пожалуй, святой Георгий был бы сейчас больше к месту, как вы считаете? — попробовал пошутить Вейс.

— Тебе, может, кажется, что это так. Но я слишком стар и труслив для того, чтобы призывать Михаила, Георгия, Олафа или каких других более могущественных святых. Я лучше себя чувствую в обществе не столь энергичных особ: например, святого Дизмы, столь полезного для странствующих.

— Но нельзя забывать, что он — покровитель разбойников, промышляющих на дорогах, — с горечью ответил Эрик. — Разве не так?

Сейчас он почувствовал себя препаршиво. В горле першило, язык колом торчал в глотке. В ногах была слабость. В принципе он не ощущал страха, но тем не менее, колени его подгибались.

— Йа-а-а! — загудел Ван Рийн. — Хороший выстрел, мой мальчик. Я не ошибся в тебе!

Передняя баллиста на «Рийнстаффеле» со свистом и шумом точно уложила полутонный камень как раз посередине ближайшей лодки неприятеля. Та немедленно переломилась, словно спичка; команду выбросило в воздух, и на нее ринулся отряд летучих солдат Трольвена. Настал момент убийственной неразберихи, и через мгновение дракхоны перестали существовать.

Ван Рийн схватил изумленного командира баллисты в объятия и закружился с ним по палубе, распевая во всю глотку:

«Ты мой солнечный свет, Юй единственный солнечный свет, Оолько ты приносишь радость...»

Приблизилась другая лодка дракхонов. Вейс заметил, как расчет огнемёта склонился над своим орудием, и это заставило его тут же упасть под низкий ледяной борт, окружающий палубу.

Струя огня достигла борта, отразилась от него и разлилась по морю.

Она ничего не смогла сделать замерзшей воде. Даже растопить ее она не могла так, чтобы это имело какое-то значение для лодки. Из защищенного места посередине судна сотня ланнахов выслала вверх дождь стрел, которые по дуге пронесли по небу и упали на лодку врага.

Вейс выглянул из-за борта. Заряжающий огнемёт был мертв; воина, державшего ствол, сковала стрела, которая пробила ему крыло... Рулевого не было видно, очевидно, убитый или раненый, он упал в море. Лодка стала неуправляемой, боло на мачте описывало свои смертоносные круги и экипаж дракхонов сжался на дне, не желая попадаться на его пути.

— Полный вперед! — рывкнул Эрик. — Таранить!

Корабль ланнахов раздавил лодку своей тяжестью.

Лодки дракхонов, словно стая волков вокруг стада буйволов, кружили вокруг ледяных судов ланнахов, используя свою скорость и более высокую маневренность. Некоторые прорывались сквозь строй ланнахов, чтобы атаковать с тыла; другие отходили еще дальше, за края клина. Потери несли обе стороны: стрелы, снаряды катапульта, камни, метаемые вручную — все это доставляло неприятности ланнахам. Сосуды с пылающим маслом, перебрасываемые через воду, взрывались на ледяных палубах, тут и там огонь охватывал паруса и мачты. Но крылатые существа с удивительной легкостью могли погасить огонь, разъедающий такелаж. За все время битвы только один корабль ланнахов полностью потерял мачту, и экипаж попросту его бросил, перебравшись на другие суда. Кроме мачт, ничто не могло загореться, за исключением тел солдат, которые, однако, являются самым дешевым военным материалом...

Несколько лодок собралось у одного корабля, пытаясь взять его на абордаж. Однако их экипажи находились в значительном меньшинстве и дорого заплатили за эту попытку. Тем временем силы Трольвена полностью контролировали воздушное пространство, наступали,

метали снаряды, наносили удары.

Лодки дракхонов какое-то время все же сдерживали наступательный порыв ланнахов. Но время шло, и вскоре все они были протаранены, подожжены, разбиты, оттеснены в сторону непотопляемым врагом.

Только потому, что он был первым и своей мощью сразу же прорвался сквозь фронт врага, «Рийнстаффель» натолкнулся на небольшое сопротивление, впрочем, быстро подавленное с помощью баллисты, катапульт, сосудов с горячей жидкостью и стрел. За ними горело и дымилось само море; перед ними же находились большие плоты дракхонов — основная военная мощь врага.

Когда паруса плотов оказались в поле зрения ланнахов, команда Эрика затянула победную песнь Стада.

— Несколько рановато, мне кажется, — Эрик старался перекричать шум.

— Ну их, — тихо произнес Ван Рийн, — пусть теперь потешатся. Многие из них вскоре погибнут и пойдут кормить рыбок, не так ли?

— Пожалуй... — начал Эрик, но поспешно сменил тему, словно испугался всего того, что сделал. — Мне нравится эта песенка, а вам? Она немного напоминает мне старые американские народные песни, например, «Джон Харди».

— Народные песни хороши, но если кто-то их любит, то в глубине души он деревенщина, — фыркнул Ван Рийн. — Что касается меня, то я предпочитаю Моцарта.

Он смотрел на воду, и в его голосе зазвучала особая тоска.

— Я всегда надеялся, что однажды, еще до того, как умру, мне удастся понять Баха, старого Иоганна Себастьяна, который разговаривал с Господом Богом языком звуков и математики. Однако моей старой глупой голове не хватает ума.

Со стороны Флота слышались крики. Медленно и тяжело, молотя воду тонкими, словно паучьи ножки, веслами, плоты формировали боевые порядки, оставив попытки принять бой в более выгодной для них позиции. Ван Рийн гневно махнул свистуну:

— Быстро! Лети вверх и скажи этому балбесу Трольвену, чтобы он не морочил себе голову охраной нас от лодок. Пусть он атакует плоты. Пусть он займется ими! Нельзя позволить посланцам неприятеля свободно перелетать от одного капитана к другому, чтобы они смогли организовать!

Когда свистун улетел, торговец потрепал свою козлиную бородку, уже почти полностью потерявшуюся в густой, жесткой от грязи щетине.

— Ко всем чертям! — рявкнул он. — Как долго я еще один буду думать за всех! Добрый святой Николай, хранитель мой, пришли мне с неба штабного офицера, у которого между ушами находилась бы хоть крупинка мозгов, а не взболтанная овсянка, и я поставлю тебе собор на Марсе! Слышишь меня?!

— Трольвен находится в самом центре битвы там, наверху, запротестовал Эрик. — Он не может думать обо всем!

— Может быть, и нет, — ворчливо согласился торговец. — Может быть, он единственный в Галактике, кто не совершает ошибок.

Когда Трольвен последовал его советам, то словно шторм обрушился на находившуюся поблизости группировку плотов. В пурпурном хаосе переплелись сражающиеся дьяволы с крыльями летучих мышей. Эрик Вейс отметил, что в этой смертоносной путанице подход его корабля должен остаться почти незамеченным.

— Они не могут сомкнуть строй! — крикнул он, ударя кулаком по борту.

— Богом клянусь, не могут!

На палубу приземлился свистун, харкая кровью, в его боку зияла страшная рана.

— Там... Герольд Толк говорит... пустое место... вбит клин во Флот...

— Худое тело посланца изогнулось и бессильно опало на палубу. Вейс склонился и подхватил молодого ланнаха на руки. Он услышал бульканье в легких, пробитых сломанными ребрами.

— Мама, мама... — тяжело стонал свистун. — Он ударил меня топором...

Мамочка... не дай мне так страдать!

Через мгновение он был уже мертв.

Ван Рийн проклятиями, которые он метал в команду, вызвал изменение курса, не больше, чем на несколько градусов, так как его плот на большее и не был способен; но когда плоты противника были совсем уже близко, с ледяной палубы отчетливо было видно, что в линии дракхонов зияет широкая брешь. Атака Трольвена до сих пор не позволяла ей захлопнуться. Красная от крови вода, устланная оброненными копьями и луками, словно кровавая стрела указывала направление к плавающему дворцу адмирала.

— В середину! — орал Ван Рийн. — Лупите их! Съешьте их на завтрак!

Над бортом с шумом пролетел снаряд, выпущенный из катапульты. Ван Рийн засмеялся, но уже следующий разорвал у него рукав и сыпанул осколками льда в том месте, куда упал. Три струи жидкого огня через мгновение сосредоточились на «Рийнстаффеле».

Огненные пальцы поползли по палубе, настигнув одного из ланнахов, который с криком упал, и тело его тут же обуглилось в местах соприкосновения с огнем. Огонь добрался до парусов. На этот раз не было сигнала лить на них воду, и мачта, такелаж и полотно, пропитанное маслом, запылало, как гигантский факел.

Ван Рийн отвернулся от рулевого, которого осыпал страшными проклятиями, и направился поперек палубы. Но уже через несколько шагов он поскользнулся на том месте, где палуба частично растаяла от огня, и поехал на своей широкой заднице, посылая проклятия на весь Космос. Через мгновение он все же встал и дохромал до правой ванты, где принялся рубить канат каменным топором.

— Сюда! — закричал он. — Быстрее помогите мне, моллюски! У вас что, вас мозг оброс шерстью? Быстро, пока мы не проплыли мимо!

Эрик Вейс, который руководил обслуживанием баллисты, забрасывающей снарядами ближайший плот противника, не очень ясно понимал намерения Ван Рийна. Другие поняли это лучше, подбежали с топорами и набросились на ванту. Сам торговец подхватил из кучи одну из масляных бомб, зажег ее и бросил у подножия пылающей мачты.

Отверстие, в котором была закреплена мачта, подтаяло, а когда были перерублены правые ванты, огромный факел, который до того времени держался на них, упал на левую сторону. Он ударил в находящийся там плот. Огонь тут же разгорелся на плоту противника, отгоняя дракхонов, которые яростно пытались спихнуть упавшую мачту со своего судна. Через мгновение загорелся такелаж, затлели доски палубы. Прежде, чем «Рийнстаффель» отплыл дальше, весь вражеский плот превратился в остров безумствующего огня.

Ледяной корабль ланнахов почти потерял управление, но инерция и случайные течения вели его в глубину порядков уже находящегося в панике Флота. Следующие суда ланнахов уже входили в брешь, столь героически расширенную Ван Рийном.

Между плывущими ледяными монстрами бушевали огнеметы — но, как известно, дерево горит лучше, нежели лед, так что дракхоны в своем усердии больше поражали своих же собственных солдат на других плотях, чем ланнахов.

Сквозь завесу дыма, среди стрел и снарядов, продолжавших лететь сверху, по палубе, устланной убитыми и ранеными, Эрик Вейс направился к ближайшему огнемету. Его расчет готовился поджечь очередной плот, как только течение поднесет их к нему.

— Нет! — закричал Эрик.

— Что? — капитан повернул к нему свое грязное от сажи и крови лицо, его гребень от усталости упал на бок. — Но, господин, они же сейчас залиют нас огнем!

— Мы выдержим это, — прокричал Вейс. — Борту защитят нас. Я не хочу сжигать — я хочу захватить его!

Диомеданец тихо свистнул. Затем он распростер крылья и его глаза заблестели. Он спросил:

— Могу ли я быть первым из атакующих?

Рядом прошел Ван Рийн, таща за собой топор. Он не мог слышать, о чем говорил Эрик и капитан, но голос его загудел в ответ:

— Йа! Я как раз хотел распорядиться об этом, мальчик. Нам пригодится судно, способное к маневру!

Приказ передали дальше по палубе, которая заполнилась фигурами вооруженных ланнахов, сжавшихся в ожидании сигнала к атаке. Корабль, который был ни чем иным, как обработанной льдиной, нес их все ближе к более высокому и мощному плоту. Огонь, камни и стрелы падали на ланнахов, которые стойчески переносили удары противника. Эрик послал свистуна вверх, к Трольвену, с просьбой о помощи, и вскоре воздушный отряд стрелами успокоил артиллерию дракхонов.

Трольвен продолжал владеть подавляющим преимуществом. Он был в состоянии поднимать в воздух все новых воинов, спихивая дракхонов на палубы, где они ожидали атаки с воздуха. До сих пор, подумал Вейс, скупые на ласку боги Диомеда благоволили к землянам. Но такое не могло продолжаться вечно.

Эрик двинулся вперед за первой волной ланнахов, которая упала на плот с воздуха, чтобы захватить плацдарм. Он подпрыгнул вверх с поверхности льдины, когда та ударилась о дерево плота, схватился за какую-то балку и вскарабкался на плот. Когда ноги его коснулись палубы, оказалось, что он стоит в шеренге атакующих воинов. Глаза разьедал дым, ползущий со всех сторон, и от этого трудно было различить стоящих перед ним в шеренге защищающихся дракхонов.

Возня и крики, доносящиеся сверху, с воздуха, усилились.

Он почувствовал на своем плече прикосновение чьей-то руки и, обернувшись, увидел перед собой поросычьи глазки Ван Рийна.

— Уфф! Что за дьявольский подъем! Жаль, что я не остался. Итак, мой мальчик, мы остались живы. Толк как раз прислал сообщение, что экспедиционные силы дракхонов показались на горизонте и что есть мочи в крыльях чешут в нашем направлении.

Глава 18

Эрик на мгновение почувствовал слабость. Неужели все кончится обломком кремня в его черепе, когда армия Дельпа победит ланнахов?

Неожиданно он вспомнил, как стоял на холодном черном побережье Даврнаха незадолго от отплытия и разговаривал с Сандрой... Может быть, в последний раз?

— Мне будет легче, когда нас победят, — сказал он тогда. — Для меня все окончится быстро. Но ты...

Она на это ответила ему гордым взглядом и спросила:

— Почему ты думаешь, что вы будете побеждены?

...Эрик поднял оружие. Воины, собравшиеся вокруг него, взъерошили перья и с шипением выкрикнули свой боевой клич.

Большинство из них составляли пехотинцы, воевавшие за Манненах; впрочем, на каждом судне находились многие, кого научили основам тактики битвы на Даврнахе. Во время всего путешествия на юг в поисках флота Ван Рийн и военачальники ланнахов шлифовали их искусство. «Вам нельзя присоединяться к нашим бойцам в воздухе», — говорили Толк и Трольвен. А Ван Рийн басил еще о каких-то Вооруженных Силах. «Вы должны оставаться на палубе и будете участвовать в захвате плотов. Весь наш план зависит от того, сколько плотов нам удастся перехватить или уничтожить. Помните, что те, кто будет наверху, прикроют вас». Диомеданский разум неохотно воспринимал эту стратегию. Эрик Вейс не был уверен в том, что она удержится в их головах хотя бы на час, и не оставят ли ланнахи его и толстяка Ван Рийна отрезанными на вражеской палубе, ринувшись в бессмысленное воздушное сражение. Но другого выхода не было, и приходилось сейчас доверять тому, что было сделано за время обучения.

Эрик побежал вперед. Нечеловеческий крик, вырвавшийся из груди атакующих, рвал барабанные перепонки в его ушах.

Перед ним захлопали крылья — это ломались шеренги ведомых инстинктом дракхонов,

непривычных к битве на суше. В течение веков любой диомеданец, находящийся в здравом уме, атакуя, старался оказаться над противником.

Вейс бросился по направлению к позиции, которую дракхоны занимали перед тем, как подняться в воздух.

Поднимаясь со своего плота, моряки пикировали на этого странного нелетающего противника. Кто-то из ланнахов забылся, взвился в воздух, и его немедленно ударили трое нападавших. Беспомощное тело ланнаха, словно марионетка, упало в воды океана. Дракхоны продолжали пикировать вниз.

Но внизу их встретил частокол копий, который словно лес, внезапно вырос над палубой. Многие из воинов бывшей пехоты ланнахов сохранили во время бегства из-под Манненаха свои плетеные щиты, и теперь вновь приняли черепахоподобный вид. Остальные отражали воздушную атаку — а тем временем лучники готовились к решительным действиям.

Эрик Вейс услышал, как раздался зловеющий свист, а мгновением позже пятьдесят дракхонов начали падать в воду.

В следующий миг перед ним вырос один из дракхонов, замахиваясь острым, как нож, трезубцем. Вейс прикрылся от удара щитом, который задрожал на его левом плече, парализовав мышцы. Пинок, нанесенный ногой в тяжелом сапоге, попал в твердый живот дракхона и на некоторое время перебил ему дыхание. Эрик тут же поднял топорик и ударил, услышав при этом тупой звук. Диомеданец отскочил в сторону, хватаясь за сломанное крыло.

Эрик направился дальше. Дракхоны, ошеломленные тактикой абордажной группы, толкались в воздухе вне досягаемости стрел.

Женщины дракхонов враждебно ворчали в двери форкастеля, расправив крылья, чтобы прикрыть детей. Но никто не обращал на них внимания — речь шла о том, чтобы захватить артиллерию плота.

Кто-то из находящихся в воздухе дракхонов угадал намерения атакующих.

Его ястребиный крик и бросок вниз закончился гибелью от стрел ланнахов, но уже через мгновение целая туча дракхонов оторвалась от висящей в воздухе массы нападающих и ринулась на носовую палубу, занимая позиции перед главной батареей баллист и огнеметов.

— Ага! — тут же загудел Ван Рийн. — Наконец-то они захотели немного размяться. Ну что ж, займемся этим! Доставим ребятам такое удовольствие!

И он слоновой трусцой ринулся вперед, выписывая над головой вензеля огромной дубиной. Камень, выпущенный из пращи, отскочил от его живота, другой зацепил щеку; стрелы из духовых ружей испещрили панцирь. Два крылатых ланнаха-телохранителя подсадили его вверх, так как голая стена носовой надстройки была без всякой лестницы. Через мгновение Ван Рийн уже находился среди защитников плота.

— Йа, майнтехдвай, — завыл он, разбивая голову ближайшему дракхону. Бог посылает неверным ночь! — следующий боевой клич торговца раздался тогда, когда он голыми руками схватил трезубец врага, который пытался поразить его им. — Фрам, фрам, Квистмен, Крозмен, Кепигмен! — завывал он, выбивая ритм битвы на ребрах трех воинов, которые попались ему под руку. Йа, йа, йа, — затрубил он, оборачиваясь, чтобы заняться крылатым существом, вцепившимся ему в спину. Результат немедленно сказался на шее нападавшего.

Вейс и ланнахи поспешили за Ван Рийном. Наступил перерыв в боевых криках. Слышался только стук ударов боевого оружия, шум толчков, хруст ломающихся костей от выпадов, наносимых крыльями и хвостами. Оборона дракхонов развалилась, Ван Рийн бросился к огнемету и принялся орудовать мехами.

— Направьте горловину! — продышал он с трудом. — Выметем их отсюда огнем, болваны!

Один из ланнахов, обрадовавшись, схватил керамическую горловину орудия, нажал деревянный рычаг зажигания и направил струю огня вверх.

На нижней палубе уже раздался грохот баллисты, пение катапульт и свист очередных огнеметов. Группа ланнахов с ледяного корабля смонтировала один из деревянных пулеметов и начала забрасывать остатки защитников плота градом снарядов.

Из носового помещения выбежала женщина и крикнула:

— Они убивают наших мужей! Мы должны помочь...

Ван Рийн спрыгнул с трехметровой высоты крыши носовой надстройки. В том месте, где он приземлился, доски прогнулись и застонали. Тяжело дыша и размахивая руками, он преградил путь обезумевшему существу и рывкнул на своем родном языке:

— Возвращайся! Немедленно убирайся обратно! Брысь отсюда! Вон!

Оставляешь детей без опеки? Что? Ты не знаешь? Да, я пожираю зараз с десятков маленьких дракхончиков! На завтрак с зеленым лучком!

Мгновенно женщина вскрикнула и отступила в носовое помещение. У Эрика от изумления пропал дар речи. Он весь истекал потом... Может быть, опасность и не была такой серьезной... теоретически толпа женщин могла быть перебита на глазах их детей... но кто бы совершил нечто подобное?

Наверняка не Эрик Вейс! Лучше уступить и по-рыцарски принять удар копьем.

Неожиданно он понял, что Флот захвачен.

Воздух был все еще настолько насыщен дымом, что Эрик плохо видел, что происходит в других местах. Тут и там возникали на мгновение какие-то образы: брошенный плот, пылающий таким огнем, что его невозможно было уже погасить; ледяной корабль, побитый, без мачты, без экипажа...

Другой корабль ланнахов, на борту которого сгрудилась очередная абордажная группа, штандарт одного из кланов ланнахов, победно развевающийся на чужой мачте...

Вейс не имел возможности оценить это морское сражение в целом — на скольких ледяных кораблях полностью уничтожены экипажи, сколько покинуто воинами, сколько вывели из строя контратаки дракхонов, а сколько еще дрейфовало вдалеке от врага. Сразу было известно, подумал он — Ван Рийн говорил об этом открыто Трольвену и Толку — что меньший, хуже обеспеченный, почти необученный флот ланнахов не имеет никаких шансов нанести сокрушающий удар Флоту. Исход этого сражения не решит обмен ударами камней из баллист или огня из огнеметов.

Эрик посмотрел вверх. Над мачтами и такелажем, куда не доставал дым, небо было удивительно чистое. Боевые отряды, кружащие то тут, то там, были так высоко, что снизу походили на стаю ласточек.

Только сейчас, спустя несколько минут, его неопытный глаз смог охватить всю картину боя.

Имея превосходство в силах над плотами дракхонов, армия Трольвена оказалась в меньшинстве, когда подошли силы Дельпа. С другой стороны, солдаты Дельпа летели много часов подряд к месту битвы, и сейчас им было трудно сражаться с отдохнувшими ланнахами. Понимая это, каждый из противников хотел использовать свое небольшое преимущество: Дельп решил прибегнуть к массовой атаке, а Трольвен предоставил решать исход сражения небольшим группам, каждое мгновение набрасывающимся на врага, кусавшим его, словно волки, нападающие на большого оленя, и тут же отскакивающим назад.

Ланнахи отступили, как только Дельп отдал приказ послать отряды на помощь плотам. Перегруппировав свои силы, Трольвен ударил в один из таких отрядов.

Бой, вспыхнувший под солнцем Полного Лета, не поддавался описанию.

Вейс погрузился в созерцание жуткого танца крылатой и неумолимой смерти.

Голос Ван Рийна вернул его, хотя и не без труда, к жалкой, бескрылой человеческой сущности.

— Проснись! Может быть тебе привиделось, что ты скалишь клыки и машешь крыльями? Ад и дьявольщина! Проснись! Возьмись за артиллерию, а я пойду отдам приказ рулевому. Ну! — Он гневно повернулся всем своим телом и с шумом и резвостью, напоминающий старинный локомотив, направился на корму.

Все попытки захватить плоты были отражены, и воины Дельпа отступили.

Ланнахи без лишних слов взяли за весла и направили захваченные плоты вперед.

Плот, на котором находился Вейс, тоже двинулся вперед. Но уже через несколько минут в просвете отогнанного ветром дыма перед ними возник корпус другого плота. Тотчас же с обоих бортов посыпался град стрел, а оба экипажа столкнулись в воздушном бою на полпути между плотами.

Вейс находился на своем месте, на носовой палубе, управляя огнем боевых машин, метавших камни, стрелы, бомбы; языки огня выбрасывались на несколько метров, бомбы после удара разбрасывали вокруг искры и обугленное дерево.

Он организовал группу воинов с ведрами для тушения пожаров от бомб, падавших с неприятельского судна.

Двухтонная глыба упала на одну из его новых катапульт, унося в ничто обслуживающих ее ланнахов. Те, что остались в живых, в ужасе завопили и начали в панике разбегаться, но Вейс быстро привел их в чувство и приказал занять места у других боевых машин. Он видел, как рвались паруса, повисали сломанные реи, кучи трупов вырастали на обоих плотам после каждого залпа.

И все время где-то в отдаленном уголке его сознания таилась мысль, почему хоть где-нибудь во Вселенной разумная жизнь не прекратит, наконец, уничтожение самой себя.

Ван Рийн не располагал таким экипажем, как какой-то доисторический адмирал Нельсон, чтобы выиграть сражение только за счет артиллерии. Он не хотел брать на абортдаж очередной плот, его маленький и неопытный отряд едва ли сумел бы захватить судно дракхонов, не говоря уже о том, чтобы управлять им. Однако он упрямо правил вперед, приказывая рулевому держать курс на сближение, сам тем временем прохаживаясь по палубам, поддерживая обессиленных ланнахов, сидящих на тяжелых веслах. А плот шел вперед сквозь огненную бурю, камень и живые тела, пока не оказался почти у борта вражеского плота.

Тотчас же заревели трубы дракхонов, весла ударили по воде и неприятельский плот резко отпрянул в сторону, покидая свое место в строю Флота, чтобы избежать столкновения.

Ван Рийн позволил им бежать. Возбравшись на главную палубу и воздев руки к небу, он заорал:

— Ага, испугались? Сучьи дети, испугались!

— Не понимаю, советник, — с уважением изрек Эрик. — У нас малочисленный и менее опытный экипаж. Они должны были остаться на курсе и атаковать нас. Они ведь могли запросто уничтожить нас, если бы мы не захотели покинуть плот.

— А! — махнул рукой Ван Рийн. — Видишь ли, мой юный и невинный приятель, у них на борту женщины и дети, а также много ценных инструментов и другого добра. У них вся жизнь связана с плотами. Они просто не могли отважиться рискнуть их целостностью; нам было бы легче поджечь, а может быть, даже и захватить его. Йа! Ад скорее покроется льдом, нежели кто-то разумом превзойдет Ван Рийна!

В небе сражение подходило к концу. Дельпу удалось собрать армию в один кулак и вывести в целостности на передовую позицию. Здесь дракхоны бросились в бой для защиты своих плотов. Теперь каждая абортдажная группа ланнахов, захватившая плот, внезапно оказывалась в меньшинстве и не имела другого выхода, как ретироваться с захваченного судна, бросая его, даже если это был их собственный ледяной корабль, и присоединяясь к Трольвену в небе.

Ланнахи были стойкими бойцами, но сейчас, казалось, не подтверждалась классическая формулировка, утверждающая, что армия, состоящая исключительно из воздушных сил, не опасна для хорошо защищенной единицы флота. Установив окончательно, кто владеет каждым из плотов, Дельп перегруппировал свои силы и значительную их часть повел вверх, чтобы связать боем усиленные эскадры Трольвена. Если бы им удалось разбить в небе ланнахов, располагая оставшимися у дракхонов плотами вместе с полным преимуществом в воздухе, можно было бы легко отвоевать утраченные плавсредства. Однако Трольвен не

сдался так легко. И в то время, как внизу разворачивалась морская битва, в небесах с новой силой завязались воздушные поединки. Но пока что не было видимого превосходства какой-либо стороны.

Так выглядела в общем картина в донесении Толка, которое он доставил час спустя. С моря рассмотреть можно было только, что обе воздушные армии разделились. Летающие воины кружили и пикировали ошеломляюще высоко над головами стоящих на плотках, как два больших скопления точек на фоне рыжеватых облаков. С обеих сторон доносились угрозы, проклятия и оскорбления, однако перестрелка не возобновлялась.

— Что это? — крикнул Эрик. — Что там происходит?

— Временное перемирие, — изрек Ван Рийн. Он поковырял пальцем в зубах, сплюнул и похлопал себя по животу. — Очевидно, ничего не получилось у них, и Толк послал к Дельпу какого-то свистуна со словами: «поболтаем».

Как видишь, Дельп согласился.

— Но... но ведь нельзя... Нельзя договариваться с врагом... с дракхонами... Это же чудовища!

Леденящий кровь в жилах рев ненависти пробежал по рядам уставших ланнахов на плоту.

— Нельзя разговаривать с такими зверями! — доказывал Эрик. — Их можно только убивать — третьего не дано! Или мы их, или они нас!

Ван Рийн покосился на него и пробурчал:

— Что это нашло на тебя, парень? Ты говоришь как заправский ланнах.

Эрик покраснел и ничего не ответил.

Ван Рийн продолжал:

— Думаю, что сейчас самое время сказать, что это перемирие было целью всего нашего сражения. Как ты думаешь, парень, а?

— Сомневаюсь, что мы когда-нибудь отважимся признать это, — пожал плечами Вейс.

— Нет, мой мальчик. Это не так. Думаю, что мы будем вынуждены пойти на это и даже сегодня. Нам остается только надежда на то, что скажем, они не нафаршируют нас красным перцем живьем. В конце концов Трольвен и Совет договорятся. Но эти, здесь на плотках — крепкие орешки. — Ван Рийн пожал плечами. — Да, настает время переговоров. До сих пор все шло гладко. Но вот момент, который ломает человеческие характеры. Йа! Сможешь ли ты пережить эти мгновения?

Глава 19

Около одной десятой всех плотов выбрались из общей кучи и сгруппировались в нескольких километрах от места сражения.

К ним присоединились те ледяные корабли, которые были еще исправны.

Их палубы были полны ожидавшими в напряжении воинами. Это были корабли, захваченные дракхонами.

Другие плоты либо уже догорали, либо были повреждены градом каменных снарядов настолько, что уже и не были похожи на корабли, либо полностью были разрушены к тому времени волнами моря Ахан. Воины покинули их. Между остовами кораблей плавало много лодок, разбитых, сломанных пополам, уничтоженных огнем, а иногда и абсолютно целых, но с мертвым экипажем.

Адмирал собрал офицеров Флота. В ходе Военного Совета выяснилось, что почти половина экипажа и кораблей уничтожена ланнахами. Множество плотов было повреждено так, что оказалось практически бесполезно. Если бы Флоту удалось выставить хотя бы половину своих обычных сил, это было бы для него большим счастьем.

Тем не менее, Флот располагал почти в три раза большим числом кораблей, чем ланнахи. Количество мужчин на обеих сторонах было более или менее одинаково, но, имея больше мест в трюмах, дракхоны имели значительно большее число женщин. Кроме того,

корабли-плоты дракхонов были более надежны, чем ледяные корабли ланнахов, у них были лучшие экипажи, чем на захваченных плотках.

Короче говоря, дракхоны имели преимущество.

Помогая Ван Рийну перейти на захваченную лодку, Толк зловеще ухмыльнулся.

— На твоём месте, землянин, я не снимал бы доспехов, — сказал он. Когда перемирие закончится, их снова придется одеть.

— Ах... — Торговец потянулся, надул живот и рухнул на сидение. — Ну, а если перемирие не будет нарушено? Тогда получится, что я должен буду носить этот проклятый корсет зря...

— Я заметил, — вставил Вейс, — что ни вы, ни Трольвен не носите оружия.

Вождь ланнахов нервно погладил свою цвета красного дерева шерсть.

— Это для подчеркивания гордости Стада, — буркнул он. — Эти скоты не имеют права думать, что мы их боимся.

Лодка мгновенно отошла от плота, влекомая силой весел, приводимых в движение мускулами команды, и быстро понеслась по темно-оранжевым водам.

Над ними кружились, пикируя, остатки примирившихся с дракхонами ланнахов, демонстрируя фигуры высшего пилотажа с тем, чтобы покрасоваться перед своими вождями. Их было около сотни, и только сейчас Вейс оценил, как это мало.

— Не думаю, что они пойдут на какие-нибудь длительные переговоры, сказал Трольвен. — До сих пор это никому не удавалось. Они все понимают несколько иначе.

— Воины Флота — это такие же существа, как и вы! — загремел Ван Рийн.

— Вам нужно было бы иметь больше братских чувств. Надеюсь, сегодня вы поняли, что им вполне можно дать по башке! И без всяких каких-то там расовых предрассудков!

— Такие, как мы? — возмутился Трольвен. Его глаза заблестели желтым огнем. — Слушай, землянин...

— погоди, погоди, — остановил его Ван Рийн. — Я как-то не подумал, что у них нет периода размножения. Да, в этом есть принципиальное различие. Ну и ладно. Я должен подумать над этим. Сядь и заткнись!

Ветер играл волнами и лениво натягивал такелаж. Сквозь тянущиеся за ветром вереницы облаков солнце слало длинные, медленные лучи, которые танцевали огненными пятнами по морю. Воздух был холодным, влажным и пах солью. «Нелегко умирать в такой час, — подумал Эрик Вейс. — Однако еще труднее оставить Сандру, которая все больше слабеет под ледяными ветрами Даврнаха. Молись за меня, любимая, пока ждешь встречи со мной. Молись за мою душу...»

— Оставим личные чувства, — сказал Толк. — Но что-то, однако, есть в словах вождя. Дело в том, как мы чужды дракхонам, так и они чужды нам. А чем мы чужды? Своими мыслями, своим образом мыслей? Я не собираюсь прикидываться, что понимаю все твои намерения, землянин. Да, я считаю тебя другом ланнахов, но у нас так мало общего, признайся. Я доверяю тебе только потому, что хорошо понимаю главный мотив твоих поступков — желание сохранить свою жизнь. Даже если я не вполне понимаю ход твоих мыслей, но могу допустить, что поведение это вызвано добрыми замыслами. В свою очередь, — продолжал он, — дракхоны для меня тайна. Как им можно доверять?

Допустим, что будет достигнута мирная договоренность. Откуда мне знать, что они будут придерживаться ее? Может быть, у них нет вообще такого понятия, как «честь»? Точно так же как они не имеют никакого понятия о сексе! Либо, даже если они захотят поддержать договор, то можно ли быть уверенным, что слова договора будут иметь для них такое же значение, как и для нас? Как герольд, знаток языков, я встретил много непонимания между разноязычными племенами. А о чем говорить, когда два племени имеют вообще разные инстинкты? Сомневаюсь также, — продолжал он, — можем ли мы даже доверять самим себе? Сможем ли мы придерживаться данных нами же обязательств? Хотя, если разобраться, мы не питаем ненависти ни к кому, даже к врагу, с которым воюем. Но ненавидим мошенничество, издевательства, вранье. Мы не сможем жить с сознанием того,

что помирились с существами, которых даже боги презрели!

Он вздохнул и печально уставился перед собой, разглядывая приближающиеся плоты. Вейс пожал плечами.

— Когда тебе пришло в голову, что они мыслят не так, как вы?

— При чем это, — изрек Толк. — Разве здесь есть какие-то сомнения?

Это еще одно бревно на пути развития торговли между нами.

«Лично я, — подумал Эрик, — удовлетворился бы и временным соглашением. Пускай только хоть на время согласятся рассмотреть разницу мнений и взглядов, на время, необходимое, чтобы известие достигло базы. А потом пусть хоть режут друг друга, мне не будет до этого никакого дела».

Он посмотрел вокруг себя, на крылатые фигуры, задумался над смыслом мира и войны, хаоса и триумфа — и над минутным единением этих существ в общем смехе и пении. Он подумал о практичном Трольвене, о мудром Толке, подумал о деловом и гордом Дельпе и его жене Родонис, которая была даже большей дамой, чем многие знакомые ему земные женщины. А эти маленькие, заросшие перьями дети, купающиеся в пыли и так любящие взбираться на колени...

«Нет, я не прав, — подумал он. — Необходимость окончательного завершения этой войны имеет для меня огромное значение».

Лодка проскочила между высокими бортами плотов. Сверху на них смотрели дракхоны, смотрели молча и, как показалось Эрику, без всякого интереса.

То там, то здесь кто-то из них плевал в воду. Стояла глубокая тишина.

Перед ними замаячил корпус флагмана. На мачтах были подняты вымпела, и отряд гвардии в ярких мундирах образовывал кольцо вокруг главной палубы.

Адмирал Теонакс ожидал перед входом в деревянный дворец, развалившись на мехам и подушках. Сбоку стоял капитан Дельп в порванном и обгоревшем боевом снаряжении.

На плоту царила тишина. Когда лодка остановилась и причалила к корме, Трольвен, Толк и воины охраны ланнахов почти сразу же перелетели на палубу. А через пару минут, вскарабкавшись и тяжело дыша, и земляне вступили на плот дракхонов.

Ван Рийн оглянулся вокруг:

— Что за гостеприимство! — заверещал он на языке дракхонов. — Даже трапа не бросили вниз! Я вынужден преждевременно впихивать свои старые уставшие кости в гроб, и все из-за вас! Это же невыносимо — влезть в такое корыто! О, господи! Какое бремя я взвалил на себя, тяжелое и неблагодарное! Иногда я думаю, а не плюнуть ли на все и уйти на покой? Но что станет тогда с Галактикой? Будете жалеть, но будет уже поздно...

Теонакс иронично посмотрел на него:

— Среди множества гостей Флота ты не отличаешься хорошими манерами, землянин. У меня большой долг перед тобой. И я не забуду заплатить его.

Ван Рийн двинулся по доскам палубы к Дельпу, протягивая руки.

— Значит, наша разведка была правильной: это твоя работа? — загудел он. — Хотя я мог бы и сам догадаться. Никто во всем Флоте, за исключением тебя, не имеет и грамма мозга в голове. Я, Николас Ван Рийн, выражаю тебе всяческое уважение.

Теонакс замер, а его советники послушно приняли позу возмущения таким поведением землянина.

Дельп мгновение колебался. Потом взял руку Ван Рийна в свою и вполне по-земному пожал ее.

— Путеводная Звезда свидетель, как я рад вновь видеть твое толстое и хитрое лицо, — сказал он. — Ты знаешь, чего стоил мне твой поступок... И если бы не моя жена...

— В интересах дела не должно быть свидетелей, — весело заметил Ван Рийн.

— Ах, да, добрая госпожа Родонис. Как она чувствует себя? Как дети?

Помнят ли они дядюшку Ника и его сказки, которые я им рассказывал на ночь?.. Ну, например, о...

— Если можно перебить тебя, землянин, — произнес Теонакс с изысканной

вежливостью, — давай перейдем, с твоего позволения, к делу. Кто будет переводить? Ах, да! Я помню тебя, герольд.

Он недоверчиво посмотрел на ланнаха.

— Смотри же, сообщи своему господину, что согласие на эти переговоры выразил мой Главнокомандующий Дельп хир Орикан. Он не спрашивал моего позволения на эту встречу и не выслал вестника, чтобы испросить его. Если бы я узнал об этом вовремя, ни за что не согласился бы на это. Я прикажу обстругать доски в том месте, где по ним ступали эти разбойники. Но поскольку Флот связан словом чести, послам ничего не грозит. Кстати, в вашем языке есть понятие «честь»? Я выслушаю, что ваш вождь готов сообщить нам.

Толк кивнул и перевел сказанное на язык ланнахов. Трольвен напрягся, и в его глазах вспыхнули молнии.

Стражники ланнахов гневно заворчали, схватив рукоятки оружия.

Дельп неловко переступил с ноги на ногу, а некоторые капитаны Теонакса сконфуженно отвернулись.

— Скажи ему, — изрек сурово Трольвен, — что мы позволим Флоту покинуть море Ахан, если это будет сделано тотчас же. Конечно, потребуются заложники.

Толк перевел.

Теонакс оскалил зубы и засмеялся.

— Сидят, понимаешь ли, там, на жалкой кучке плотов и еще осмеливаются командовать!

Его фавориты захихикали. Капитаны же Флота, его советники, сохранили достоинство.

Дельп выступил вперед и произнес:

— Адмирал знает, что я вдоволь испил чашу этой войны. Этими руками, крыльями и хвостом убил многих воинов врага. Этими зубами выпускал кровь неприятелю. Тем не менее я говорю сейчас: давайте хотя бы выслушаем их.

— Что? — глаза Теонакса округлились от удивления. — Я надеюсь, что это только шутка!

Ван Рийн сделал шаг вперед.

— У меня нет времени на препирательства! — загудел он. — Послушай меня, а я изложу это самыми простыми словами и даже ребенок поймет, что я хотел сказать и сможет объяснить тебе это. Посмотри туда! — Он махнул рукой в море. — Там плоты. Может быть, их не так много, но думаю, что достаточно. Или вы с ними договоритесь, или будете воевать дальше. Если будет заключен мир, то через некоторое время и вы будете иметь столько же плотов. Вот так! Вбей это в свою башку и подумай!

Вейс кивнул головой. Хорошо. Очень хорошо. Тот плот дракхонов почему он ускользнул от его корабля с экипажем, набранным из одних сухопутных крыс? Дракхоны могли метать стрелы на более далекое расстояние, либо сражаться в одиночку в воздухе. Однако они не хотели рисковать, пуская противника на палубу, ведь эти сумасшедшие дьяволы, ланнахи, могли запросто поджечь плот. А плот был домом, крепостью и местом жительства обитание на плоту было единственным образом жизни, известным культуре дракхонов. Если большинство плотов будет уничтожено, исчезнет возможность рыболовства — основного источника продуктов питания. Это же так просто!

— Мы утопим вас! — заверещал Теонакс. Он вскочил со своего места, захлопал крыльями, его гребень скривился, а хвост стал прямым, как стальной прут. — Утопим весь ваш помет!

— Может быть, и так, — кивнул Ван Рийн. — Но разве этого нам нужно опасаться? Если мы сейчас сдадимся, то и так все погибнем. Но если мы отправимся в ад, а ваших заберем с собой как можно больше, чтобы чистить там наши сапоги и подавать холодные напитки, то это будет только к лучшему, не так ли, адмирал?

Выступил Дельп, и в глазах его светилась тоска.

— Мы приплыли в Ахан не из желания убивать. Нас сюда привел голод. Вы не позволили нам ловить рыбу, ту, которая вам не нужна. Правда, мы заняли также немного

ваших земель, но нам ведь нужен доступ к воде. В этом мы не можем уступить!

Ван Рийн пожал плечами.

— Есть и другие моря. Мы можем позволить вам пару раз забросить сеть, но потом вы должны уйти.

Отозвался один из капитанов Флота:

— Господин уловил суть дела, — медленно сказал он. — Это, может быть, путь к решению... В конце концов, море Ахан имеет не столь большое значение, а для ланнахов оно не существует вообще. Конечно, мы вынуждены будем заселить побережье и занять некоторые острова, которые будут источником дерева, камня и так далее. И, конечно же, нам понадобится порт в заливе Сагна для спасательных и ремонтных работ. Эти требования касаются обороны и самообеспечения, а не проблемы выживания, как например, доступ к воде. Поэтому, может...

— Нет! — крикнул Теонакс. Точнее сказать, завыл. Все замолкли, как громом пораженные. Адмирал минуту тяжело дышал, а потом обратился к Толку:

— Скажи своему... вождю, — он выдавливал из себя каждое слово, — что как высшая власть, я отказываю вам. Мы сумеем уничтожить ваши силы при самых небольших наших потерях. Я не вижу повода, чтобы уступать вам. Мы можем позволить вам занять вершины Ланнаха. Это наибольшая уступка, на которую вы можете рассчитывать.

— Невозможно! — взорвался герольд. И тотчас же быстро перевел слова Трольвену, который напряг хребет и даже клацнул зубами от гнева.

— Горы нас не удовлетворяют, — объяснил Толк немного спокойнее. — Мы объели их до голой земли, и это ни для кого не тайна. Мы должны иметь низины. И наверняка не отдадим вам ни пяди земли, с которой позднее вы смогли бы атаковать нас.

— Если вам кажется, что вы можете победить нас, не неся при этом катастрофических потерь, то можете попробовать! — крикнул Эрик Вейс.

— Уверен, что сможем! — взорвался Теонакс. — Мы сделаем это!

— Мой господин!.. — Дельп заколебался и на мгновение прикрыл глаза. Адмирал, — произнес он через мгновение абсолютно нейтральным голосом. Эта последняя битва наверняка означала бы конец нашего народа. То небольшое количество плотов, которое уцелело бы, стало бы добычей первой же банды пиратов с островов, которые встретятся нам, без сомнения, сразу же после битвы. Дурные вести разносятся быстро.

— Но уход в океан тоже наверняка погубит нас, — Теонакс немного успокоился. — Разве что мы сможем переправить рыбу и сладкие водоросли из моря Ахан на широкую воду.

— Это правда, мой господин, — произнес Дельп.

Он повернулся и посмотрел Трольвену в глаза. Оба смотрели друг на друга спокойно, и во взгляде каждого читалось уважение к сопернику.

— Герольд! — произнес наконец Дельп. — Скажи так своему вождю: мы не покинем море Ахан. Мы не можем сделать это. Если вы будете продолжать настаивать на этом, мы вынуждены будем сражаться в надежде, что нам удастся уничтожить вас, не понеся особенно больших потерь. У нас нет выбора. Но мы могли бы, — продолжал он, — отказаться от намерения захватить как Ланнах, так и Хольменах. Можете парить на суше. Мы будем обменивать нашу рыбу, соль, дары моря, изделия ремесел на ваш камень, мясо, дерево, сукно и масло.

— А может быть, — вмешался Ван Рийн, — случаем, придет вам в голову и такая мысль: если дракхоны не будут иметь постоянной суши, а ланнахи судов, то им будет немного сложнее воевать между собой, не так ли? После нескольких лет такой торговли и взаимного обогащения настанет момент, когда они начнут зависеть друг от друга и вот тогда-то война будет уже немыслима. И если вы сейчас быстро обо всем договоритесь, то вскоре у вас появятся дополнительные хлопоты, пока не прилетит Николас Ван Рийн с Земли с товарищами и все утрясет. У меня, скажу вам, цены такие низкие, что их можно считать подарком от святого Николая!

— Заткнись! — взревел Теонакс.

Он схватил за крыло командира стражи и показал на Дельпа.

— Арестовать этого преступника!

— Мой господин!.. — Дельп отошел назад.

Стража заколебалась.

Воины Дельпа окружили своего капитана, принимая боевую стойку. Среди солдат, столпившихся на нижней палубе, пробежал шумок.

— Путеводная Звезда свидетель, — произнес Дельп, — что я только предложил это... мой адмирал имеет, конечно, последнее слово...

— И это слово — «нет»! — вскричал Теонакс, снова жестом приказывая страже взять под арест Дельпа. — Как Адмирал и как Глава дракхонов, я не согласен. Не может быть никаких договоров между Флотом и этими... этими никчемными грязными... животными! — Он опьянел от душившей его ярости. Над головой он поднял свои руки и растопырил пальцы, словно когти.

В шеренгах дракхонов усилился шум. Капитаны все еще оставались возлежать, сохраняя спокойствие, только в глазах их появилась угроза.

Ланнахи, которые не понимали слов, но почувствовали тон ответа, сгруппировались в группку и сильнее сжали оружие.

Толк быстро перевел ответ приглушенным голосом. Когда он закончил, Трольвен вздохнул:

— К сожалению, должен признать, — начал он, — если хорошо взвесить слова этого сукиного сына, то он прав. Разве можно в самом деле думать, что две расы, две такие чужие расы, как наши, могут жить в мире друг возле друга? Искушение сорвать договоренность чересчур сильно. Они могут опустошить наши земли в то время, когда мы путешествуем на юг. Они могут вновь занять наши города... а мы, в свою очередь, можем когда-нибудь вернуться на север с союзниками, нанятыми среди пиратов... среди всякого сброда только за то, что пообещаем им добычу, отнятую у дракхонов. Пройдет лет пять и мы так или иначе вновь будем хватать друг друга за горло.

Поэтому лучше закончить сейчас. Пусть боги решат, кто прав, а кто не заслуживает права на жизнь.

И он, с учетом ситуации, напряг мускулы, чтобы броситься в бой, если бы в этот момент Теонакс решил нарушить перемирие.

Ван Рийн поднял руки и заговорил. Его голос загудел, как колокол размером, по крайней мере, с плот Адмирала. И стрелы, уже вложенные в тетивы, вернулись назад, в колчаны.

— Остановитесь! Подождите, черт вас побери, одну минуту! Я еще не все сказал вам, дураки!

Он кивнул в сторону Дельпа.

— У тебя в голове есть кое-что, парень. Может быть, среди вас есть еще кто-нибудь, у кого в голове имеются мозги, а не остатки заплесневелого чая, который продает конкурирующая со мной фирма? А если это так, то я должен сказать вам нечто важное. Я говорю на языке дракхонов, а ты, переводчик, побыстрее переводи, если желаешь остаться в живых. Этого еще на вашей планете никто никогда не слышал. Я говорю вам, дракхоны и ланнахи — вы не чужие друг другу! Вы принадлежите к одной и той же расе, одинаковы и абсолютно равны по своей тупости!

У Эрика перехватило дыхание.

— Что? — прошептал он на английском языке. — Но цикл их воспроизводства...

— Убейте этого толстого червяка! — крикнул Теонакс.

Ван Рийн нетерпеливо отмахнулся от него и заорал с новой силой:

— Заткнись, идиот! Сейчас говорю я! Пусть оба народа сядут и выслушают то, что скажет им Николас Ван Рийн.

Глава 20

Эволюция разума на Диомеде остается еще в сфере предположений: не было времени до сих пор копать в земле в поисках каких-то там окаменелостей. Однако, на основании биологических законов развития, а также известных общих принципов развития разумных существ, можно дедуктивным способом проследить путь развития вашей цивилизации в течение прошедших тысячелетий.

Районы, лежащие вблизи экватора, не знали длинных дней и ночей, которые так характерны для других географических широт; во время Равноночия солнце бежит по небу шесть часов и заходит на остальные шесть часов. Во время зимнего Солнцестояния наступает сумрак, а солнце находится либо едва над горизонтом, либо вообще не появляется. На Диомеде это создало идеальные условия для развития жизни. Среди разновидностей существ, живших в прошедших эпохах, нашлось одно: хищник, обитавший на деревьях. Как земная белка летяга, это существо отрастило себе перепонки, на которых перелетало с дерева на дерево.

Однако планета, имея небольшую плотность ядра, не обладала постоянной формой. Континенты поднимались из моря и погружались в воды океана в течение всего каких-то сотен или, может быть, тысяч лет. Воздушные и океанские течения соответственно меняли свои направления. Здесь надо отметить, что в связи с сильным наклоном оси планеты и наличием большой массы свободной океанской воды диомеданские течения переносят больше тепла или холода, чем земные течения.

Вследствие этого в какой-то момент времени, когда — сейчас это не существенно, на равнинах произошли резкие климатические изменения. Леса исчезли, оставшиеся кое-где рощицы были разделены обширными сухими степями. И псевдолетуны вынуждены были отрастить себе настоящие крылья, чтобы перелетать из одного леса в другой. Приспособившись к изменившимся условиям, они начали охотиться на новых травоядных существ, которые появились в степях. Чтобы справиться с копытными, они стали крупнее и сильнее. Однако вместе с этим потребовалось и больше пищи для столь крупного тела, и поэтому они стали селиться везде, где можно было добыть много еды: на побережьях, в горах, на болотах, на равнинах. Благодаря своей подвижности они все же сохраняли однородность расы, не разделяясь на несколько видов. Тем самым, отдельный индивид мог выжить в разных средах обитания в течение всей своей жизни, а это, в свою очередь, способствовало тому, чтобы не дать угаснуть искре разума.

На этом этапе, по какой-то непонятной причине, раса, вернее, часть ее, та часть, которая должна была занять главенствующее место, не родилась. Скорее всего, из-за геологических изменений континент, на котором она жила, был разломан и образовался ряд небольших островов, которые были не в состоянии прокормить большое количество этих существ. А может быть, это не были геологические катаклизмы, а к примеру, длительная засуха, кто знает... Как бы то ни было, началась миграция расы от экватора на север и юг. Там были лучшие земли, лучшие условия для охоты, но там был холод, который стал убивать их. И при наступлении очередной зимы они вынуждены были откатываться в тропики, чтобы выждать, пока на родине не наступит весна. Это не было инстинктивным действием, как у земных перелетных птиц. Существа были уже настолько разумны, что уже не руководствовались исключительно инстинктом; были и приобретенные навыки.

Изобретенные орудия труда еще больше способствовали развитию разума.

Однако ценой разума является значительное увеличение длительности детства по отношению ко всей продолжительности жизни. Гены не могут передавать знания, и каждое новое поколение должно усваивать их заново, а для этого нужно время. Из-за этого ни один вид не станет разумным, пока он сам, либо среда, в которой он обитает, не создаст условий, способствующих тому, чтобы родители могли сохранить и обучить молодых в этот удлинённый период младенчества и неосознанного детства. Любовь матери в этом случае недостаточна; мать и так достаточно занята тем, чтобы следить за детьми, которые из-за

своего чрезмерного любопытства могут причинить себе вред.

Кроме того, она занята поисками пищи и ведением, пусть это и звучит смешно, домашнего хозяйства. Здесь должен помогать отец, иначе, что ж еще должно удерживать отца в семье, когда исчезает сексуальное влечение?

Инстинкт? Например, у некоторых птиц оба родителя воспитывают птенцов. Однако для разумных существ инстинкт не может быть единственным мотивом поведения. Отец должен иметь соответствующий эгоистический повод для того, чтобы остаться в семье, поскольку имеет уже столько сознания, что уже способен на этот самый эгоизм.

В случае с человеком дело было совсем просто: постоянное половое влечение. Отсюда возникла семья, а затем и возможность продления времени детства.

В случае диомеданцев это была миграция. Каждое племя каждый год пускалось в длинную и опасную дорогу. Лучше всего было путешествовать вместе, организованно. В конце такого путешествия к тропикам стаи распадались, существа занимались продолжением рода, но это не могло продолжаться длительное время, так как небольшие лесистые острова не могли обеспечить пришельцев достаточным количеством пищи.

Это примитивное ежегодное группирование, не вызванное слепым инстинктом, а представляющее плод сознательного решения, привело к возникновению многочисленных постоянных связей. Группы враждующие стали группами сотрудничающими. Только теперь суровые условия длительных перелетов привели к тому, что тела самцов и самок видоизменились. Одно было приспособлено к сражению, другое — к ношению тяжестей. А отсюда же и выгода к поддержанию партнерства обоих полов в течение всего года.

Семьи на Диомеде чаще всего представляли собой целые кланы, происходящие от одной матери. В условиях долговременной беременности, продолжительного детства, постоянных изменений геологических и погодных условий, борьбы за сексуальных партнеров каждую зимовку в тропиках с чужими группами, семейные кланы имели все условия для того, чтобы не дать угаснуть в себе искре разума.

В соответствии с этим сформировался язык, возникли новые инструменты, семьи стали поддерживать огонь и образовалось то бесформенное и неуловимое нечто, которое называется культурой. Хотя диомеданец не имел никакого врожденного инстинкта поведения, он старался поступать так, как требовала сама жизнь. Так было легче всего. Здесь можно провести параллель с родом человеческим, которому вовсе не приказывает инстинкт удовлетворять сексуальное влечение только через супружество, хотя почти все земные народы поступают именно так. У землян возник своего рода инстинкт разума семья. А у диомеданцев — инстинкт полета на юг для размножения. Но это не означает, что так обязательно должно быть!

Если где-то возникает временной цикл размножения, то он всегда регулируется каким-то простым, доступным механизмом. Например, для множества видов земных птиц период сексуальной активности вызывается увеличением продолжительности весеннего дня. Тепло и солнечный свет включают гормональные процессы, которые активизируют спящие половые органы. На Диомеде такое было невозможно, слишком большая разница в световом цикле в зависимости от географической широты. Однако, когда первобытный диомеданец начал мигрировать и из-за этого мог размножаться только в определенную пору года, поскольку дети должны были выжить, процесс эволюции вынудил его к упорядочению размножения.

Охотник по своей сути, иногда употребляющий растительную пищу орехи, фрукты и дикорастущее зерно — диомеданец работал урывками. Миграция требовала усилий, напряжения на длительный период времени; по крайней мере, сотни или тысячи поколений пережило формирование необходимых мускулов крыльев, не говоря уже о времени, необходимом для дальнейшего приспособления.

Такие усилия стимулировали некоторые железы, которые, включая гормональную систему, окончательно пробуждали половые органы. Исключение составляли кормящие матери, у которых молочные железы выделяли вещество, ослабляющее половое влечение. Во

время перелета концентрация полового влечения нарастала, поскольку не было ни сил, ни времени, которые можно было бы посвятить на его растрачивание.

Уже в тропиках отдохнувший и оживший диомеданец наверстывал все, чего был лишен в течение года. Наверстывал так тщательно, что обратная дорога не оказывала существенного влияния на обессиленные органы.

Временами, я не берусь сказать более определенно, он мог осуществить тягу к существу противоположного пола также на родине. Подавлялось это чувство так же сурово, как человек подавляет тягу к кровосмешению, и этому была причина: ребенок, рожденный до перелета, был обречен на смерть так же, как и его мать. Не то, чтобы средний диомеданец понимал такое сознательно — он просто одобрял запрет, из которого возникла религия и даже этическая система.

Тем не менее, несомненно, слабое, продолжающееся весь год половое влечение было вначале подсознательной причиной для образования кланов и племен..

Когда путешествующий диомеданец наталкивался на племя, которое не соблюдало его самое страшное табу, он чувствовал физический страх.

Племя дракхонов является одним из многих племен, которые не испытывали необходимости миграции. Они начали искать источники питания в море, а не только на суше. Через много веков они усовершенствовали свои лодки в корабли с парусами и стали жить на них.

Это произошло скорее с целью обеспечения безопасности, чем для поисков пищи. Это давало приют, где можно было постоянно жить. Давало возможность строительства и применения сложных инструментов, сбора и накопления знаний, давало возможность вести дискуссии о разных проблемах; короче говоря, давало свободу, которой не обладала ни одна из путешествующих рас, разве что в весьма ограниченной степени. Но если говорить о негативной стороне такого образа жизни, это был тяжелый труд под гнетом сформировавшегося класса аристократии.

Отсутствие необходимости тяжелых перелетов у этих народов привело к тому, что табу на половое влечение стало постепенно ослабевать. Теплые каюты и запасы еды, которой обеспечивало море, еще более усилили этот эффект. В конечном итоге возникла такая ситуация, когда племена перестали зависеть от времени года. Тем самым моряки сформировали систему супружества и воспитания детей, похожую на человеческую; не чуждо им было даже понятие «романтической любви».

Моряки стали считать представителей путешествующих рас бесстыдными, а те отвечали им тем же.

Мало того, прошло время, и уже ни одна из культур не была в состоянии представить себе, что та, другая, принадлежит к той же расе, что и она..

Ну так как, можно доверять представителям совершенно чужой расы?

Глава 21

— Это о причинах вашей глупой разницы в убеждениях по поводу возникновения этой бессмысленной войны, — заключил Ван Рийн. — Но сейчас мы оставим это и перейдем к тому, чтобы трезво и мирно обсудить создавшееся положение.

Конечно, его гипотеза грешила неточностями. Он намеренно ограничился простейшими, многократно повторяющимися формулировками, рисуя одно, по его мнению, трезвое объяснение хорошо известных различий в вопросах размножения.

Ван Рийн потерял руки и захохотал, нарушая напряженную тишину.

— Ну как? Вот подкинул я вам изюминку, а? Думаю, что никто другой не смог бы сделать такого! Конечно, еще долгое время вы будете считать, что те, другие, в этих делах ведут себя неестественно. Будете сами о себе друг другу рассказывать сальные анекдоты... Кстати, я знаю несколько таких, которые можно было бы легко перевести на ваши языки. Но вы всегда будете помнить, что принадлежите к одной расе. Мог бы каждый из вас быть

примерным гражданином другого народа? На это пока что трудно ответить.

Может быть, когда-нибудь, когда пройдет достаточно времени, вы сможете сблизить свои обычаи. Почему бы вам немного не поэкспериментировать? Нет, нет, я вижу, что эта мысль пришла к вам не по вкусу, значит, я больше ничего не скажу.

Он скрестил руки на груди и стал ждать; крупный, заросший, ободранный, покрытый заскорузлой, многодневной грязью человек.

На скрипящих досках палубы, под красным солнцем и дуновением слабого бриза десятки крылатых воинов и капитанов дрожали перед лицом невообразимых вещей, которые они только что услышали.

В конце концов первым подал голос Дельп. Он заговорил медленно, глубоким голосом, словно боясь нарушить эту нависшую тишину.

— Да. Похоже, то, что ты сказал, землянин, имеет смысл. Я могу поверить в это...

После минутного молчания он склонил голову в направлении неподвижного как скала Теонакса.

— Мой господин, — сказал он, — это меняет дело. Считаю, что мы могли бы договориться... Они получают всю землю, а мы будем владеть морем Ахан.

Сейчас, когда мы узнали, что они не дьяволы, не звери... Обычные гарантии, договоренность, обмен послами обеспечат продолжительность и надежность договора.

Толк заговорил шепотом на ухо Трольвену. Командир ланнахов кивнул головой.

— Да, я считаю так же, — сказал он.

— Удастся ли нам убедить Совет и кланы, господин? — спросил Толк.

— Герольд, если мы принесем выгодный договор, Совет объявит нас богами!

Толк перевел взгляд на Теонакса, который возлежал без движения посреди дворца. Поседевшая шкура съежилась на гребне герольда.

— Сначала мы должны целыми вернуться в Совет, командир, — прошептал он. Теонакс поднялся.

Его крылья затрепетали в воздухе, издавая треск, словно ломались кости под ударами топора. На его морде появилась гримаса, зубы оскалились и сверкнули хищным блеском.

— Достаточно! — рявкнул он. — Мы должны закончить этот фарс!

Трольвену и эскورتу ланнахов не потребовалось перевода. Схватив рукоятки оружия, они мгновенно образовали защитный круг. Их челюсти инстинктивно захлопнулись, словно куснули воздух.

— Мой господин! — Дельп вскочил на ноги.

— Успокойся! — заскрежетал Теонакс. — Ты уже сказал достаточно. — Он посмотрел по сторонам. — Капитаны Флота, слушайте все, как Дельп хир Орикан предлагает заключить договор с существами более хитрыми, чем дикие хоры! Запомните это!

— Но, господин... — Один из старших офицеров поднялся с места, поднимая руки вверх в знак протеста. — Адмирал, мой господин, здесь же сейчас доказали, что они не звери... только другая...

— Допуская даже, что землянин сказал правду, что вообще вряд ли возможно, ну и что с того? — Теонакс насмешливо посмотрел на Ван Рийна. Тем хуже! Известно, что дикие хоры не могут справиться со своими инстинктами, тогда как эти ланнахи ведут себя неприлично по своей собственной воле. И вы позволите им жить? Могли бы... могли бы торговать с ними... жить в их городах... Может быть, вы уже готовы отдавать своих дочерей им на поругание?

Капитаны посмотрели друг на друга. Это было словно немой стон. Только Дельп решился заговорить вновь:

— Прошу покорно, чтобы адмирал вспомнил об отсутствии выбора. Если мы будем воевать с ними до конца, то он может стать и нашим концом.

— Вздор! — взревел Теонакс. — Ты просто боишься их, или они тебя подкупили!

Толк все шепотом переводил Трольвену. Эрик Вейс с горечью слушал, что Командующий отвечал герольду.

— Если он придерживается такого решения, то, естественно, о договоре не может быть и речи, — говорил Трольвен. — Если бы мы даже договорились, он потом пожертвует своими послами, а о нашей судьбе даже не удосужится вспомнить. Когда он соберется с силами, то сразу же вновь возобновит войну... Да, это скорее всего. Улетим, пока он первым не прервал перемирие!

Да, это так, подумал Эрик. Мир на этом закончится. Он погибнет под градом камней, а Сандра умрет в стане охотников. Во всяком случае, мы сделаем попытку...

Он напрягся. Возможно, Адмирал не позволит им вернуться...

Дельп огляделся, заглядывая то в одно, то в другое лицо.

— Капитаны Флота! — закричал он. — Прошу вас подумать! Умоляю вас, объясните Адмиралу, что...

— Если кто-либо промолвит хотя бы одно предательское слово, он потеряет крылья! — крикнул Теонакс. — Может быть, кто-то желает моей отставки?

Это было смелое заявление, подумал Эрик Вейс. Поставить все на карту.

Конечно же, этому лису удастся это. В этом кастовом обществе никто не может поставить под сомнение его абсолютную власть, даже отважный Дельп.

Капитаны могут колебаться, но никогда не нарушат традиции.

Тишина стояла поразительная.

Нарушил ее Николас Ван Рийн сочными земными словами. Все вздрогнули.

Теонакс присел на задних конечностях, на минуту напомним кота с крыльями летучей мыши.

— Что? — взорвался он.

— Ты что, глухой? — вежливо поинтересовался Ван Рийн. — Не знал, что ты тут на ухо. Повторяю... — И он повторил всю тираду, дополнив ее несколькими новыми словами.

— Что это означает?

— Это земные выражения, — ухмыльнулся Ван Рийн. — Не знаю, смогу ли я точно перевести на ваш язык... Это означает, что ты...

Эрик Вейс не думал, что толстяк так хорошо знает язык дракхонов. Это были самые изощренные ругательства, какие он когда-либо слышал.

У капитанов перехватило дыхание. Некоторые инстинктивно схватились за оружие. Стража дракхонов на верхней палубе натянула луки.

— Убейте его! — закричал Теонакс, тыча пальцем в Ван Рийна.

— Нет! — Бас купца взорвался в ушах, и этот звук парализовал дракхонов. — Я парламентар! Пусть хоть волос упадет с наших голов, и Путеводная Звезда утопит вас в кипящих водах ада!

Это удержало дракхонов.

Теонакс не повторил приказа.

Стражники отпрянули и замерли на местах, а офицеры были напряжены и не могли произнести ни слова.

— Хочу вам еще что-то сказать! — продолжал Ван Рийн чуть ли не в два раза громче, чем пароходная сирена. — Я говорю всему Флоту, а вы уже сами спросите себя, чего добивается этот жалкий кусок дерьма. Он толкает вас на войну, в которой могут проиграть только обе стороны. Я говорю вам, он хочет рисковать вашими жизнями, жизнями ваших жен и детей, даже существованием всего Флота! Вы спросите, зачем? И я отвечу! Потому что боится! Знает, что после нескольких лет торговли с моей фирмой, после моих низких цен, все начнет изменяться! Вы начнете сами думать! Сделаете глоток свободы! И постепенно власть ускользнет из его лап. А он является слишком большой свиньей, чтобы жить самостоятельно! Нет, он должен иметь охрану и рабов из всех вас, которыми может править, чтобы доказать самому себе, что не выскочил у мамки из-под хвоста, а является настоящим правителем. Он лучше пошлет Флот на верную гибель и сам погибнет, чем согласится на этот договор и потеряет все!

— Убирайся с моего плота! — брызгая слюной, зашипел Теонакс, весь трясась. — Я

никогда не подпишу этот договор!

— Хорошо, я уйду, — кивнул Ван Рийн. Он подошел к Адмиралу. Палуба загудела от его шагов. — Я уйду, а ты будешь воевать дальше, если хочешь этого. Однако я сначала задам тебе один вопрос. — Он остановился напротив его адмиральского величества и нацелился волосатым пальцем в царственный нос:

— Почему столько шума из-за каких-то странных обычаев ланнахов? Может быть, ты тайно сам занимаешься такими штуками, а?

Сказав это, он повернулся к Теонаксу спиной...

Вейс не заметил того, что произошло потом, так как на мгновение стражники и капитаны Флота перекрыли ему обзор. Он услышал только какой-то писк и рев Ван Рийна. И тут же перед взором Эрика развернулся ураган крыльев.

Что-то произошло!

Он бросился в массу стиснутых тел. Его ударили хвостом по ребрам.

Едва почувствовав этот удар, он вlepил кому-то кулаком в лицо, но сделал это лишь затем, чтобы убрать противника с дороги и увидеть...

Николас Ван Рийн стоял с руками, поднятыми вверх, окруженный несколькими десятками острых копий.

— Адмирал укусил меня! — орал по-дракхонски толстяк. — Я здесь посол, а эта свинья меня укусила! Где написано в правилах международных отношений, чтобы глава государства кусал заграничных послов, а? Разве земной президент кусает дипломатов? Этот варварство! Понимаете, вар-вар-ство!

Теонакс отодвинулся назад, сплевывая и вытирая кровь с лица.

— Убирайся! — приказал он приглушенным тоном. — Уходи сейчас же, землянин!

Ван Рийн склонил голову:

— Идемте, друзья. Найдём себе такое место, где существуют более цивилизованные обычаи.

— Извините, сэр... Куда он вас?... — Эрик подошел ближе.

— Неважно, куда, — раздраженно бросил Ван Рийн.

Трольвен и Толк присоединились к ним. За ними двинулся эскорт ланнахов. Они прошли размеренным шагом по палубе, стараясь не выдавать своей радости при виде замешательства, охватившего дракхонов от столь некрасивого поступка их предводителя.

— Вы должны были предусмотреть это, — прошептал Вейс. У него уже не было никаких сил, ни эмоций, за исключением чувства гнева из-за невероятной глупости шефа. — Это раса хищников. Разве вы никогда не видели, как они щелкают челюстями, когда злятся? Это движение... нужно было предугадать его!

— Ты прав, мальчик, — пожал плечами толстяк. — Но нет худа без добра.

Посмотри на наших ланнахов, они прямо светятся от радости за такой ляпсус дракхончиков. И посмотри на его подданных, они не находят себе места от горя.

— Но они могли запросто убить тебя, разве не так?

Ван Рийн не счел нужным ответить.

Дельп догнал их возле фальшборта. Его гребень жалко свисал набок.

— Мне жаль, что все так получилось, — сказал он. — Мы могли бы жить в дружбе...

— Может быть, еще не все потеряно, — развел руками Ван Рийн.

— Что ты имеешь в виду, землянин? — Усталые глаза Дельпа смотрели на толстяка без тени надежды.

— Так это можешь скоро узнать! — Ван Рийн положил руку на плечо дракхона.

— Ты отличный парень, Дельп. Мы могли бы найти тебе занятие, например, ты мог бы стать моим торговым агентом на этой планете. Конечно, за соответствующее вознаграждение. Во всяком случае, знай, что ты единственный, кого любят и уважают. Если что-то случится с этим адмиралишкой, и они ударятся в панику, человеком, который сможет привести их в чувство, будешь ты и только ты! Если они не дураки, то именно к тебе они должны будут обратиться за помощью. И если ты в такую минуту будешь действовать

быстро, то сам станешь Адмиралом. А вот тогда-то мы еще раз сможем все обговорить по-настоящему, разве не так?

Отвернувшись от Дельпа, который остался стоять как вкопанный, он с обезьяньей ловкостью вскочил в корыто подъемника и приказал дракхонам быстро опускать их.

Оказавшись в лодке, он заорал:

— А сейчас, ребятки, гребите, как сумасшедшие!

Они были уже почти возле своего флота, когда Эрик заметил тучи крыльев, взметнувшихся с королевского плота. От волнения он сглотнул.

— Атака... Они уже начали? — Он проклинал себя за то, что голос его срывался в такой момент.

— Эх, парень, жаль, что меня там сейчас нет! — Ван Рийн выпятил грудь, стоя на корме лодки, и кивнул головой. — Думаю, что это не война.

Это просто-напросто суматоха. Сейчас Дельп должен захватить власть в свои руки, и они успокоятся как миленькие.

— Но Дельп...

Ван Рийн пожал плечами.

— Если диомеданский белок является для нас ядом, — сказал он, — то наш для них тоже не сахар. А наш покойный ныне Теонакс укусил меня, между прочим, до крови. Это еще раз доказывает, что дурной характер доставляет его владельцу массу хлопот. Лучше действовать по моему примеру: если меня кто-то бьет, я подставляю другую щеку.

Глава 22

Торговая база Политехнической Лиги не имела хорошего медперсонала; всего-то, что автодиагност, пара робохирургов и роботерапевтов, бедный выбор лекарств, да еще ксенобиолог базы, в обязанности которого вменялось заниматься лечением. Так или иначе, шестидневный пост не грозит летальным исходом, если перед его началом человек был сильным и здоровым, а для перелета ему служили руки, ноги, крылья и хвосты двух народов, населяющих планету. При помощи биопрепаратов восстановление сил проходило успешно, а диета, начавшаяся с глюкозы внутривенно, через пару дней закончилась увесистыми бифштексами с кровью. На шестой диомеданский день Эрик Вейс уже немного поправился, но еще неуверенно расхаживал по комнате.

— Закурим? — предложил молодой человек по имени Бенегал.

Когда экспедиция вернулась, его не было на станции, поскольку он посещал поселение аборигенов, с которыми торговали земляне. Только сейчас он обо всем узнал и с уважением предложил сигарету.

Эрик остановился, и халат обернулся вокруг его ног. Он постоял немного, а потом усмехнулся:

— Кажется, за все то время, пока у нас не было табака, я утратил привычку курить. Встает вопрос, а стоит ли ее возобновлять?

— Но, извините, сэр, разве не...

— Хотя нет! Дай мне сигарету! — Эрик сел на край кровати и осторожно затянулся. — Наверняка я еще восстановлю все свои привычки и приобрету парочку новых!

— Вы хотели рассказать мне о том, как было сообщено на станцию о случившемся, — напомнил Вейсу Бенегал.

— Ах, да. Это было очень просто. Я придумал это за десять минут.

Нужно было послать достаточно многочисленную группу диомеданцев с известием на бумаге, а также одного толкового переводчика, Толка, чтобы он мог расспросить о дороге к базе по ту сторону океана. Необходимо было также спроектировать большой плот, состоящий из легких досочек, которые можно было бы привязать к хвосту. Каждый диомеданец мог нести один элемент, и когда нужно было, легко соединяли их в плот. Они отдыхали на нем, ловили рыбу, ели и так далее. В этой группе было также несколько

специалистов из Флота, которые занимались сборкой плота и управлением. В это время года дождь идет часто, так что можно было собирать дождевую воду в емкости и пить ее. Проблемы с водой у них не было, впрочем, так же, как и с едой. Я был уверен, что с этой стороны все будет в порядке. Дракхоны ведь уходят в море на очень долгий срок, и никогда у них не бывает проблем с водой. Правда, они уходят на своих огромных плотах, но тем не менее, они приучены добывать воду в условиях длительного плавания. Не забывайте, Бенегал, что это — планета дождей. Кроме того, я настаивал на том, чтобы в группе было несколько женщин из расы ланнахов по причинам, которые тебе уже известны. Означало это то, что члены группы посланцев из обоих народов должны избавиться от вековых предрассудков. В перспективе, этот факт должен изменить всю их жизнь гораздо больше, чем все впечатления, какие могли произвести на них земляне при помощи таких штучек, как доставка их обратно за один день. С этого момента, хотя бы они этого или не хотят — те, кто отправился в путешествие, станут зачинателями нового в обеих культурах. Они станут почвой под зерна диомеданского интернационализма. Но это пусть утешает Лигу, а не меня.

Вейс пожал плечами.

— После отлета посланников, — продолжал он, — мы могли только ждать.

Мы лежали и ждали. После первых дней уже не было так плохо. Аппетит со временем пропадает.

Он погасил сигарету и передернулся от отвращения к никотину. После долгого воздержания от курения него закружилась голова.

— Когда я увижу остальных? — спросил он. — Я уже выздоровел и мне скучно. Хочу пообщаться с друзьями, черт возьми!

— Собственно, сэр... — начал Бенегал, — кажется, что сэр Ван Рийн говорил что-то...

В это время в коридоре загрохотал голос:

— Ад и дьяволы! Бездельники! Кто будет работать?..

— ...О том, что он собирается навестить вас, — закончил Бенегал, съездившись от испуга при голосе шефа.

— Тогда беги отсюда, парень, — усмехнулся Эрик. — Ты слишком молод, чтобы слышать то, что будет здесь сказано. Мы, братья по крови, которые обманули смерть, присягнули в дружбе и так далее, и тому подобное, вот-вот должны вновь встретиться.

Юноша скрылся через другую дверь, а Эрик встал с постели. Ван Рийн ввалился в помещение через главный вход. Его фигура Юпитера немного округлилась, он опирался на палку с золотым набалдашником. Волосы у него были вновь завиты в элегантные черные локоны, усы и борода подстрижены в стрелку, кружевная рубашка и камзол были усеяны крошками табака, а ноги, напоминающие волосатые пни, торчали из гигантских сапог. Пальцы обеих рук были унизаны перстнями с бриллиантами, а на шее висела серебряная цепочка размером с хорошую якорную цепь.

Он махнул рукой, в которой держал вонючую сигару вместе с четырехслойным бутербродом, и зарычал:

— Ага, ты уже на ногах! Отлично, мой мальчик! Выздороветь можно лишь тогда, когда перестанешь хлебать этот помойный супчик! Знает ли этот сумасшедший ветеринар, сколько стоит мне каждый час, проведенный здесь?

Какой куш попадет мне в руки, если я доберусь до дома, прежде чем эти шакалы-конкуренты узнают, что Николас Ван Рийн несмотря ни на что жив и здоров! Только что я втолковывал инженеру станции, в его высохший гриб, который он носит вместо головы, что если мой корабль не будет готов к старту завтра в полдень, то я привяжу его снаружи к обшивке корабля и прикажу взлетать. Ты сам тоже возвращаешься с нами на Землю, нет?

Эрик Вейс ответил не сразу.

За спиной Ван Рийна в комнате возникла Сандра. Она ехала в инвалидном кресле, такая бледная и худая, что у него заныло сердце. Ее волосы разметались на подушке, как легкое холодное облачко, и казалось, дотронься до нее — и ощутишь холод. Только глаза у нее

были живые, огромные, как бесконечная зеленая глубина земных морей.

Она улыбнулась ему.

— Мисс... — прошептал он.

— А, — махнул рукой Ван Рийн. — Она тоже летит. — Он выбрал спелое яблоко из вазы, стоящей возле кровати Эрика и смачно откусил. — Продолжим нашу прерванную прогулку; может быть, на борту не будет столько забав и развлечений, но также... — он повернулся и глянул на девушку одним глазом.

— Оставим это на потом, когда вернемся на Землю, — улыбнулась Сандра.

— Но у вас может не хватить сил на такое путешествие... — испугался Вейс. Он сел на кровать — ноги не держали его.

— Хватит, — сказала она тихо. — Я должна только соблюдать предписанную диету и много отдыхать.

— А вот это самое худшее, что мы можем сделать, — буркнул Ван Рийн, доедая яблоко и выбирая апельсин.

Наступила неловкая пауза. Ван Рийн стал есть апельсин, бросая корки на пол.

— Даже с большого несчастья, — наконец подал он голос, — добрый господь бог может дать нам хорошую прибыль, если только на то будет его воля. Я не могу лично знать всех людей, работающих на меня, но многообещающие парни, такие, как ты, только зря теряют время на маловажных участках, похожих на эту планету. Я заберу тебя на Землю и найду хорошую работу в соответствии с твоими способностями.

«Коль скоро она забыла то холодное утро под горой Оборх, — подумал Эрик Вейс, — я сам могу вспомнить другие, менее приятные вещи и громко говорить о них. Час настал».

Он был все еще немного слаб и немного дрожал, однако перехватил взгляд Ван Рийна и гневно произнес:

— Это, конечно же, для вас, сэр, простейший способ, чтобы восстановить чувство собственного достоинства. Подкупить меня теплым местечком, чтобы я забыл, как Сандра сидела с кисточкой в тесной каморке и падала от усталости, как отдала вам последнюю еду... и как я напрягал все силы для того, чтобы освободить нас, пленных, в том краю... Не прерывайте, меня, сэр! Знаю, что вы тоже принимали в этом участие! Вы сражались во время морской битвы, но у вас не было выбора, не было, где спрятаться. И вы нашли выход, чтобы избавиться от невыгодного партнера. У вас талант к таким вещам. Вот вы и сделали несколько результативных предложений. Но к чему все это привело? — продолжал он. — В сумме это не больше, чем приказания для меня, типа «сделай это», «построй то». И я вынужден был делать все это, имея помощниками нелюдей и инструменты каменного века. Я должен был сам все проектировать! А теперь что я слышу: «Заберу тебя на Землю!» Вся ваша роль, ваше руководство сводилось к прогулкам, к игре в кости, разговорам, тайной политике, обжираловке в то время, когда Сандра лежала без еды на Даврнахе! А все заслуги вы приписали себе! И сейчас я должен лететь на Землю, засесть в том грязном хлеву, который вы называете Бюро и провести остаток своих дней, обивая баклуши и держа язык за зубами, когда вы будете похвастаться о приключениях на Диомеде! Что, не так?

Возьмите себе свою должность и...

Эрик почувствовал на себе взгляд Сандры, полный сочувствия, и резко замолчал.

— Я ухожу из Компании! — наконец пробормотал он.

Во время всей этой речи Ван Рийн, наконец, прикончил апельсин и вернулся к бутерброду. Затем громко икнул, облизал пальцы и затянулся сигарой.

— Если ты считаешь, что я раздаю теплые местечки, — загудел он неожиданно вежливо, — то ты великий оптимист. Я раздаю хорошие должности только потому, что считаю, что от толкового специалиста будет больше пользы, чем от какой-то бараньей головы, даже если эта голова сидит на Земле. Я буду платить тебе столько, сколько ты заслужишь своими трудами. И даю слово, что работы у тебя будет навалом.

У Эрика захватило дух.

— Вольному воля, можешь оскорблять меня, если хочешь, — продолжал Ван Рийн. —

Я знаю тебя, парень, и поэтому не обижаюсь. Ты это делаешь не из-за того, чтобы сделать пакость старику. Поэтому-то я и не обижаюсь.

Сейчас же я хотел бы покинуть вас, милые мои. Я еще не выяснил, кто же подложил бомбу в корабль. А вот когда я узнаю кто, вот тогда-то и займусь им. Вот будет потеха! Нет, постойте! Сначала я схожу и попрошу своего повара, чтобы он сделал мне небольшой бутербродик, так, с полбатончика.

Похоже, черт побери, если я не скажу им, они здесь меня уморят с голода!

Он помахал волосатой рукой и удалился, как небольшое землетрясение.

Сандра подкатила на кресле ближе и положила руку на руку Эрика. Ее прикосновение было холодным, мягким, как падающий октябрьский листок, но огнем обожгло его кожу.

Словно сквозь туман он слышал ее голос.

— Я ждала такой реакции от тебя, Эрик. Да, многие из них имеют талант только на то, чтобы мешать другим. Конечно. Но он к ним не относится. Без него мы оба лежали бы сейчас на дне моря Ахан.

— Но...

— Жаль, что он вынуждал тебя выполнять вещи, которые требовали от тебя, а не от него, применения своего умения. Да, конечно же, вынуждал!

Командиру нет необходимости делать все самому. Ему нужно только приказывать... убеждать, применять силу, понукать... и все для того, чтобы заставить других делать то, что нужно сделать, неважно, возможно это или нет. Ты говоришь, что его работа сводилась только к болтовне, шуткам и созданию внешнего эффекта, чтобы произвести впечатление на провинциалов-туземцев. Ну конечно же, это так! Ведь кто-то же должен был это делать! Мы были бы для них чудовищами, чужаками и неумехами, если бы не его разговоры. Смогли бы мы сами без него начать жалкими глупцами, а закончить почти королями? Ты говоришь, что он подкупал при помощи вещей, которые выиграл в фальшивые кости, врал, обманывал, интриговал как тайно, так и открыто. Это правда, но я не говорю, что это хорошо. Но и не говорю также, что он находил в таких действиях удовольствие. Можешь ли ты, однако, предложить хотя бы один другой способ, который сохранил бы нам жизнь? Либо хотя бы принести мир этим бедным измученным народам?

— Но... — Он отвел глаза и посмотрел в окно, на голый пейзаж за ним.

Мелькнула мысль, что может быть, было бы хорошо отдохнуть немного на менее суровой природе Земли. — Как знать, — сказал он в конце концов неохотно, цедя каждое слово. — Думаю... однако, что слишком быстро осудил его. Но мы тоже сделали немало, сама знаешь. Без нас он никогда бы...

— А я считаю, — прервала она его, — что без нас он нашел бы другой способ, как добраться до дома. А вот мы без него — вряд ли!

Он резко отпрянул назад. Ее лицо горело красным огнем, гораздо более ярким, чем мог вызвать солнечный блеск, проникающий снаружи.

«Она в конце концов женщина, — подумал Эрик с усталостью, которая внезапно охватила его. — Женщины отличаются от нас, мужчин, еще и тем, что их жизнь принадлежит будущим поколениям. А ее — в особенности, поскольку существование целой планеты может зависеть от ее ребенка, а она аристократка в высшем понимании этого слова. Отец будущего Великого Князя Гермеса может быть старым, толстым и неопрятным, толстокожим и лишенным всякой романтики; может увидеть в ней лишь эпизод в жизни. Это не имеет для нее значения, если она как женщина и аристократка видит в нем только отца своего ребенка».

— Я... — Сандра смешалась, словно ее поймали с поличным. В ее взгляде светилась невысказанная мольба. — Думаю, что мне лучше сейчас уйти и дать тебе отдохнуть. — А после минутного молчания добавила:

— Он не так силен, как утверждает. И я ему еще потребуюсь.

— Нет, принцесса, — сказал Эрик с неожиданной нежностью. — Это не ты ему, это он тебе нужен. Прощай, дорогая!

